

84

Михайъ Рейвсоловъ

Книжка

20

а
Д. П. КУПРИНЪ +

КОЛЕСО
ВРЕМЕНИ

(РОМАНЪ))

РАЗСКАЗЫ f

~~Instytut
Filologii Słowianskiej~~
БЕЛГРАДЪ

1930

Nie pożyczaj się do domu

860099

Biblioteka
Uniwersytetu Gdańskiego

1100683650

„РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ” — Бѣлградъ, Битольская, 25.

D102/33/09

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ.

РОМАНЪ.

Глава I.

ГРЕНАДИНЪ.

До чего, дружокъ, я радъ этой встрѣчѣ! Посчитай-ка: Отъ шестнадцатаго года до двадцать восьмого — цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ не видались. Гарсонъ, еще два бѣлаго съ гренадиномъ! Вотъ, никакъ не могу пріучить этого красавца наливать въ стаканъ сначала чуточку гренадина, а потомъ уже доливать виномъ: такъ и смѣшивается скорѣе, и не надо ихнихъ гнусныхъ оловянныхъ ложечекъ. Разъ сорокъ ему говорилъ. Нѣтъ, привыкъ по-своему, и ничѣмъ его не переупрямишь. Такой консерваторъ... Ахъ милый мой, слезы мнѣ глаза щипятъ. Встаютъ давніе, молодые годы. Москва. Охотничій клубъ. Тѣстовъ. Черныши. Малый театръ. Бѣга на Ходынкѣ. Первая любвишки... Сокольники... Эхъ, не удержать, не повернуть назадъ колесо времени. Великое это свинство со стороны матери природы.

Обидно вотъ что: встрѣтились мы цѣлый часъ назадъ. Ну, конечно, оба сначала не узнали другъ друга, потомъ искренно обрадовались, крѣпко, по-братски, поцѣловались. Но, подумай: только теперь, и то съ большимъ усиленіемъ — я нашель, наконецъ, тебя тогдашняго, прежняго тебя, самага предприимчиваго изъ насъ троихъ, веселыхъ мушкетеровъ. Въ первый мигъ — признайся, — обоимъ намъ стыдно и жалко было глядѣть другъ на друга: такъ ужасно изжевали насъ челюсти беспощаднаго времени, а злая жизнь покрыла наши лица, какъ корою, бороздами, мор-

щинами, жестокими складками. Но, слава Богу, теперь оттаяла, отпала вся наросшая кора. Ты опять тотъ же. Дай мнѣ еще разъ крѣпко пожать твои руки! Такъ! Здравствуй. Привѣтствую тебя въ славномъ городѣ Тулузѣ. Гарсонъ! Литръ бѣлаго вина. И оросите его гренадиномъ. Оно спокойнѣе, если съ запасомъ.

Ты говоришь — многовато? Пустяки. Вино легкое, а гренадинъ только отбиваетъ привкусъ сѣры. Смотри, не обижайся. Подмѣтилъ я твой моментальный взглядъ, искоса. Знаю, у тебя мелькнула мысль про меня: „не опустился-ли?“ Нѣтъ, дружище: я человѣкъ не опустившійся, а такъ сказать, опустошенный. Опустѣла душа, и остался отъ меня одинъ только тѣлесный чехолъ. Живу по непреложному закону инерции. Есть дѣло, есть деньги. Здоровъ, по утрамъ читаю газеты и пью кофе, все въ порядкѣ. Вино вкушаю лишь при случаѣ, въ компаніи, хотя сама компанія меня ничуть не веселитъ. Но душа отлетѣла. Созерцаю теченіе дней равнодушно, какъ давно знакомую фильму.

Вотъ, ты, давеча, вкратцѣ рассказалъ о своемъ двѣнадцатилѣтнемъ бытіи. Господи! что ни поворотъ судьбы, то цѣлая эпопея. Какая-то дикая и страшная смѣсь мрачной трагедіи съ похабнымъ водевилемъ, высоты человѣческаго духа со смрадной, мерзкой клоакой. Ты говорилъ, а я думалъ: „ну, и крѣпкая же машиница человѣческой организмъ!“ А, все-таки, ты живъ. Живъ великой тоской по родинѣ, живъ святой ненавистью къ ея разрушителямъ, живъ блаженной вѣрой въ возвращеніе домой, въ воскресающую Россію. Мои испытанія, въ сравненіи съ твоими, — киндершпиль, дѣтская игра... Но въ нихъ есть кое-что занимательное для тебя, а меня тянетъ хоть одинъ разъ выплестись передъ кѣмъ-нибудь стоящимъ. Трудно человѣку молчать пять лѣтъ подрядъ. Такъ слушай.

Ты ужъ, навѣрное, догадался, что заглавіе моего разсказа состоитъ только изъ трехъ буквъ „Она“? Но здѣсь будетъ и о моей глупости, о томъ, какъ иногда, сдуру, въ одну минуту теряетъ человѣкъ большое счастье, для того, чтобы потомъ всю жизнь каяться... Ахъ! не повернешь...

Въ 14-мъ году, какъ, можетъ быть, ты помнишь, я

сдалъ послѣдніе экзамены въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, а тутъ подоспѣла война, и взяли меня въ саперы. А когда набирались вспомогательныя войска во Францію, то и я потянулъ свой жребій, будучи уже поручикомъ-инженеровъ. Во Франціи я былъ свидѣтелемъ всего: и энтузіазма, съ которымъ встрѣчались наши войска, и нашего русскаго героизма, а потомъ, увы, пошли митинги, разложеніе и, конечно, дикій вопль: „Попили нашей кровушки“. Послѣ армістиса мнѣ не трудно было устроиться близъ Марсели на бетонномъ заводѣ. Началь простымъ рабочимъ, потомъ сталъ контръ-мэтромъ, потомъ — шефомъ экипажа и начальникомъ главнаго цеха. Много насъ, русскихъ, служило вмѣстѣ; все бывшіе люди, различныхъ классовъ. Жили дружно. Да, братъ, наша эмиграція показала истинный демократизмъ, въ томъ высокомъ смыслѣ, который и не снился присяжнымъ сосьяль-демократамъ. Ютились въ баракахъ, сами ихъ застеклили, сами поставили печи, сами устлали полы матами. У меня былъ отдѣльный павильончикъ, въ двѣ комнаты съ кухонкой, и большая, подъ парусиннымъ тентомъ, терраса. Питались изъ общаго котла бараньимъ рагу, эскарго, мулями, макаронами съ томатами. Никто никому не завидовалъ. Да, что я тебѣ скажу: надумали мы всей русской артелью взбодрить, на паяхъ, свое собственное дѣло: заводъ марсельской черепицы. Расчитали — предпріятіе толковое... Но вотъ тутъ-то и случился со мною этотъ перевертонъ. Хотя, кто знаетъ, можетъ быть, я и вернусь когда-нибудь къ этому черепичному дѣлу?

Сначала-то намъ скучновато бывало. Особенно въ дни праздничные, когда время тянется безконечно долго, и не знаешь, куда его дѣвать. Природа такая: огромная выжженная солнцемъ плѣшина, кругомъ вышки элеваторовъ, а вдали мотаются жиденькія потрепанныя акаціи, и далеко-далеко синняя полоска моря, вотъ и весь пейзажъ.

Одна только отрада въ эти тягучіе праздники и оставалась: закатиться въ славный городъ Марсель, благо, по вѣткѣ ѣзды всего полтора часа... И компанія у насъ своя подобралась: я — бывший инженеръ, затѣмъ — бывший гвардейскій полковникъ, бывший геодезистъ, да бывший

императорскій пѣвецъ, онъ же бывшій баритонъ. Компанія не вьелка, але бардзо почтива, какъ говорятъ поляки.

Люблю я Марсель. Все въ ней люблю: и старый портъ, и новый, и гордость марсельцевъ, улицу Коннобьеръ, и курсъ Пьеръ де Пуже, эту сводчатую темнолиственную аллею платановъ, и Соборъ Владычицы, Спасительницы на водахъ, и узкія, въ размахъ человѣческихъ рукъ, старинныя четырехъ-этажныя улицы, и марсельскіе кабачки, а также пылкость, фамиллярность и добродушіе простого народа. Никогда оттуда не уѣду, тамъ и помру. Впрочемъ, ты сейчасъ увидишь, что для такой собачьей привязанности есть у меня и другая причина, болѣ глубокая и больная.

Такъ вотъ: однажды въ ноябрѣ, въ субботу — скажу даже число — какъ разъ 8 ноября, въ день моего ангела, Архистратига Михаила, зашабашили мы, по англійской модѣ, въ полдень. Принарядились, какъ могли, и поѣхали въ Марсель. День былъ хмурый, вѣтреный. Море блѣдно-малахитовое, съ грязно-желтой пѣной на гребняхъ, бурлило въ гавани и плескало черезъ парапетъ набережной.

По обыкновенію, позавтракали въ старомъ порту неизбежнымъ этимъ самымъ буйябессомъ, послѣ котораго чувствуешь себя такъ, будто у тебя и въ глоткѣ, и въ животѣ взорвало динамитъ. Пошлялись по кривымъ тѣснымъ улочкамъ стараго города съ заходами для освѣженія, посѣтили выставку огромныхъ слоноподобныхъ сѣрыхъ кроткихъ першероновъ и въ сумерки разбрелись, уговорившись завтра утромъ сойтись на старой пристани, чтобы пойти вмѣстѣ на дневной спектакль: афиши обѣщали „Риголетто“ съ Тито Руффо.

Я всегда, по приѣздѣ въ Марсель, останавливался въ одной и той же гостинницѣ, на другомъ краю города, въ новомъ порту. Называлась она просто „Отель дю Портъ“. Это — мрачное, узкое, страшно высокое зданіе съ каменными винтовыми лѣстницами, ступени которыхъ угнулись посерединѣ, стоптанныя милліонами ногъ. Тамъ, на самомъ верху была низкая, но очень просторная комната. Она мнѣ нравилась. Окна въ ней были круглыя, какъ пароходные иллюминаторы. Полъ покрывалъ настоящій

персидскій коверъ, превосходнаго рисунка, но измызганный подошвами до нитей, до основы, до дыръ. На стѣнахъ висѣли въ потемнѣвшихъ облупившихся золоченныхъ рамахъ старинныя гравюры изъ морской жизни. Эту комнату по субботамъ оставляли въ моемъ распоряженіи.

Съ хозяевами отеля я уже давно успѣлъ подружиться. Долго ли намъ русскимъ, а въ особенности, ярославцамъ, какъ я?

Хозяинъ былъ добродушный четырехъ-угольный, неповоротливый челоуѣкъ. Марселецъ родомъ и бывшій морякъ, весь въ морщинахъ, съ яснымъ взоромъ и спокойной душой. Хозяйка Аллегрія, въ противоположность своему флегматичному мужу, была подвижная испанка, сильно располнѣвшая, но еще не потерявшая тяжелой, горячей южной красоты. Это она была настоящей самодержавной правительницей дома, а прислуживалъ во всѣхъ семи этажахъ и внизу, въ ресторанѣ, нѣкто Анри, съ виду настоящій наемный убійца, а по характеру самый веселый, проворный и услужливый малый во всей Марсели. Куда этому чернокудрому красавцу! Гарсонъ, еще одинъ грендинъ съ бѣлымъ!

Часовъ въ семь я пришелъ въ отель пообѣдать, занялъ уютный столикъ въ углу, заказалъ себѣ кое-что и въ ожиданіи спокойно сидѣлъ, думая о различныхъ случайныхъ пустякахъ и лѣниво оглядывая публику. Ресторанъ этотъ, на рѣдкость для невзрачной части города, просторный и свѣтлый, не только опрятно, но даже кокетливо содержимый. Мы съ тобой ходимъ туда когда-нибудь, если будемъ въ Марсели. Двери выходили на гавань, и отъ нея доносились вздохи и всплески волнъ и запахъ моря.

Какіе диковинные посѣтители за столами!

Арабы въ длиннѣйшихъ бурнуссахъ, перекинутыхъ черезъ плечо живописными складками; фески красныя, черныя и вишневыя; зеленые и бѣлые тюрбаны, чалмы, плетеныя изъ маисовой соломы, итальянскіе колпаки, маленькіе, полуголые, похожіе на обезьянъ моряки, черные и блестящіе, какъ вакса, съ курчавыми, подобно войлоку,

волосами; матросы разныхъ странъ, сидящіе отдѣльными кучками и крѣпко стучащіе стаканами о столы, пестрый, скачущій гомонъ разноцвѣтныхъ словъ, и откуда то — лѣнь поглядѣть, откуда — вкрадчивые звуки гитары, сопровождающіе сладкій теноръ, поющій итальянскую пѣсенку о томъ, какъ три барабанщика возвращались съ войны, и у одного барабанщика былъ букетъ розъ, а дочь короля, сидѣвшая у окошка, попросила: „послушай, барабанщикъ, далъ бы ты мнѣ эти розы...“ „Дамъ тебѣ розы, если выйдешь за меня“. А она отвѣчаетъ: „Послушай-ка, барабанщикъ, пойдѣ и спроси моего отца“. — „Senti Sor Ré!...“

И вдругъ произошелъ скандалъ. Какіе-то цвѣтные моряки, не то шоколадные, не то оливково-зеленаго цвѣта, всѣ какъ на подборъ маленькіе и сухіе, но точно сдѣланные изъ стали, выпили лишнее, начали шумѣть, перессорились и уже готовились пустить въ ходъ кривые тонкіе ножи. Всѣ они оралѣ одновременно на какомъ-то дикомъ гортанномъ языкѣ, похожемъ то на клекотъ хищныхъ птицъ, то на свинное хрюканье, страшно выкатывая желтые бѣлки и скаля другъ на друга матово-черные зубы. И, вотъ, Аллегрія (что значить по испански — „веселость“) накидываетъ на себя яркую мантилью съ бахромой, вытаскиваетъ изъ волосъ розу, беретъ ее въ зубы, подбоченивается и вызывающей походкой, раскачивая толстыми бедрами, съ головой, гордо закинутой вверхъ, подходитъ къ столу скандалистовъ. Интересно было глядѣть на нее въ эту минуту. Вся она точно преобразилась, помолодѣла и внезапно похорошѣла. Гнѣвные каріе глаза, ноздри, раздутыя, какъ у арабской кобылы, красная роза въ красныхъ губахъ... Короткимъ повелительнымъ движеніемъ, вытянувъ передъ собой руку, она указала на дверь и съ удивительнымъ выраженіемъ высококомѣрнаго презрѣнія, сквозь стиснутые зубы произнесла:

— Сортэ!

Ахъ! Что дала бы Сарра Бернаръ за такой жестъ и за такую интонацію!

Матросы такъ и остановились среди перебранки, забывъ даже закрыть рты, и одинъ за другимъ, гуськомъ,

вышли осторожно изъ ресторана на согнутыхъ ногахъ на ципочкахъ, скрипя тяжелыми морскими башмаками. Этотъ водевильный уходъ въ связи съ величественной позой Аллегрѣи, былъ полонъ дикаго комизма. Я захохоталъ такъ невольно, такъ свободно, какъ смѣялся только въ дѣтствѣ на клоунскихъ пантомимахъ.

И тутъ же я почувствовалъ, что спинка моего стула слегка трясется. Я взглянулъ вверхъ и сейчасъ же всталъ, чтобы дать мѣсто дамѣ. И вотъ тутъ-то... нѣтъ, не бойся, я не слезливъ... тутъ-то я съ восторгомъ понялъ, что милостивая судьба или добрый Богъ послали мнѣ величайшее счастье въ мирѣ. Почувствовалъ сердцемъ, но умомъ еще не понялъ.

Красива ли была она? Этого я не сумѣю сказать. Она была прекрасна. Если бы я былъ беллетристомъ — чертъ бы ихъ всѣхъ побралъ, — я бы смогъ ее описать: губы коралловыя, зубы жемчужные, глаза, какъ черные брилліанты или бархатъ, роскошное тѣло, и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Она еще продолжала смѣяться. Она сняла перчатки и бросила ихъ на мой столъ. Она апплодировала, шутя, хозяйкѣ, и Аллергія отвѣтила ей серьезнымъ поклономъ. Хороша ли она была? И опять я скажу — не знаю. Знаю только, что о ней одной я мечталъ съ самыхъ раннихъ, съ самыхъ мальчишескихъ дней. Мнѣ показалось, что я знаю ее очень давно, лѣтъ двадцать и какъ будто бы она была всегда моей женой или сестрой, и если я и любилъ другихъ женщинъ, то лишь — въ поискахъ за ней.

Опять наши глаза сошлись въ улыбка. Я думаю, что ничто такъ не соединяетъ людей, какъ улыбка. И не съ улыбки ли начинается каждая истинная любовь?

Она сѣла рядомъ со мной. На ней было черное шелковое платье, съ черными кружевами. Она не была ни надушена, ни напудрена. Ея тѣло благоухало молодостью и свѣжестью.

Она спросила:

— Что вы себѣ заказали? Мнѣ лѣнь выбирать по прейсъ-куранту.

Я отвѣтилъ:

— Устрицы, рыбу соль, швейцарскій сыръ и бананы.

— Закажите то же и мнѣ. А вино будетъ мое. Согласны?

И, не дожидаясь моего отвѣта, она постучала перстнемъ по мрамору и позвала гарсона.

Анри принесъ во льду бутылку шампанскаго вина, и когда я увидѣлъ марку Муммъ Кордонъ Ружъ, то немного испугался: если эта женщина такъ широко распоряжается, то во сколько же десятковъ франковъ она мнѣ сегодня обойдется? Хватить ли? Говорю тебѣ — въ этотъ день я былъ дуракъ, а главное — такъ и остался дуракомъ во всѣ послѣдующіе дни. Я попробовалъ было сдѣлать моему другу Анри строгіе глаза, но напрасно: это уже былъ не мой Анри, а ея слуга и рабъ.

Да она почти и не пила. Ей дали маленькую серебряную ложку. Она взболтала вино, и когда оно выпѣнилось, — только чуть-чуть пригубила. Ъла она съ удовольствіемъ и очень красиво. А я сидѣлъ и думалъ: кто же она, эта женщина? Актриса? Международная шпіонка? Очень дорогая кокотка? Развратная искательница приключеній? Или, можетъ быть... она работаетъ на процентахъ въ этомъ кабачкѣ? Не аргентинка ли она?

Анри принесъ закрытый счетъ, но подалъ его не мнѣ, а ей. И опять не помогли мои гнѣвные глаза. А она, небрежно взглянувъ на счетъ, только кивнула слегка головой. Тогда я разсердился, да и какой бы мужчина не разсердился бы на моемъ мѣстѣ? Разсердился и обнаглѣлъ.

И спросилъ грубо:

— А кофе мы будемъ пить у меня наверху? Не такъ ли? Анри, принесите намъ наверхъ кофе и ликеры.

Ахъ Аллахъ Акбаръ! Если бы мнѣ еще разъ въ жизни услышать веселый стукъ ея каблучковъ, когда она быстро всходила на мой седьмой этажъ! Если бы еще разъ поглядѣть, какъ она сама заботливо ухаживала за патентованнымъ кофейнымъ самокипомъ, какъ ласково она мнѣ разрѣшила: „Курите, если хотите!“ И не я, а она удлинила нашъ поцѣлуй. И она же первая отвела деликатно мои руки...

— Потомъ, — сказала она.

ДУРНЫЯ МЫСЛИ.

— Я прошу васъ сѣсть,—сказала она, — и выслушать меня спокойно. Я хочу, чтобы вы поняли меня.

Она опустилась на диванъ, такъ близко ко мнѣ, что наши плечи часто соприкасались, и я чувствовалъ порою лучистую теплоту и упругость ея тѣла. Сначала я думалъ: „ну, къ чему эти объясненія, послѣ внезапнаго и фамильярнаго знакомства? Вѣдь она не дѣвочка, вѣдь ей лѣтъ тридцать, тридцать пять, — и, конечно, не дѣвушка. Она, несомнѣнно, знаетъ, что ходятъ женщины къ холостымъ мужчинамъ вовсе не для того, чтобы посмотрѣть рѣдкія японскія гравюры, или, прихлебывая ликеры, развлечься дружескимъ разговоромъ о спортѣ и послѣднихъ премьерахъ. А особенно ночью“.

„Не сдѣлалъ ли я съ самага начала грубѣйшую ошибку противъ старой тактики любви? Вѣдь, давно-давно сказано, что самые сладкіе поцѣлуи вовсе не тѣ, которые выпрашиваются, или позволяютъ, а тѣ, которые отымаются насильно; что каждая женщина, даже вполне нравственная, вовсе не прочь отъ того, чтобы ея стыдливость была преодолена пылкимъ нетерпѣніемъ, и, наконецъ, что параграфъ первый любовной войны гласитъ: потерянный удобный моментъ можетъ очень долго, а то и никогда не повториться. И такъ далѣе... Вспомнился еще мнѣ мимоходомъ немного рискованный анекдотъ изъ жизни веселой и прелестной графини де Вальверъ, рассказанный ей самою, уже въ ея преклонныхъ годахъ:

На ея карету напали въ Сенарскомъ мѣсу разбойники. Предводитель банды, кстати, молодой, очень красивый и вѣжливый человекъ, не удовольствовался тѣмъ, что отобралъ у графини всѣ ея деньги и драгоценности, которыя она отдала безъ сопротивленія, но, о, ужасъ! очарованный ея цвѣтущей красотой, и, не взирая на ея мольбы и крики, злодѣй отнялъ у нея то сокровище, которымъ женщина дорожитъ болѣе всего на свѣтѣ.

— Представьте, дамы и господа, — говорила де Валь-

веръ, — вы можете мнѣ не вѣрить: но былъ одинъ моментъ, когда я, вся въ слезахъ не могла не воскликнуть: Oh, mon voleur, oh, mon charmant voleur!

Да, мой милый, такіе анекдоты и дешевые афоризмы, очень въ ходу между нами, мужчинами, и не оттого ли мы такъ часто выходимъ изъ любовныхъ битвъ мокрыми пѣтухами и меланхолическими ослами? Ужъ лучше вѣрить мудрому Соломону, который изъ своего обширнѣйшаго любовнаго опыта вывелъ одно размышленіе: никто не постигнетъ пути мужчины къ сердцу женщины. И надо тебѣ сказать правду: послѣ нѣсколькихъ словъ моей странной незнакомки, я почувствовалъ себя со стыдомъ, весьма маленькимъ, весьма обыденнымъ и весьма пошленькимъ человѣчкомъ.

— Я не скрою, — говорила она ласково, — я видѣла васъ раньше и даже не одинъ разъ. Видѣла сначала на вашемъ цементномъ заводѣ. Я туда заѣхала за директоромъ, но не выходила изъ автомобиля.

Меня очень пріятно поразило, какъ вы разговаривали съ патрономъ: руки въ карманахъ рабочей блузы, короткіе увѣренные жесты, холодная вѣжливость, ни малѣйшаго вида услужливости. Такую независимость у подчиненнаго можно увидѣть только у англичанина, да, пожалуй, у американцевъ. У французовъ — рѣже. Я подумала, было, сначала, что вы англичанинъ, но потомъ рѣшила: нѣтъ, не похоже.

Когда мы съ директоромъ ѣхали въ Марсель, то онъ въ разговорѣ какъ то сказалъ, что у него на заводѣ много русскихъ, и что онъ ими очень доволенъ. Работаютъ не только руками, но и головой. Имъ не только не жаль, — говорилъ онъ, — повышать плату, но даже выгодно.

Тутъ я и поняла, почему ошиблась, принявъ васъ за англичанина. Въ васъ очень много этого русскаго... какъ бы сказать, этого *quelque chose de „Michica“*:

Я удивился:

— Много чего?

— De „Michica“, чего то медвѣжьяго. Пожалуйста, простите, я не хотѣла сказать ничего обиднаго. Это, скорѣе,

комплиментъ. Я очень люблю всѣхъ животныхъ и, какъ только есть возможность, хожу въ зоологическіе сады, въ звѣринцы, въ цирки, чтобы полюбоваться на большихъ звѣрей и на ихъ прекрасныя движенія. Но медвѣдей я обожаю! Напрасно на нихъ клеветаютъ, говоря что они неуклюжи. Нѣтъ, несмотря на свою ужасную силу, они необыкновенно ловки и быстры, а въ ихъ позакъ есть какая то необъяснимая тяжелая грація. Одинъ разъ, не помню гдѣ, я увидѣла въ клѣткѣ необычайно большого бураго медвѣдя. У него шерсть на шеѣ была бѣлая, точно бѣлое ожерелье, а на клѣткѣ написано. „Мишика. Сибирскій медвѣдь“. Сторожъ мнѣ сказалъ, что этотъ медвѣдь былъ подаренъ французскому полку русскими солдатами, которые, послѣ армистиса возвращались домой, въ Сибирскую Лапландію. И съ тѣхъ поръ я уже не могу мысленно называть русскихъ иначе, какъ „Мишика“.

Я не могъ не засмѣяться. Она вопросительно поглядѣла на меня.

— Очень странное совпаденіе, — сказалъ я. — Мишика — это и мое имя, данное мнѣ при крещеніи.

И я объяснилъ ей, какъ имя Михаилъ у насъ превращается въ Мишу и Мишку и какъ, неизвѣстно почему, нашъ народъ зоветъ повсюду медвѣдя Мишкой.

— Какъ странно! — сказала она и замолчала на нѣсколько минутъ, пристально глядя на абажуръ висячей лампы. Потомъ, точно насильно оторвавъ глаза отъ огня, она спросила:

— Вы суевѣрны?

Я признался, что — да.

— Какъ странно — повторила она задумчиво — какъ страшно... Неужели это фатумъ? И крѣпко приложила теплую маленькую ладонь къ моимъ губамъ. И когда она потомъ говорила — то постоянно: или нѣжно гладила мои щеки, или, отдѣливши вихоръ на моей головѣ, навивала колечками волосы на свои пальцы и распускала, или клала руку на мое колѣно. Мы были вдвоемъ, мои губы еще помнили ея недавній неторопливый поцѣлуй, но предприимчивость кентавра уже покинула меня.

Она продолжала:

— Я люблю русскихъ. Въ нихъ бродить молодая раса, которая еще долго не вылетется въ скучныя общія формы. Я цѣню ихъ мужество, твердость и ясность, съ какой они несутъ свои несчастія. Мнѣ нравится, какъ они поютъ, танцуютъ и говорятъ. Ихъ живопись изумительна. Русской литературы я не знаю... Пробовала читать, чувствую какую то большую внутреннюю силу, но не понимаю... не умѣю понять. Скучно...

— Въ другой разъ, я видѣла васъ въ соборѣ Notre Dame de la Garde, вы ставили свѣчку Мадоннѣ. Въ слѣдующій разъ я видѣла, какъ вы съ вашими друзьями — васъ было трое — наняли лодку у стараго кривоглазаго Онезима и поплыли на островъ Ифъ. Скажу вамъ безъ лести, вы отлично гребете. И послѣдній разъ — сегодня. Признаюсь, я была немного экстровагантна, и васъ это немного покорило. Не правда ли? Но увѣряю васъ, я не всегда бываю такая. Вы не повѣрите, я иногда очень застѣнчива, а застѣнчивые люди склонны дѣлать глупости. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами. Мнѣ казалось, что въ васъ я найду добраго друга.

— Друга! — вздохнулъ я меланхолично.

— Можетъ быть, и больше. Я ничего не знаю напередъ. Не придете ли вы завтра въ полдень въ этотъ же ресторанъ? Предупреждаю, я вамъ скажу или очень, очень много, или ничего не скажу. Во всякомъ случаѣ, завтра въ двѣнадцать. Согласны?

— Благодарю васъ. Я здѣсь ночую. Можетъ быть, проводить васъ?

— Да, только до улицы. Внизу меня ждетъ автомобиль.

Я свѣтилъ ей, спускаясь по крутой лѣстницѣ. На послѣдней ступенькѣ я не выдержалъ и поцѣловалъ ее въ затылокъ. Она нервно вздрогнула, но промолчала. Удивительно: ея кожа нѣжно благоухала резедой, такъ-же, какъ ея пахнетъ море послѣ прибоя и шейка дѣвочки до десяти лѣтъ. Мальчишки — тѣ пахнутъ воробьемъ.

— Monsieur Michica et madame Reseda, — подумалъ я въ темнотѣ по-французски и улыбнулся.

СУПЕРКАРГО.

Вообрази себѣ большую бетонную комнату, въ зеленоватомъ тускломъ освѣщеніи. Въ ней нѣтъ ничего, кромѣ деревяннаго, некрашенаго стола, на которомъ аккуратными рядами разложены штукъ тридцать-сорокъ голландскихъ печныхъ кафелей, ну, вотъ, тѣхъ самыхъ изразцовъ съ незатѣйливымъ синимъ рисункомъ, которые намъ такъ были любы на нашихъ „голанкахъ“. И на каждой изъ этихъ плитокъ мнѣ приказано кѣмъ то раскладывать правильными линіями, въ строгомъ порядкѣ, старыя почтовые марки, разныхъ цвѣтовъ, годовъ и странъ, каждую — по своей категоріи. Но огромная бѣльевая корзина, стоящая на полу, подлѣ меня, переполнена марками свыше верха. Когда, чортъ возьми, окончу я эту идиотскую работу. Глаза мои устали и плохо видятъ: руки тяжелы, неловки и не хотятъ меня слушаться; марки прилипаютъ къ пальцамъ и разлетаются во всѣ стороны отъ моего дыханія.

Но не это самое главное. Самое важное въ томъ, что окончанія моей работы ждетъ нетерпѣливо какая то знакомая, но забытая мною, непонятная женщина. Она невидима, но угадывается мною. Она — въ родѣ колеблющейся неясной фигуры духа на спиритическихъ сеансахъ, или туманнаго блѣднаго образа, какъ рисуютъ привидѣнія на картинахъ, и, въ тоже время, я знаю, что она тѣлесная: живая и теплая, и, чѣмъ скорѣе я разложу по мѣстамъ марки, тѣмъ скорѣе увижу ее въ настоящемъ видѣ. Надо только спѣшить, спѣшить, спѣшить...

Я просыпаюсь отъ спѣшки. Ночь. Тьма. Далеко въ порту тонко длинно и печально свиститъ катеръ, или паровозикъ. Я никакъ не разберусь, гдѣ лѣвая, гдѣ правая сторона кровати; и долго шарю руками въ черной пустотѣ, пока не натыкаюсь на холодную стѣну. Дыханіе у меня коротко, сердце томится. Нахожу кнопку и надавливаю ее. Свѣтъ быстро разливается по комнатѣ. Смотрю на часы: какая рань. Два безъ десяти.

И опять засыпаю. И опять гладкія зеленоватая бе-

тонныя стѣны, опять бѣлые сине-узорчатыя изразцы, опять капризныя, проклятыя марки... опять загадочный, видимый и невидимый образъ женщины, и опять просыпаюсь съ томленіемъ въ сердцѣ. Курю, пью воду, гляжу на часы, укладываюсь на другой бокъ и опять засыпаю и вижу тотъ же самый сонъ, и снова и снова... Мученіе. Я знаю давно, что эти надобдливые, какіе-то многостворчатые, составные выдвигные сны снятся послѣ большихъ душевныхъ потрясеній, или наканунѣ ихъ.

Послѣдній разъ я проснулся оттого, что моя постель внезапно затряслась отъ мелкихъ содроганій. Ревѣлъ въ порту огромный океанскій пароходъ. Ревѣлъ поразительно низко, густо и мощно, точно подъ моей комнатою, а на черномъ фонѣ этого апокалипсическаго рева, вышиваль золотыя спирали своей утренней пѣсни ничѣмъ непобѣдимый пѣтухъ. Изъ узкихъ прямыхъ прорѣзей въ окнахъ струился параллельными линіями голубоватый свѣтъ утра.

Ночные сонные образы еще бродили неуловимо въ полутемной комнатѣ: бетонная комната, изразцы: марки, нелѣпый трудъ, отяжелѣніе сердца... Сны вѣдь долго не покидаютъ насъ; ихъ вкусъ, ихъ тонъ иногда слышатся на цѣлый день. Но они таяли, таяли, а когда я распахнулъ настежь ставни, то исчезъ и ихъ отдаленный отвкусъ.

Было семь часовъ. Можно было бы разбудить Анри, но я предпочелъ спуститься внизъ. Ресторанъ былъ еще запертъ, а выходъ изъ отеля былъ на внутреннемъ крючкѣ. Я вышелъ на улицу, прошелъ налѣво и въ маленькомъ кабачкѣ угольщикова выпилъ кофе съ ромомъ. Потомъ вернулъся домой и, не раздѣваясь, крѣпко заснулъ — безъ сновъ.

Точно, въ 10 часовъ, какъ и было условлено, ко мнѣ вошелъ Анри съ кофеемъ, молокомъ и круассанами. Обмѣнялись добрымъ днемъ. Я льстилъ Анри. Я его называлъ и моимъ старикомъ, и моимъ добрымъ другомъ. (Вѣдь мы были давно знакомы).

Я его спросилъ:

— Скажите, Анри, кто была эта вчерашняя дама?

Онъ сдѣлалъ глупое лицо — скосилъ глаза и слегка разинулъ ротъ.

— Дама, м-сье? Какая дама?

У этого бандита былъ совершенно невинный видъ.

Я разсердился:

— Чортъ бы васъ побралъ, мой очень дорогой Анри! Да та самая дама, которая со мною сидѣла вчера, рядомъ, въ ресторанѣ, внизу.

— Увы, я не помню, м-сье. Какъ хотите, не помню.

— Ну, та самая, которая потребовала шампанское Муммъ.

— Извините меня, м-сье, увѣряю васъ, что не помню.

— Ахъ чорты! Наконецъ, та самая, которая уплатила весь счетъ, хотя я и показывалъ вамъ знаками, что вы меня ставите въ самое идиотское положеніе. Не стройте же дурака, мей старій Анри, прошу васъ.

Но Анри былъ холоденъ, непроницаемъ и равнодушенъ.

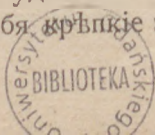
— Что вы хотите отъ меня дорогой господинъ? У насъ въ ресторанѣ бываютъ ежедневно сотни мужчинъ и дамъ. Трудно всѣхъ упомнить... Добрый день, м-сье.

— Нѣтъ, нѣтъ, постойте. Та самая дама, для которой вы подавали сюда, вотъ въ эту комнату, ликеры.

— О, м-сье, вы сегодня проснулись въ дурномъ расположеніи духа... Простите, что я покидаю васъ. Мнѣ еще надо обслужить двадцать комнатъ. Добрый день м-сье.

И онъ исчезъ. Такой злодѣй!

Кому неизвѣстенъ странный капризь времени: когда торопишься, когда каждый мигъ дорогъ, то часы летятъ какъ минуты. Но когда ждешь, или тоскуешь — минуты растягиваются въ часы. Я не зналъ куда дѣвать эти два часа. Зашелъ побриться, купилъ цвѣтовъ — гвоздики и фіалокъ — купилъ засахаренныхъ каштановъ, и еще много у меня оставалось досуга, чтобы побродить по набережной. Послѣ вчерашняго дождя и шторма былъ ясный солнечный день, тихій и теплый и вся Марсель казалась заново вымытой. Я съ удовольствіемъ, расширенными ноздрями втягивалъ въ себя вѣрвѣкіе запахи большого морского

порта. Пахло іодомъ, озономъ, рыбой, водорослями, арбузомъ, мокрыми свѣжими досками, смолой и чуть чуть резедою. Въ груди моей вдругъ задрожало предчувствіе великаго блаженства, и тотчасъ же ушло.

Ровно въ 12 часовъ я спустился въ ресторанный. Моя знакомая незнакомка была уже тамъ и сидѣла на томъ же мѣстѣ, что и вчера вечеромъ. На ней было темно-красное пальто и такая же шляпка, на плечахъ широкой палантинъ изъ какого-то звѣрька, порыжѣе соболя, но такого же блестящаго. О, Боже мой, какъ она была прекрасна въ въ этотъ день, я не могу, не умѣю этого рассказать.

Она была не одна. Противъ нея сидѣлъ молодой морякъ. О профессіи его легко можно было догадаться по золотымъ якорямъ, по золотому канту на рукавахъ и еще по какимъ то золотымъ эмблемамъ... Я не знаю, какъ у другихъ, но у меня всегда, съ первой минуты знакомства съ человѣкомъ, укрѣпляется въ памяти кромѣ его разныхъ именъ и званій еще какое то летучее прозвище, моего собственнаго мгновеннаго изобрѣтенія. Оно то и остается всего прочнѣе въ памяти. Этого молодого моряка я мысленно называлъ „Суперкарго“. Откровенно говоря, я не знаю, что это за морской чинъ. Знаю только, что гораздо ниже шкипера, но немного выше матроса. Что то около боцмана... Такъ онъ и запалъ у меня въ память съ этимъ титуломъ.

Замѣтилъ я также, что онъ очень красивъ. Но все это только по первому быстрому поверхностному взгляду. Нѣсколько минутъ спустя, я убѣдился, что онъ не только очень, но исключительно, поразительно, необычайно хорошъ собою. Не скажу — прекрасенъ. Прекрасное—это изнутри. Иногда, вотъ бываетъ дурнушка, совсѣмъ не видная и плохо сложенная, съ веснушками около носа. Но какъ подниметъ вдругъ рѣсницы, какъ покажетъ на мгновенье золотое и ласковое сіяніе глазъ, то сразу чувствуешь, что передъ этой прелестью померкнетъ любая патентованная красавица. Видѣлъ я также лицо одного морского капитана во время тайфуна въ Китайскомъ морѣ. Въ обычной жизни былъ онъ ужъ очень неказистъ, такая распрорусская лу-

петка и носъ картофелемъ. Но во время урагана, когда вокругъ ревъ, грохотъ, крики, стоны, ужасъ, близкое дыханіе смерти... когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ жизнь и волю сотенъ человѣкъ — что за прекрасное, что за вдохновенное было у него лицо!

Но, въ сторону беллетристику. Скажу просто, что этотъ суперкарго былъ красивъ совершенной итальянской, вѣрнѣе даже, римской красотой. Круглая римская голова, античный профиль, великолѣпнаго рисунка ротъ. Его волнистые бронзовые волосы выгорѣли и пожелѣли на концахъ. Лицо такъ сильно загорѣло, что стало, какъ у мулата, кофейнымъ. И большіе блестящіе голубые глаза. Ахъ, знаешь, никогда мнѣ не нравилось, если на смугломъ фонѣ лица — свѣтло голубые глаза; въ этой комбинаціи какая то жесткость и внутренняя пустота. Ну, вотъ, какъ хочешь, не вѣрю и не вѣрю я такимъ лицамъ...

Я наклонился, цѣлуя, по русскому, довольно таки нелѣпому обычаю, руку у дамы, и тотчасъ же не глядя почувствовалъ на своей спинѣ враждебный взглядъ моряка.

Она сказала:

— Познакомьтесь, господа.

Стоя, я уже готовился протянуть руку, но сразу сдержался. Суперкарго не вставая, тянулъ руку какъ то бокомъ ко мнѣ, что конечно можно было принять за невѣжество или небрежность. Я кивнулъ головой и сѣлъ.

Разговоръ за столомъ еле-еле вязался. Говорили о погодѣ, о Марсели, о корабляхъ. Я заказалъ себѣ вермутъ съ касиссомъ. Дама спросила тотъ же аперитивъ. Суперкарго вдругъ повернулся ко мнѣ.

— Вы, кажется, иностранецъ, мсье, если я не ошибаюсь, — сказалъ онъ и слегка прищурилъ голубые глаза.

Я отвѣтилъ сухо:

— Мнѣ кажется, что мы всѣ здѣсь въ Марселѣ иностранцы?

— А не могу ли я спросить какой націи мсье?

Тонъ его былъ наглъ. Жестокость взгляда и очень плохое французское произношеніе, усиливали мою антипатію къ нему. Во мнѣ закипало раздраженіе и въ то же

время я чувствовалъ себя очень неловко. Охъ, не терплю я такихъ трію, когда около хорошенькой женщины двое мужчинъ оскаливаютъ другъ на друга клыки и готовы зарычать, какъ ревнивые кобели, простите за грубое сравненіе.

Но я еще не терялъ самообладанія.

Я отвѣтилъ, по возможности, спокойно.

— Я русскій.

Онъ искусственно засмѣялся.

— А. Русскій. Ле большевикъ?

— Нѣтъ, — возразилъ я, еще удерживаясь, но икра на правой ногѣ у меня задергалась,

— Нѣтъ, я не изъ страны большевиковъ, а изъ той великой Россіи, гдѣ образованные люди знали, что такое обыкновенная вѣжливость.

Онъ сказалъ съ дѣланной балаганной надменностью:

— И вы вѣроятно, дали бы мнѣ маленькій урокъ этой вѣжливости, если бы у васъ хватило на это смѣлости? Вы, русскіе, извѣстные храбрецы. Вы это блестяще доказали, бросивъ во время войны своихъ союзниковъ.

Тутъ я долженъ, кстати, сказать объ одномъ моемъ свойствѣ, вѣрнѣе объ одномъ органическомъ порока. По отцу я, видишь ли, добрый и спокойный русопеть, вродѣ ярославскаго телка, но по материнской линіи я изъ татаръ, въ жилахъ которыхъ текутъ капли крови Тамерлана, хромого Таймура и, первый признакъ этой голубой крови неистовая бѣшеная вспылчивость, отъ которой въ ранней молодости, пока не обуздалъ себя, я много и жестоко пострадалъ. И вотъ, глядя теперь въ упоръ на итальянца, я уже чувствовалъ, какъ въ голову мнѣ входитъ давно знакомый розовый газъ — веселый и страшный.

Я быстро всталъ. Всталъ и онъ моментъ въ моментъ со мною вмѣстѣ, точно два солдата по командѣ.

У меня уже были готовы, уже дрожали на губахъ тѣ злыя, несправедливыя слова, послѣ которыхъ мужчины стрѣляютъ другъ въ друга, или схватившись, яростно кажутся по полу. Я хотѣлъ ему напомнить объ извѣстной

всему міру рѣзвости итальянскихъ ногъ во всѣхъ войнахъ при отступленіи. У меня былъ также на готовѣ Негусъ Абиссинскій, его голые дикари вооруженные дротиками и паническое бѣгство храбрыхъ, нарядныхъ берсальеровъ.

Я увидѣлъ, какъ его рука быстро скользнула за пазуху, но въ тотъ моментъ не придаль этому жесту никакого значенія. Розовый газъ въ моей головѣ густѣлъ и дѣлался краснымъ.

— Siede (сядь), — раздался вдругъ повелительный женскій голосъ. Это крикнула моя незнакомка и суперкарго моментально опустился на стулъ. Въ этой стремительной послушности было, пожалуй, что то комическое. Вѣдь во всякомъ итальянцѣ живетъ немного отъ Пульчинелло. Но разсмѣялся я лишь полчаса спустя.

Я пришелъ въ себя и провелъ рукой по лбу. Меня немного качнуло въ сторону.

Я сказалъ, стараясь взять беззаботный тонъ:

— Впрочемъ, мнѣ кажется, что мы совсѣмъ напрасно завели при дамѣ политическій и національный диспутъ. Вѣдь это такая скучная матерія...

И прибавилъ, обращаясь къ суперкарго:

— Но если вамъ угодно будетъ продлить нашъ интересный разговоръ, я къ вашимъ услугамъ. Я остановился здѣсь же, въ отелѣ, номеръ семнадцать. Всегда буду радъ васъ увидѣть.

Суперкарго хотѣлъ, было, что-то отвѣтить, но она однимъ легкимъ движеніемъ руки заставила его замолчать.

Я низко поклонился дамѣ. Она сказала спокойно:

— Прошу васъ, не уходите изъ своей комнаты. Черезъ десять минутъ я приду къ вамъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ, я вдругъ вспомнилъ быстрый коварный жестъ итальянца и понялъ, что онъ полѣзъ за ножомъ. Мнѣ стало немножко жутко.

„Вѣдь, пожалуй, могъ бы подлець распоротъ мнѣ животъ“.

Глава IV.

МИШИКА.

Признаюсь, не легко у меня было на сердцѣ, когда я ходилъ взадъ и впередъ по моей отдельной комнатѣ, похожей на просторную низкую каюту. Волненіе, вызванное внезапной ссорой съ итальянскимъ морякомъ, еще не улеглось во мнѣ.

Зачѣмъ она познакомила насъ? Что у нея общаго съ этимъ смуглымъ и голубоглазымъ Антиномемъ? Чѣмъ объяснить его дерзкую придирчивость? Неужели ревностью? Какъ мнѣ теперь держать себя съ моей прекрасной дамой? Вчера она обѣщала сказать мнѣ много-много или ничего... Что она скажетъ?

Я попалъ въ какой-то запутанный ребусъ. Но — говорю правду — ни одна косая, ни одна враждебная мысль не возникала во мнѣ по поводу моей странной незнакомки. Я вызывалъ въ памяти ея прелестное лицо, ея милый голосъ, ея руки, и чувствовалъ, что вѣрю ей непоколебимо.

Въ дверь громко постучали, тройнымъ ударомъ. Я крикнулъ „Entrez“, и поднялся навстрѣчу.

Въ комнату вошелъ Суперкарго. Теперь, когда онъ былъ на ногахъ, я увидѣлъ стройность и крѣпость его сложенія и быстро подумалъ: неужели опять ссора? Розовый воинственный газъ уже испарился изъ моей головы. Новое буйное опьяненіе гнѣвомъ мнѣ представлялось скучнымъ и противнымъ.

Онъ шелъ ко мнѣ съ открытой протянутой рукой, съ ясными и смѣлыми глазами.

— Простите меня, — сказалъ онъ просто. — Я былъ виноватъ, затѣявъ этотъ глупый разговоръ, и я недостойно держалъ себя.

Мы пожали другъ другу руки. Онъ продолжалъ спокойнымъ, но внутренне дрожавшимъ голосомъ:

— Вся бѣда въ томъ, что я увидѣлъ, какъ вы поцѣловали ея руку. Я забылъ, что у васъ на сѣверѣ это — самый простой обычай. У насъ же, на югѣ, цѣлуютъ руку только очень близкой женщиной: матери, женѣ, сестрѣ. Я

не зналъ, какъ объяснить вашъ жестъ: фамильярностью, дерзостью, или... или... еще чѣмъ-нибудь. Но я уже принесъ вамъ извиненіе. Позвольте мнѣ выпить воды.

На моемъ ночномъ столикѣ не было стакана. Онъ взялъ графинъ и сталъ пить изъ горлышка съ такой жадностью, что я слышалъ его глотки и я видѣлъ какъ дрожала его рука.

Напившись, онъ вытеръ ротъ ладонью и сказалъ съ суровой торжественностью:

— Да хранить синьору пресвятая Ностра Дама делля Гварда марсельская, и всѣ святые.

Я не могъ удержаться отъ вопроса:

— Вы говорите такъ, какъ будто „синьора“ близка вамъ.

Онъ отрицательно замоталъ указательнымъ пальцемъ передъ носомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Можно ли быть близкимъ солнцу? Но кто мнѣ можетъ запретить обожать синьору? Если бы ей предстояло уколоть свой маленькій палецъ иглой, то я, чтобы предотвратить это, отдалъ бы всю мою кровь... Прощайте же, синьоръ. Я думаю, вамъ не трудно будетъ передать синьорѣ, что мы разстались друзьями.

Еще разъ мы протянули другъ другу руки. Пожатіе его мозолистой ладони до боли сдавило и склеило мои пальцы.

Я внимательно взглянулъ на него и поразился тому, какъ чудесно измѣнились его глаза. Въ нихъ уже не было прежней неприятной жестокости: они посинѣли и смягчились; они блестяли тѣми слезами, которыя выступаютъ, не проливаясь. Отвратительно видѣть плачущаго мужчину, но когда у сильнаго и гордаго человѣка стоятъ въ покраснѣвшихъ глазахъ эти теплыя слезы, которыя онъ самъ какимъ-то усиліемъ воли заставить высохнуть, то, право, лицо его на мгновеніе становится прекраснымъ.

— Баста! — сказалъ морякъ, бросая мою руку. — Да хранить Богъ синьору: она лучше всѣхъ на свѣтѣ. Я уже никогда больше не увижу ни ее, ни васъ.

— Почему вы такъ говорите? Міръ не особенно великъ. Можетъ быть, встрѣтимся.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ съ покорнымъ вздохомъ, — я увѣренъ: раньше, чѣмъ кончится этотъ годъ, — я утону въ морѣ. Гитана въ Кадиксѣ предсказала мнѣ два событія, которыя произойдутъ почти рядомъ. Одно случилось сегодня. Прощайте, синьоръ.

Онъ простился и вышелъ, не оглянувшись. Мнѣ слышно было, какъ онъ сбѣгалъ по каменной лѣстницѣ съ той быстротой, съ какой только молодые моряки умѣютъ спускаться по трапамъ.

Я ждалъ ее. И слышалъ бѣненіе своего сердца. Кто изъ насъ не волновался передъ свиданіемъ, на которомъ намъ обѣщано много-много? Но теперь было совсѣмъ другое. Я чувствовалъ, что за дверью молчаливо стоитъ моя судьба и вотъ-вотъ готова войтико мнѣ. Я испытывалъ ту странную усталость, ту лѣнливую робкую вялость, которыя, какъ отдаленное пророчество, говорятъ намъ о близости великаго жизненнаго перелома. Я думаю, что такое духовное краткое изнеможеніе должны переживать монархи передъ коронаціей, и приговоренныя къ смерти въ ожиданіи палача.

Издали-издали, снизу, до меня донесся быстрый, легкій, четкій стукъ ея каблучковъ. Я поспѣшилъ спуститься и встрѣтился съ ней на площадкѣ. Она обѣими руками обняла мою шею. Прикасясь губами къ моимъ губамъ, она жарко шептала:

— Мишика, мой милый Мишика, я люблю тебя, Мишика. Мы свободны, о мой Мишика, о мой милый Мишика!

Такъ мы останавливались на каждой площадкѣ. А когда мы пришли въ мою комнату, она нѣжно взяла меня ладонями за виски, приблизила мое лицо къ своему и, глядя мнѣ глубоко въ глаза, сказала со страстной серьезностью:

— Я твоя, Мишика... Въ счастья и въ несчастіи, въ здоровьи и въ болѣзни, въ удачѣ и неудачѣ. Я твоя до тѣхъ поръ, пока ты хочешь, о, мой возлюбленный Мишика!

Потомъ вдругъ встряхнула головой и сказала:

— Я велѣла завтракъ принести къ тебѣ, наверхъ. Будемъ одни, не такъ ли, Мишика?

Глава V.

МАРІЯ.

Въ это воскресенье я совсѣмъ позабылъ о моихъ заводскихъ друзьяхъ, которые по уговору, дожидались меня въ старомъ порту, противъ стараго ресторана Бассо, знаменитаго на весь міръ своимъ огненнымъ буайбезомъ. Забылъ я также и о самомъ заводѣ: не поѣхалъ туда ни въ понедѣльникъ, ни во вторникъ, взялъ по телеграфу отпускъ. Эти дни навсегда, неизгладимо врѣзались въ моей памяти. Я помню каждое слово, каждую улыбку; теперь это — моя тайная шкатулка съ сокровищами...

Не знаю, можетъ быть, было бы и некстати, что я заговорилъ о Суперкарго, но мнѣ это казалось какимъ-то неизбѣжнымъ долгомъ. Я рассказалъ ей о нашемъ искреннемъ примиреніи, о его красивомъ мужествѣ, о его благоговѣннѣи передъ ней и о томъ, какъ онъ благословлялъ ея имя. Когда я упомянулъ о его предчувствіи близкой смерти, мнѣ показалось, что она поблѣднѣла. Немного помолчавъ, она сказала:

— Надо, чтобы ты зналъ все. Почти годъ назадъ я его любила. И онъ любилъ меня. Намъ пришлось надолго разстаться. Онъ долженъ былъ итти въ кругосвѣтное путешествіе. Мы не давали другъ другу клятвъ во взаимной вѣчной вѣрности. Такія клятвы — смѣшной и обидный вздоръ. Я сказала только, что буду ждать его возвращенія и до этого срока не полюблю никого. Первое время я, правда, немного тосковала. Но не умѣю сказать, почему — время ли постепенно заглушало мои чувства, или любовь моя къ нему была не очень глубока — образъ его скоро сталъ какъ-то стусевываться въ моемъ воображеніи, расплываться, исчезать. Наконецъ, я позабыла его лицо. Я старалась воскресить въ памяти наши счастливые часы и минуты... и не могла. Я поняла, что не люблю его больше.

Онъ зналъ меня. Онъ вѣрилъ мнѣ. Онъ зналъ, что никакая сила не заставила бы меня измѣнить ему въ его отсутствіи.

Я тебѣ должна признаться, хотя это мнѣ немножко и стыдно — что когда я увидѣла тебя въ первый разъ, то мгновенно почувствовала, что ты будешь моей радостью и я буду твоей радостью. Нѣтъ, нѣтъ, я себя не воображала какой-то побѣдительницей, хищницей, соблазнительницей, но я ясно почувствовала, что очень скоро наши сердца забудутся въ одинъ тактъ, близко-близко другъ къ другу. Ахъ! эти первыя, быстрыя, какъ искра въ темнотѣ, летучія предчувствія! Онѣ вѣрнѣе, чѣмъ годы знакомства.

Мнѣ трудно было удерживать себя и я сдѣлала нѣсколько маленькихъ глупостей вчера.

Ты простилъ меня. Но все-таки я не измѣнила. Въ любви, даже въ прошлой, нѣтъ мѣста лжи.

Я ему сказала, что люблю тебя. Онъ сразу покорился судьбѣ. Это не я заставила его подняться къ тебѣ. Онъ самъ понялъ свою вину. Онъ принялъ тебя за обыкновеннаго нагловатаго искателя приключеній и когда ты поцѣловалъ мою руку, — это показалось Джіовани вызовомъ ему и неуваженіемъ ко мнѣ...

Легкая, почти неуловимая вуаль печали скользнула по ея лицу и прошла. Она сказала:

— Довольно о немъ! Не правда ли? Его нѣтъ между нами.

Я согласился. Да. Но горька и тяжела мнѣ была эта странная минута, когда вся Марсель, глубоко погруженная въ темноту ночи, беззвучно спала. Я невольно снова вспомнилъ моего предшественника такимъ, какимъ я его видѣлъ у меня, при прощаніи, и невольно подумалъ о себѣ. Я себя увидѣлъ грузнымъ, съ лѣнливой перевалкой, сѣрые глаза широко разставлены въ стороны, курчавые соломенные волосы, бычій лобъ... И на сколько лѣтъ онъ былъ моложе меня!..

А на рѣсвѣтѣ, въ косыхъ золотыхъ лучахъ утренняго солнца, она, послѣ безсонной ночи, вдругъ такъ похорошѣла, такъ порозовѣла и посвѣжѣла, ну вотъ, какъ будто

бы она въ это утро каталась на конькахъ и пришла домой, вся благоухающая снѣгомъ и здоровьемъ.

Она сидѣла передъ зеркаломъ, прибирала свои бронзовые волосы и говорила не со мной, а съ моимъ отраженіемъ въ зеркалѣ, и, улыбалась радостно, то себѣ, то мнѣ:

— Давать въ любви обѣщанія и клятвы... развѣ это не грѣхъ передъ Богомъ, развѣ это не тяжкое оскорбленіе любви? Хуже этого, пожалуй, только ревность. Недаромъ въ Швеціи ее называютъ черной болѣзью. Ты ревнуешь, — значить, ты не вѣришь моей любви и значить, хочешь любить меня насильно, противъ моей воли и противъ моего желанія. Нѣтъ, уже лучше сразу конецъ. Обида плохая помощница любви.

Или, напримѣръ: вотъ прошло нѣкоторое время, и скучны тебѣ стали, пріѣлись мои ласки. вмѣсто праздника любви наступили утомительныя, мутныя будни. Скажи мнѣ прямо и просто, какъ другу: прощай. Поцѣлуемся въ послѣдній разъ и разойдемся. Что за ужасъ, когда одинъ не любить, а другой вымаливаетъ любовь, какъ назойливый нищій!

Ну, вотъ и все, Мишика, что я хотѣла сказать. Пусть это будетъ нашъ брачный контрактъ, или, если хочешь, наша конституція, или еще: первая глава въ катехизисѣ любви.

Она подошла ко мнѣ, обняла меня, прильнула губами къ моимъ губамъ и стала говорить шопотомъ, и слова ея были, какъ быстрые поцѣлуи:

Подъ этимъ договоромъ подписываюсь я, Марія: и вотъ эти руки, эти глаза, эти губы, и все, что есть у меня въ сердцѣ, и въ душѣ, принадлежитъ тебѣ, Мишика, пока мы любимъ другъ друга.

И я отвѣтилъ также шопотомъ:

— Этотъ договоръ подписываю и я, твой собственный покорный Мишика.

ГЛАВА VI.

„КОЛЪЯ“

— Знаешь ли что, мой дружокъ? Этотъ самовлюбленный карачаевскій барашекъ мнѣ совсѣмъ надоѣлъ своей безтолковостью. Давай-ка перекочемъ отсюда? Тутъ недалеко, за угломъ, я знаю одинъ укромный кабачокъ, гдѣ даютъ превосходный кофе и настоящій англійскій ямайскій ромъ. Garson, addition! Не стоитъ благодарности, Нарциссъ Тулузскій. Voir!

* * *

— Я былъ друженъ съ этой женщиной годъ и 4 мѣсяца. Замѣть, я говорю — друженъ, потому что не могу сказать близокъ: въ свою душу она меня не пустила и почти никогда не пускала. Не смѣю также сказать, что жилъ съ нею. Она испытывала брезгливый ужасъ при одной мысли о томъ, что два свободныхъ человѣка — мужчина и женщина — могутъ жить въ теченіи многихъ лѣтъ совмѣстно, каждая сутки, съ утра до вечера и съ вечера до утра, дѣлясь ѣдою и питьемъ, ванной и спальней, мыслями, снами, и вкусами, и отдыхомъ, развлеченіями, деньгами и горестями, газетами, книгами и письмами, и такъ далѣе, вплоть до ночныхъ туфель, зубной щетки и носового платка... Брр!.. И эта тѣсная жизнь длится до тѣхъ поръ, пока оба не потеряютъ окончательно всю прелесть и оригинальность своей личности, пока любовь, въ которой ежедневная привычка погасила стремительные восторги, не станетъ регулярной необходимостью, или чуть-чуть пріятнымъ удовольствіемъ, которое, впрочемъ, такъ легко замѣнимо ложей въ оперѣ, или интереснымъ сеансомъ въ синема.

— Я передаю не ея слова, а только смыслъ ея словъ. Ея рѣчь бывала всегда мягка и осторожна.

Однажды я спросилъ ее:

— А какъ же быть, если... дѣти?

Она глубоко, глубоко вздохнула. Потомъ, помолчавъ немного, сказала печальнымъ голосомъ:

— Вотъ именно, этого я и не знаю. Я никогда бы не

осмѣлилась противиться законамъ природы. Но Богу должно быть негодно послать мнѣ такое счастье. Я не могу себѣ представить, чтобы я думала, чувствовала и дѣлала ставши, матерью. Но, прости меня, мнѣ немножко тяжело говорить объ этомъ...

Да, долженъ сказать, что я въ первое время задавалъ ей слишкомъ много ненужныхъ и, пожалуй, безтактныхъ вопросовъ. Надо сознаться: мы, русскіе интеллигенты, всегда злоупотребляемъ свободою дѣлать пустые и неуклюжіе вопросы какъ старымъ друзьямъ, такъ и встрѣчнымъ пассажирамъ: „Откуда идете? Куда? А что это на глазу у васъ? Никакъ ячмень?“

— Ну, да, ячмень, чертъ бы тебя побралъ, но вовсе не ячмень мнѣ досаждаеть, а то, что до тебя, тридцать такихъ же идіотовъ предлагали мнѣ тотъ же самый вопросъ! — „Сколько вамъ лѣтъ? А вашей женѣ? Что же вы, батенька, такъ похудѣли? А почему это вашъ сынъ не похожъ ни на мать, ни на отца?“

И безъ конца: гдѣ? куда? зачѣмъ? почему? сколько?

Русскій мужикъ, солдатъ, рабочій, былъ куда меньше повиненъ въ такой развязности.

Нѣсколько недѣль понадобилось мнѣ до полного утвержденія мысли, что одинаково противны и дурацкій вопросъ, и надоѣдливое изліяніе души. Вотъ тутъ-то, дорогой мой, и надо всегда помнить мудрое правило: не дѣлай ближнему того, что тебѣ самому было бы противно.

Марія никогда не показывала неудовольствія или нетерпѣнія. Иногда она точно не слышала моего вопроса, а, если я повторялъ его, — мило извинялась, иногда говорила: „Право, мой Мишика, это тебѣ неинтересно“. Но чаще она ловко и нѣжно переводила разговоръ въ другое русло.

Однажды ночью, лежа безъ сна въ своемъ заводскомъ павильонѣ, я, по какой-то случайной связи мыслей, вспомнилъ о моемъ давнемъ дружкѣ, о Колѣ Констанди. Жилъ такой грекъ въ Балаклавѣ, владѣлецъ и атаманъ рыбацьяго баркаса „Свѣтлана“, великій пьяница и величайшій рыболловъ, который былъ въ нашихъ выходахъ въ море моимъ добрымъ наставникомъ и свирѣпымъ командиромъ. Однажды

онъ утромъ на набережной возился надъ своимъ баркасѣмъ, очевидно, готовя его въ долгій путь. Я спросилъ:

— Куда, Коля, пойдешь?

Онъ мнѣ отвѣтилъ сурово.

— Кирія Мегало (что означало „господинъ Михайло“, или иначе — „большой господинъ“, — никогда не спрашивайте моряка, куда онъ идетъ. Пойдетъ онъ туда, куда захотятъ судьба и погода. Можетъ быть, въ Одестъ, на Тендровскую косу, а если подыметъ трамонтана, то, пожалуй, унесетъ въ Трапезундъ, или Анатолю, а можетъ и такъ случится, что вотъ, какъ я есть, въ кожаныхъ рыбацкихъ сапогахъ, придется мнѣ пойти на морское дно, рыбъ кормить.

Это былъ хорошій урокъ. Но что значить упорная воля привычки! Нѣсколько дней спустя, я увидѣлъ, что Коля, разостлавъ на мостовой скумбрийныя сѣти, ползаетъ по нимъ, какъ паукъ по паутинѣ, штопая порванные ячейки, и спросилъ его:

— Гдѣ будешь бросать сѣти?

Вотъ тутъ-то онъ и привелъ меня въ рыбацью вѣру.

— Я же тебя училъ, трахъ тарарахъ, что моряка, трахъ тахъ тахъ, никогда не спрашиваютъ, тарарахъ тахъ тахъ...— и пошло и пошло рыбацье проклятiе, въ которомъ упоминаются всѣ одушевленные, неодушевленные и даже отвлеченные предметы и понятiя, за исключенiемъ компаса и Николая Угодника...

И вотъ, въ ночномъ свѣтѣ этого далекаго грубаго воспоминанiя, я вдругъ глубоко почувствовалъ, какъ я былъ неправъ, скученъ и назойливъ въ моемъ насильственномъ пытанiи чужой гордой души. Я спрашивалъ, напримѣръ: изо всѣхъ тѣхъ, кто тебя любили, кого ты любила страстиѣе? Или: многихъ ли ты любила до меня? Ты еще думаешь о своемъ молодымъ морякѣ Джіованни? тебѣ жаль его?

Ахъ, это русское ковыряніе въ своей и чужой душѣ! Да будетъ оно проклято! Въ эту безсонную одинокую ночь я въ темнотѣ нѣсколько разъ краснѣлъ отъ стыда за себя.

На другой день я рассказалъ ей о моемъ миломъ гре-

кандосѣ, и по тому, какъ весело, нѣжно и благодарно заискрились ея глаза, я увидѣлъ, что она поняла и приняла мое покаяніе и мое обѣщаніе. Съ той поры я пересталъ быть нищимъ вопрошателемъ.

Я вѣрно угадалъ, что покаянный рассказъ этотъ дойдетъ до ея сердца. Она была въ восторгѣ отъ моего „Колья“, пропитаннаго водкой, табакомъ и крѣпкимъ рыбнымъ запахомъ. Она заставила меня рассказать ей все, что я помнилъ о Колѣ Констанди, о Юрѣ Паратино, о всѣхъ Капитанаки и Панаіоти, о Ватикіоти и Андруцаки, о Сашкѣ Аргириди, о Кумбарули и прочихъ морскихъ пиндосахъ. Она безъ конца готова была слушать меня, когда я говорилъ ей о всевозможныхъ родахъ ловли, о всѣхъ опасностяхъ невѣрнаго рыбачьяго промысла, о героическихъ преданіяхъ, о морскихъ легендахъ и суевѣріяхъ, даже о нелѣпыхъ шумныхъ кутежахъ, послѣ богатаго улова бѣлуги.

— Мой обожаемый медвѣдь! — сказала она прижавшись тѣсно ко мнѣ. — Поѣдемъ туда, къ твоему „Колья“. Хочешь, сегодня же поѣдемъ?

А когда я объяснилъ ей, почему поѣхать въ теперешнюю Россію намъ совсѣмъ невозможно, она вдругъ расплакалась, какъ дѣвочка, горько и обильно.

— О, Боже, Боже! зачѣмъ же люди бываютъ иногда такъ злы, жестоки и подлы?

У нея была удивительная способность превращать кратчайшимъ путемъ замыселъ въ дѣло. Она долго и внимательно спрашивала меня о томъ, какія вещи могутъ теперь быть самыми необходимыми для рыбака, и въ тотъ же день былъ ею отправленъ Колѣ плотный пакетъ максимально дозволеннаго вѣса. Тамъ были уложены двѣ теплыя морскія фуфайки, нѣсколько мотковъ англійскаго шпагата, разной толщины, малые крючки, чтобы ловить кефаль на самодуру, средніе — для ловли на переметъ камбалы и морского пѣтуха — и самые большіе для переметовъ на бѣлугу, а такъ какъ оставалось еще немного пустаго мѣста, то его забили шоколадными плитками. Для отвода глазъ посылка пошла какъ будто бы отъ американца Джонсона, котораго Коля въ 1910 году возилъ въ лодкѣ показывать

окрестности Балаклавы. 99 шансовъ было за то, что посылка не дойдетъ. Мы надѣялись на сотый.

Глава VII.

ТРАКТАТЪ О ЛЮБВИ.

Вижу, дружище, что я тебя совсѣмъ заговорилъ. Потерпи. Иду теперь широкими шагами къ концу.

О, какъ много она мнѣ дала, и какой я передъ ней неоплатный должникъ! Она была очень умна, во всякомъ случаѣ, гораздо умнѣ меня. Но ея умъ не стѣснялъ, не подавлялъ: онъ былъ легокъ, непринужденъ и веселъ, онъ быстро схватывалъ въ жизни, въ людяхъ, въ книгахъ самое главное, самое характерное и подавалъ его то въ смѣшномъ, то въ трогательномъ видѣ: злого и глупаго онъ точно не замѣчалъ.

Въ любви Марія была, мнѣ кажется, истинной избранницей. Знаешь ли, какая мысль приходитъ теперь мнѣ часто въ голову? Думаю я такъ: инстинкту размноженія неизмѣнно подчинено все живущее, растущее и движущееся въ мірѣ, отъ клѣточки, до Наполеона и Юлія Цезаря, но только человѣку, этому цвѣту, перлу и завершенію творенія ниспосылается полностью великій таинственный даръ любви. Но посылается совсѣмъ не такъ ужъ часто, какъ это мы думаемъ. Случаи самой высокой, самой чистой, самой преданной любви выдуманы — увы! талантливыми поэтами, жаждавшими такой любви, но никогда не находившими ея.

Видишь: всѣ мы мыслимъ, я полагаю, непрерывно, въ теченіе всей жизни. Но настоящихъ философовъ человѣчество знаетъ не больше десяти-двадцати. Всѣ мы сумѣемъ нарисовать фигуру человѣчка: кружокъ, съ двумя точками-глазами, и вмѣсто ногъ и рукъ четыре палочки. Милліоны художниковъ рисовали немного лучше, а иные и гораздо лучше, но вѣдь есть предѣлы: никто не могъ добраться до Рафаэля, Леонардо да-Винчи, Рембрандта. Кто изъ насъ не умѣлъ промурлыкать легонькій мотивчикъ или подобрать его онимъ пальцемъ на піанино. Но наши музыкаль-

ныя способности совсѣмъ не сродни генію Бетховена, Моцарта или Вагнера, и не имѣютъ съ ними ни одной общей душевной черты.

Иные люди отъ природы надѣлены большой физической силой. Другіе рождаются съ такимъ острымъ зрѣніемъ, что свободно, невооруженнымъ глазомъ, видятъ кольца Сатурна. Такъ и любовь. Она — высочайшій и самый рѣдкій даръ невѣдомаго Бога.

Подумай-ка. Сколько милліардовъ людей, съ сотворенія міра совокуплялись, наслаждались, оплодотворялись, размножались и занимались этимъ въ теченіе милліоновъ лѣтъ. Но много ли разъ ты слышалъ о большой и прекрасной любви, о любви, которая выдерживаетъ всякія испытанія, преодолеваетъ всѣ преграды и соблазны, торжествуетъ надъ бѣдностью, болѣзнями, клеветой и долгой разлукой, о высшей любви, о которой сказано, что она сильнѣе смерти. И неужели ты не согласишься со мною, что даръ любви, какъ и всѣ дары человѣческіе, представляетъ собою лѣстницу съ безконечнымъ числомъ ступенекъ, ведущихъ отъ влажной, темной, жирной земли вверхъ къ вѣчному небу и еще выше.

Что? Бредъ, ты говоришь? Не оспариваю. Когда сидишь ночью съ другомъ въ кабачкѣ, не грѣхъ сболтнуть лишнее. Позволь только напомнить тебѣ о томъ, что была эпоха, когда человѣчество вдругъ содрогнулось отъ сознанія того болота грязи, мерзости и пакости, которыя засосали любовь, и сдѣлало попытку вновь очистить и возвеличить любовь, хотя бы въ лицѣ женщины. Это средневѣковое рыцарство, съ культомъ преклоненія передъ прекрасной дамой. И какъ жаль, что это почти священное служеніе женскому началу выродилось въ карикатуру, въ шутотрагедію...

Но кто знаетъ грядущія судьбы человѣчества? Оно столько разъ падало ниже всякаго животнаго и опять побѣдоносно вставало въ почти божескій ростъ. Можетъ быть, опять придутъ аристократы духа, жрецы любви, ея поэты и рыцари, цѣломудренные ея поклонники...

Баста. Я уже говорилъ тебѣ о десяти философахъ.

Мнѣ, все равно, не быть одиннадцатымъ. Тѣмъ болѣе, что одинъ изъ этихъ мудрецовъ очень тонко намекнулъ намъ: „Помолчи — и будешь философомъ“. Гарсонъ, бутылку бѣлаго бордо! Я хочу тебѣ только сказать, другъ милый, что она, моя волшебная Марія, была создана богомъ любви исключительно для большой, счастливой, доброй радостной любви и создана съ необыкновенно заботливымъ вниманіемъ. Но судьба сдѣлала какую то ошибку во времени. Маріи слѣдовало бы родиться: или въ золотой вѣкъ чело-вѣчества, или черезъ нѣсколько столѣтій послѣ нашей автомо-бильной, кровавой, торопливой и болтливой эпохи.

Ея любовь была проста, невинна и свѣжа, какъ дыха-ніе цвѣтущаго дерева. При каждой нашей новой встрѣчѣ, Марія любила меня также радостно и застѣнчиво, какъ въ первое свиданіе. У нея не было ни любимыхъ словечекъ, ни привычныхъ ласкъ. Въ одномъ она только оставалась постоянной: въ своемъ неизмѣнномъ изяществѣ, которое затушевывало и скрашивало грубыя, земныя детали любви.

Да. Повторяю, у нея былъ высшій даръ любви.

Но любовь крылата! Ты, можетъ быть, замѣтилъ, дружокъ, что на свѣтѣ есть люди, какъ будто нарочно приспособленные судьбою для авіаціи, для этого един-ственно-прекраснаго и гордаго завоеванія современной тех-ники? У этихъ прирожденныхъ летуновъ, какъ будто птичьи профили и птичьи носы; подобно птицамъ, они обладаютъ неизъяснимымъ инстинктомъ опознаваться въ дорогѣ; слухъ у нихъ въ обоихъ ушахъ одинаковъ — признакъ вѣрнаго чувства равновѣсія, и они съ легкостью приводятъ въ равновѣсіе тѣ предметы, у которыхъ центръ тяжести выше точки опоры. Для такихъ людей-птицъ заранѣе открыто воздушное пространство и вверхъ, и внизъ, и вдаль. Смѣлый летчикъ, но не рожденный быть летчи-комъ, запнется на первой тысячѣ метровъ и потеряетъ сердце.

Я спрашивалъ знакомыхъ авіаторовъ объ ихъ ран-нихъ молодыхъ снахъ. Вѣдь извѣстно, что всѣ люди во снахъ летаютъ, кромѣ окончательно глупыхъ. Но оказа-лось, что летуны по призванію летали выше домовъ, къ

облакамъ. Летчики-неудачники — тѣ только съ трудомъ отлипали отъ земли, а летали какъ бы въ продолжительномъ прыжкѣ. Любовь — такое же крылатое чувство. Но, сравнивая себя въ этомъ смыслѣ съ Маріей, я сказалъ бы, что у нея были за плечами два бѣлоснѣжныхъ, длинныхъ лебединыхъ крыла, я же леталъ, какъ пингвинъ. Вначалѣ я очень остро и, пожалуй, даже съ обидой чувствовалъ ея духовное воздушное превосходство надо мною и мою собственную, земную тяжесть, отчего невольно — признаюсь въ этомъ — бывалъ смущенъ и неловокъ и часто сердился на самого себя. Конечно, это была простая мужская мнительность; воображеніе то и дѣло подсказывало мнѣ разные нелестныя уподобленія. Она бывала иногда богиней, снизошедшей до смертнаго, матроной, отдающей рабу-гладіатору, принцессой полюбившей конюха или садовника. Ахъ у каждаго человѣка въ душѣ, гдѣ-то, въ ея плохо освѣщенныхъ закоулочкахъ, бродятъ такіе полумысли, получувства, полуобразы, о которыхъ стыдно говорить вслухъ даже другу, такіе они косолапые.

Но скоро всѣ эти угловатости сгладились: такъ мила, такъ предупредительна, такъ нѣжна, догадлива была Марія, такъ щедра, скромна и искренна, она была въ любви такъ радостна, она любила жизнь, и такая естественная теплая доброта ко всему живущему исходила изъ нея золотыми лучами.

Да, дружокъ, въ душѣ моей сохранилось много, много сладкихъ чудесныхъ воспоминаній, завѣтныхъ кусочковъ нашей неповторимой жизни. Это — цѣлая книга. Перелистывая ея страницы, я испытываю жестокое, жгучее наслажденіе, точно бережу рану. Мучаюсь мыслью о невозвратности времени, и въ этомъ моя горькая утѣха, мой любовный запой. Часто жалѣю я о томъ, что у меня не осталось отъ Маріи никакой вещи: ленточки, локона волосъ, сухого цвѣтка, гребенки, перчатки, платка, или хоть какой-нибудь неодушевленной пуговицы. Тогда мои воспоминанія были бы еще глубже, еще мучительнѣе и еще слаще.

Но въ ту пору я глядѣлъ на такіе сувенирчики

презрительнымъ окомъ холоднаго реалиста и серьезнаго дѣльца.

Да и надо — что подѣлаешь, — надо признаться, что нѣжная и страстная, кроткая и всегда радостная любовь Маріи, ея трогательная ласка, ея здоровое веселье, и преданность — понемногу, день ото дня, все болѣе при- тупляли то мое выдуманное самоуничиженіе передъ моей любовницей, которое раньше столь тяготило и связывало меня. Я уже не искалъ съ жадностью ея ласкъ, я съ удовольствіемъ позволялъ ласкать себя. Вѣчная исторія съ мужчинами, вообще склонными въ любви задаваться.

Это я самъ однажды понялъ и почувствовалъ въ одно яркое мгновеніе. Весеннимъ, теплымъ и ароматнымъ вечеромъ мы съ Маріей сидѣли въ густой прекрасной аллеѣ улицы „Курсъ Пьеръ Пюже“. Мы молчали. Голова Маріи лежала у меня на плечѣ. И вотъ она, обнявъ меня и прижавшись ко мнѣ, сказала тихо и медленно, точно раздумывая и провѣряя вслухъ свои мысли:

— Знаешь что, Мишика. Я чувствую теперь, что до тебя я никого не любила. Я хотѣла любить и искала любви, но все, что я узнала — это была не любовь, а ошибка... можетъ быть невольная ложь передъ самой собой. А теперь мнѣ кажется, что я нашла и себя, и тебя, и ту вѣчную любовь, о которой мечтаютъ всѣ влюбленные, но которая изъ милліоновъ людей дается только одной парѣ.

Я не отвѣтилъ. Я молча погладилъ ея волосы. Но въ сердцѣ у меня зашевелилось нехорошее чувство: Что это? Неужели покушеніе на мою свободу? Старая, знакомая, скучная пѣсенка?

О, осель! Глупый, неблагодарный осель! Питайся теперь бурьяномъ и чертополохомъ и обливай колючки ѣдкими слезами. Колесо времени не остановишь и не повернешь обратно.

Глава VII.

МАДАМЪ ДЮРАНЪ.

Все течетъ во времени, и ко многому привыкаешь понемногу, незамѣтно для самого себя. Я уже чувствовалъ

себя почти мужемъ Маріи. Когда она бывала у меня въ гостиницѣ „Портъ“, нерѣдко мы замѣчали, что наши мысли идутъ параллельно; часто мы произносили одновременно одно и то же слово; привычки и вкусы становились общими.

Низкую и обширную каюту свою съ окнами въ видѣ иллюминаторовъ я устроилъ совсѣмъ въ корабельномъ стилѣ: повѣсилъ на стѣну большой барометръ, спасательный кругъ и пробковый поясъ; укрѣпилъ на подоконникѣ компасъ, а самый подоконникъ расчертилъ радіусами на 32 румба; къ потолку подвѣсилъ полотняный гамакъ — корабельную койку. Маріи очень понравилась эта затѣя. Мнѣ — то же. Однако, ея пристрастіе ко всему морскому — признаюсь — наводило меня порою на печальныя и ревнивыя мысли, которыя я всячески старался отгонять.

Я уже давно пріучился не задавать ей лишнихъ вопросовъ, признавъ, наконецъ, за этимъ правиломъ и тактъ и мудрость и взаимное довѣріе. Да, съ презрительной усмѣшкой сталъ я думать объ одномъ русскомъ, довольно таки распространенномъ обычаѣ. Онъ и она, прежде того дня, когда на нихъ возложатъ „вѣнцы отъ камене честна“ зачѣмъ то обмѣнивались дневниками, или просто признаніями въ прежнихъ любовныхъ прегрѣшеніяхъ, все равно, истинныхъ или мнимыхъ. О, какимъ жгучимъ средствомъ оказывался этотъ письменный и устный матеріалъ потомъ, черезъ годъ, чтобы колоть и хлестать имъ другъ друга безъ пощады!

Я попрежнему мало зналъ о Маріи, но сама обыденная жизнь открывала мнѣ изрѣдка новыя черты въ ея загадочномъ существованіи, и въ ея прекрасной душѣ — свободной, чистой, гордой и доброй, хотя я и до сихъ поръ не понимаю: была ли эта душа пламенной или холодной?.. Эти проблески я могу сравнить съ мгновеннымъ щелканьемъ фотографическаго аппарата.

Какой я былъ дуракъ! — Я обижался и серьезно! — на Марію, за то, что она никогда не соглашалась уснуть у меня, хотя „засиживалась“ иногда до ранняго солнца. „Мнѣ надо отдохнуть, чтобы работать со свѣжей головой“.

Такъ однажды она мнѣ сказала. А въ другой разъ ничего не отвѣтила на мое предложеніе. Засмѣялась, нѣжно-нѣжно меня поцѣловала, назвала своимъ милымъ большимъ медвѣдемъ и, распахнувъ дверь, быстро застучала каблучками по лѣстницѣ. Я едва успѣлъ ее догнать, чтобы посадить въ автомобиль.

Помню еще одно утро, послѣ долгой, блаженной ночи... Мнѣ уже пора было ѣхать на заводъ, но я сказалъ легкомысленно:

— Душа моя, вѣдь намъ очень хорошо вмѣстѣ. Такая ночь, какъ эта, — эта самая — никогда не повторится; продолжимъ ее еще на двадцать четыре часа, прошу тебя.

— А твоя служба?

— Ну, мое присутствіе не такъ ужъ крайне необходимо. Наконецъ, я могу сейчасъ же телеграфировать, что заболѣлъ, или вывихнулъ ногу...

Она медленно и серьезно покачала головою:

— Зачѣмъ говорить неправду? Лгутъ только трусы и слабые лѣнтяи. Тебѣ, большой Мишика не идетъ притворство.

— Даже въ шутку?

— Даже въ шутку.

Это нравоученіе меня немного покорило, и я возразилъ со сдержанной рѣзкостью:

— Странно. Развѣ я не хозяинъ своего тѣла, своего времени, своихъ мыслей и желаній?

Она согласилась:

— Конечно, полный хозяинъ. Но только до тѣхъ поръ, пока не связанъ.

— Контрактомъ? — спросилъ я съ кривой улыбкой.

— Нѣтъ. Просто словомъ.

По правдѣ говоря, мнѣ некуда было дальше итти въ нашемъ разговорѣ. Но я сознавалъ, что она права, и потому разозлился и сказалъ окончательную глупость.

— А развѣ я не хозяинъ и своему слову? Хочу — держу его. Хочу — нарушу...

Она не оговалась. Опустила руки на колѣна, низко склонила голову. Такъ въ молчаніи протекли секунды...

Съ острой горечью, съ нѣжной виноватой жалостью къ ней, съ отвращеніемъ къ своей выходкѣ говорилъ я себѣ мысленно въ эту тяжелую минуту:

— Будь же настоящимъ мужчиной, стань на колѣна, обними ея ноги, покрой поцѣлуями ея волшебныя теплыя руки, проси прощенія! Все пройдетъ сразу, вся неловкость положенія улетучится въ одинъ мигъ.

Но, чортъ бы побралъ эту глупую гордость, это тупое обидчивое упрямство, которое такъ часто мѣшаетъ даже смѣлымъ людямъ сознаться вслухъ въ своей винѣ или ошибкѣ. Такимъ ложнымъ стыдомъ, фальшивымъ самолюбіемъ страдаютъ нерѣдко крѣпкія, умныя, сильныя личности, но чаще всего дѣти и русскіе интеллигенты, особенно же, русскіе политики.

Были моменты, когда мои нервы и мускулы уже собирались, сжимались, чтобы бросить меня къ ея ногамъ, и — вдругъ — унылая мѣсль: „Нѣтъ, теперь уже поздно!.. Нужно мгновеніе прощущено... Жестъ, послѣ долгой паузы выйдетъ ненатуральнымъ... станетъ еще стыднѣе и неловче...“

Но Марія, моя прекрасная, добрая Марія быстро поняла и мои колебанія и мои колючія мысли. Она встала, положила руки на мои плечи и близко заглянула мнѣ въ глаза своими ласковыми, чистыми глазами.

— Дорогой Мишика, не будемъ дуться другъ на друга. Прости меня. Я была безтактна, когда вздумала читать тебѣ мораль. Это, конечно, не дѣло женщины. Поцѣлуй меня, Мишика, поцѣлуй скорѣе и забудемъ все. Дѣлай, что хочешь съ моимъ временемъ и со мною. Я твоя и сегодня, и завтра, и всегда.

Мы помирились сладко и искренно. Но у меня уже не хватило рѣшимости ни продлить нашу ночь на двадцать четыре часа, ни послать на заводъ телеграмму. Марія довезла меня до вокзала и мы тамъ разстались добрыми друзьями и счастливыми любовниками.

* * *

Когда вытацишь большую и глубокую занозу, то еще

долго саднить пораненное мѣсто. Всю недѣлю не давали мнѣ покоя непріятныя, кислыя мысли, далеко неелестныя для меня самого. Ужъ очень я грубо развернулъ передъ европейской, умной и прелестной женщиной изнанку русской широкой души: наше небреженіе къ долгу и слову, нашу всегдашнюю склонность „ловчиться“, чтобы избѣжать прямой и отвѣтственной обязанности, наше отлыниваніе отъ дѣла, а, главное, нашу скверную привычку носиться со своимъ я и совать его всюду безъ толка и основанія, дерзко отменяя опыты культуры, завоеванія науки, навыки цивилизаціи. Не оттуда ли нашъ нигилизмъ, анархизмъ, индивидуализмъ, эгоцентризмъ и нашъ худосочный припадочный атеизмъ и чудовищно изуродованное сверхчеловѣчество, вылившееся въ лиги любви, въ огарчество, въ экспроприаціи? И не эти ли черныя стороны русской души создали удобренную почву для такого пышнаго расцвѣта русской самозванщины, отъ Емельки до Хлестакова. Не въ мужикѣ, а въ русскомъ полунинтеллигентѣ таились и зрѣли сѣмена нелѣпаго русскаго коммунизма. Пьяный чиновничиска, коллежскій регистраторъ, когда его выталкивали за неплатежъ изъ кабачка, непремѣнно грозился: „Погодите! Я еще вотъ покажу себя! Вы еще не знаете съ кѣмъ имѣете дѣло!“

Это онъ инстинктивно провозглашалъ будущую революцію... Теперь ты видишь, другъ мой, какъ въ эти дни я корчился, вспоминая свои идиотскія слова о честномъ словѣ, почти о присягѣ: „захочу — держу, захочу — брошу псу подъ хвостъ“...

Въ субботу, по окончаніи работы, Марія заѣхала за мною на заводъ, какъ нерѣдко дѣлала и раньше. У нея былъ собственный, небольшой, но быстроходный изящный „Пежо“, которымъ, надо сказать, она владѣла въ совершенствѣ.

Въ воротахъ намъ встрѣтился директоръ. Онъ почтительно поклонился Маріи, низко снявъ шляпу. Она дружески кивнула ему головой, послала воздушный поцѣлуй и сразу взяла третью скорость.

Я любилъ сидѣть въ автомобилѣ не рядомъ съ нею,

а сзади, на пассажирскомъ мѣстѣ. Мнѣ нравились ея ловкія увѣренныя движенія. Несясь по свободной дорогѣ и точно ловя незамѣтный ритмъ машины, она плавно покачивала стройной спиною. Когда мы попадали въ тѣсный заторъ, она нетерпѣливо выпрямлялась, и, высоко поднявъ голову, разыскивала глазами тотъ свободный корридоръ, въ который можно было ринуться, и когда находила — весело кидалась въ него, склонивъ голову, какъ бычекъ. И мнѣ радостно бывало смотрѣть какъ солнце играло золотыми спиралями въ рыжеватыхъ вьющихся волосахъ ея красиваго затылка.

Въ этотъ день мы немного покатались на лодкѣ, побѣдали у меня въ гостиницѣ. Ушла она рано, часовъ около двухъ. Когда, прощаясь, я посадилъ ее въ автомобиль, она перегнулась черезъ дверцу и сказала:

— Послушай, Мишика. Мнѣ давно хочется, чтобы ты когда нибудь у меня позавтракалъ или пообѣдалъ. Не прѣдешь ли ты ко мнѣ завтра, около половины перваго или въ часъ?

Я обрадовался.

— Конечно! Съ большимъ удовольствіемъ. Но, вѣдь я не знаю ни твоего адреса, ни...

Она докончила за меня:

— Ни фамиліи, хочешь ты сказать?

— Да.

— Такъ запомни: мой адресъ 4503, Vallon be l'Ogiol
Спроси госпожу Дюранъ.

Я переспросилъ съ удивленіемъ, недовѣрчиво:

— Госпожу Дюранъ? — (Вѣдь всѣмъ извѣстно, что Дюранъ самая простая и самая распространенная фамилія во Франціи. Достаточно заглянуть въ любой справочникъ или указатель). Неужели у прекрасной изысканной Маріи такое ничего не говорящее имя?

И тутъ при жидкомъ свѣтѣ уличнаго фонаря я замѣтилъ, какъ густо и жарко покраснѣло лицо Маріи. Она сказала шопотомъ:

— Нѣтъ, Мишика, нѣтъ. Я не хочу тебя обманывать.

Я вовсе не Дюранъ. Это мое *nom de guerre*. Тебѣ это не нравится?

— О, дорогая, я обожаю тебя!

— Все равно, рано или поздно я должна была это тебѣ сказать. Мое родовое имя очень старое и окружено почетомъ. Мой отецъ и дѣдъ были адмиралами. Имя моего прадѣда, великаго адмирала, значится во всѣхъ историческихъ учебникахъ. Я знаю, тебѣ не покажется ни смѣшнымъ, ни страннымъ то, что я дорожу честью моихъ предковъ. Но я живу и буду жить только такъ, какъ мнѣ самой хочется, и я знаю, что мой образъ жизни могъ бы скомпрометировать моихъ родственниковъ, и потому я взяла первое попавшееся имя. И еще я тебѣ скажу... Я не виновата въ томъ, что откололась отъ семьи. Меня почти дѣвочкой связали съ человѣкомъ, котораго я не любила и который меня не любилъ, любилъ мое тѣло и молодость. Онъ былъ гораздо старше меня. Надо сказать правду: я плѣнилась его высокимъ положеніемъ, богатствомъ и славнымъ титуломъ, но вѣдь я тогда была очень молода и очень глупа! Да я солгала въ первый и въ послѣдній, — замѣть Мишика, — въ послѣдній разъ! Я убѣжала отъ него черезъ недѣлю. Убѣжала въ ужасѣ. И вотъ... Впрочемъ довольно мой Медвѣдь. Вѣдь если я тебѣ все это рассказала — ты меня будешь любить не меньше?

Она засвѣтила прожекторы и рявкнула гудкомъ.

— До завтра, Мишика! — донесся до меня ея звонкій голосъ.

Глава VIII.

ПАВЛИНЪ.

Я пріѣхалъ къ Мари въ назначенное время. Жила она на другой окраинѣ города, гдѣ было мало шума и много деревьевъ. Старенькая, сѣдая благообразная привратница въ старинныхъ серебряныхъ очкахъ, сообщила мнѣ, что мадамъ Дюранъ помѣщается на третьемъ дворѣ, въ собственномъ павильонѣ-особнякѣ, гдѣ кромѣ нея и прислуги, нѣтъ другихъ жильцовъ. Этотъ третій дворъ, очень об-

ширный, былъ похожъ на садъ, или на небольшой скверъ. Вдоль высокаго квадрата кирпичной огорожи росли мощные каштаны, а между ними кусты сирени, жасмина и жимолости; дворъ усыпанъ гравіемъ; посрединѣ его круглая высокая цвѣточная клумба, и въ центрѣ фонтанъ — женская нагая фигура — позеленѣвшая отъ времени. Сквозь порѣдѣвшіе листья деревьевъ можно было замѣтить огромное, въ два этажа, стеклянное окно, такое, какія бываютъ въ мастерскихъ художниковъ и фотографовъ.

Я позвонилъ и тотчасъ же услышалъ легкіе, быстрые, веселые шаги, сбѣгавшіе сверху.

Марія сама отворила дверь. На ней была домашняя одежда: свободное шелковое цвѣтное кимоно съ широкими рукавами, обнажавшими по локоть ея прелестныя руки. Улыбающееся лицо сіяло счастьемъ и здоровьемъ. Она взяла меня за руку.

— Идемъ, идемъ Мишика. Я тебѣ покажу мою келью.

Мы поднялись навѣрхъ по отлогой винтовой, дубовой лѣстницѣ и вошли въ ателье, просторное и высокое, какъ танцевальный залъ, все наполненное чистымъ воздухомъ и спокойнымъ свѣтомъ, лившимся сверху, съ потолка, и изъ стекляннаго, большого, во всю стѣну, окна.

Обстановка была совсѣмъ проста, но не обычна — вся изъ ясеня: ясеневый паркетъ, ясеневыя панно на стѣнахъ, ясеневый громадный, вродѣ какъ бы чертежный столъ у окна, ясеневыя стулья. Я даже услышалъ, съ удовольствіемъ, давно знакомый мнѣ, милый, свѣжій, чуть-чуть яблочный запахъ полированного ясеневаго дерева. И, именно благодаря ясеневымъ фанерамъ, освѣщеніе комнаты ласкало и веселило взоръ, имѣло изящный, слегка желтоватый колоритъ, похожій на цвѣтъ свѣже-сбитаго сливочнаго масла, или на липовый медъ, вылитый изъ сотовъ.

Направо у входа, у стѣны, стояла низкая и широкая оттоманка, покрытая отличнымъ стариннымъ ковромъ царственныхъ густыхъ и глубокихъ красокъ: темно-зеленой и темно-рыжей.

Никакихъ украшеній. Только на столѣ помѣщался

черный бархатный экранъ, а передъ нимъ, на его строгомъ фонѣ, стоялъ фарфоровый кувшинчикъ съ одной единственной хризантемой: чудесная манера японцевъ любоваться цвѣтами, не разсѣивая вниманія и не утомляя зрѣнія.

Не сѣтуй, мой старый дружище, что я такъ утонулъ въ подробностяхъ. Ахъ! тамъ, въ этомъ прекрасномъ ателье, меня посѣтали величайшія радости и — по моей винѣ — отчаянное горе, которое выбило меня изъ жизни.

Я повернулся лицомъ къ той стѣнѣ, которая до сихъ поръ была у меня за спиною. И я вдругъ увидѣлъ удивительную вещь. Прямо напротивъ меня, совсѣмъ закрывая ясеневое панно, стоялъ необычайной величины, великолѣпный павлинъ, распутившій свой блистательный хвостъ. Сначала мнѣ показалось, что я вижу рѣдкостное, по размѣрамъ и красотѣ, чучело, потомъ я подумалъ, что это картина прекрасно написанная масляными красками, и только, подойдя поближе, я убѣдился, что передо мною — изумительная вышивка на свѣтло-оранжевомъ штофѣ зелеными и синими шелками всевозможныхъ тоновъ, нѣжныхъ и оттѣнковыхъ и поразительныхъ, незамѣтныхъ переходовъ изъ цвѣта въ цвѣтъ.

Я искренне восторгался: „Какое волшебство! Это уже не рукодѣліе, а настоящее художественное творчество! Кто сдѣлалъ такую прелесть“?

Она отвѣтила съ кокетливой застѣнчивостью и съ легкимъ реверансомъ:

— Ваша скромная и покорная служанка, о, мой добрый господинъ.

И потомъ она спросила:

— Тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, нравится этотъ экранъ Мишика?

— Безконечно. У насъ въ Россіи были очень искусныя вышивальщицы золотомъ и шелкомъ, но ничего подобнаго я не могъ даже вообразить!

— Такъ, онъ, правда, нравится тебѣ? Я рада и горда, онъ твой. Возьми его.

Я поцѣловалъ одну за другой ея милыя руки и рѣшительно отказался.

— О, моя Марія, этотъ подарокъ черезчуръ королевскій! Мѣсто твоему павлину на выставкѣ гобеленовъ или въ королевскомъ дворцѣ, а не въ моемъ временномъ баракѣ, или въ номерѣ гостинницы.

Я рассказалъ ей о томъ, что на мусульманскомъ востокѣ существовалъ, а можетъ быть и теперь еще кое-гдѣ существуетъ, древній величественный обычай: если гость похвалилъ какой-нибудь предметъ въ домѣ — посуду, утварь, коверъ, или оружіе, — то ему тотчасъ же эту вещь преподносили въ подарокъ.

Она захопала въ ладоши.

— Вотъ, видишь, Мишика! Ты долженъ взять павлина!

Но я продолжалъ:

Однако о такомъ щедромъ обычаѣ вскорѣ узнали европейцы, которыхъ великое назначеніе — нести цвѣтъ культуры и цивилизаціи дикимъ народамъ. И вотъ они начали злоупотреблять священнымъ обычаемъ гостепріимства. Они въ домахъ магометанъ стали умышленно хвалить то то, то это, пока не потеряли умѣренности и не принялись расхваливать хозяину огуломъ всѣ самыя лучшія, самыя древнія драгоценности, собранныя еще пра-прадѣдами. Мусульмане морщились, кряхтѣли, бѣднѣли съ каждымъ днемъ, но, вѣрные преданіямъ, нарушить старый неписанный законъ, „адать“, не рѣшались. Тогда сжалившись надъ ними, пришелъ имъ на помощь одинъ знаменитый, мудрый мулла:

— Въ Коранѣ написано—сказалъ Хаджи—что все въ мірѣ имѣетъ свою грань и свой конецъ, за исключеніемъ воли Аллаха. Поэтому и гостепріимству есть предѣлъ. Въ твоёмъ собственномъ домѣ даже кровный врагъ считается выше хозяина. Онъ больше, чѣмъ родственникъ, онъ другъ, и особа его священна для тебя. Но, какъ только онъ переѣхалъ за черту твоихъ владѣній — законъ гостепріимства исчезаетъ. Врагъ снова становится врагомъ, и отъ твоего разумѣнія зависитъ, какъ ты долженъ поступить съ нимъ. А развѣ не врагъ тебѣ жадный и безцеремонный человекъ, который подъ защитой твоего великодушія и

уваженія къ старинному закону, безнаказанно обираетъ твой домъ, да еще вдобавокъ искренне считаетъ тебя осломъ.

Вѣрные сыны пророка приняли къ самому сердцу это поученіе. Послушный закону хозяинъ, по-прежнему, терпѣливо подноситъ назойливому гостю все, что ему понравилось въ домѣ. Онъ почтительно провожаетъ его до порога и желаетъ ему доброй дороги, но спустя малое время, онъ сѣдлаетъ коня и скачетъ вслѣдъ обжорливому гостю, и, настигнувъ его въ чужихъ владѣніяхъ, хотъ бы даже на сосѣднемъ полѣ, онъ отнимаетъ у хапуги всѣ свои вещи, не забывъ, конечно, вывернуть его карманы и отнять у него все, что имѣетъ какую-нибудь цѣну. Вотъ видишь, Марія, до чего доводитъ ложно понятая щедрость.

Она засмѣялась:

— Благодарю за веселую притчу.

Но потомъ ея влажные, темные глаза стали серьезны. Какъ тогда, въ первый день нашего знакомства, у меня въ „Отель дю Портъ“ четыре мѣсяца назадъ она положила мнѣ руки на плечи. Ея губы были такъ близко къ моему лицу, что я обонялъ ея дыханіе, которое было такъ сладостно, точно она только что жевала лепестки дикаго шиповника. Она сказала:

— Въ Испаніи есть похожій обычай. Тамъ, когда впервые приходитъ гость, хозяинъ говоритъ ему:

— Вотъ мой скромный домъ. Начиная съ этого благословеннаго часа, прошу васъ, считайте его вашимъ собственнымъ домомъ и распорядитесь имъ, какъ вамъ будетъ угодно.

И она страстно воскликнула:

— Милый мой, любимый Мишика, мой славный бурый медвѣдь! Я отъ всей души, отъ всего преданнаго сердца повторяю эти слова испанскаго гостепрѣимства. Этотъ домъ твой, и все, что въ немъ — твое: и павлинъ твой, и я твоя, и все мое время — твое, и всѣ мои заботы — о тебѣ.

Медленно опуская рѣсницы, она прибавила тихо:

— Мишика, мнѣ стыдно и радостно признаться тебѣ... Знаешь ли, теперъ мнѣ все чаще кажется, будто бы я всю жизнь искала только тебя, только тебя одного и наконецъ

нашла. Ахъ, это все болтовня о какомъ то далекомъ, гдѣ то вдали мерцающемъ идеалѣ. Ну какой же ты идеалъ, мой дорогой Медвѣдь? Ты неуклюжій, ты тяжелый, ходишь въ перевалку, волосы у тебя рыжіе. Когда я тебя увидѣла въ первый разъ на заводѣ, я подумала:

— „Вотъ чудесный большой звѣрь для прирученія“. И я сама не помню, какъ и когда это случилось, что добрый звѣрь сталъ моимъ господиномъ. Я тебя серьезно прошу, Мишика, поживи у меня сколько тебѣ понравится. Я не стѣсню твоей свободы, и когда ты захочешь мы опять можемъ вернуться въ нашу морскую каютку.

— Марія! а гдѣ же твое гордое, брезгливое одиночество? Твоя абсолютная свобода? Отвращеніе къ тѣсной жизни бокъ о бокъ?

Она улыбнулась кротко, но не отвѣтила.

— Поцѣлуй меня скорѣе, Мишика, и пойдемъ завтракать. Я слышу, идетъ моя Ингридь.

Дѣйствительно, открылась боковая дверь и въ ней показалась какая то женщина и издали поклонилась.

У Маріи была уютная свѣтлая маленькая столовая, незатѣйливая, но очень вкусная кухня и хорошее вино. Прислуживала намъ молчаливо эта самая Ингридь — чрезвычайно странное и загадочное существо, повидимому, откуда то съ сѣвера, изъ Норвегіи, Швеціи или Финляндіи, судя по имени; свѣтловолосая съ необычайно нѣжной кожей. Лицо и фигура у нея были какъ бы двойные. Когда она глядѣла на Марію, голубые глаза становились необыкновенно добрыми и прекрасными; это былъ умиленный взоръ ангела, любующагося на свое верховное божество. Но, когда эти глаза останавливались на мнѣ, то мнѣ казалось, что на меня смотритъ въ упоръ ядовитая змѣя, или взбѣшенная, яростная, молодая вѣдьма. Или мнѣ это только мерещилось? Но такое впечатлѣніе осталось у меня на очень долгое время — вѣрнѣе навсегда. Достаточно сказать, что каждый разъ, въ послѣдствіи, когда я чувствовалъ его присутствіе за моей спиною, я невольно и быстро оборачивался къ ней лицомъ, подобно тому, какъ каждый человѣкъ инстинктивно обернется, если по его пятамъ кра-

дется коварная дрянная собака, которая хватается за ноги молчкомъ, исподтишка.

Пользуясь минутой, когда Ингридъ вышла изъ столовой, я спросилъ Марію:

— Гдѣ ты достала эту странную женщину?

И тутъ же осѣкся:

— Прости, Марія, я опять спрашиваю...

Она на секунду закрыла глаза и печально, какъ мнѣ почудилось, показала головой. Можетъ быть, она слегка вздохнула?..

— Нѣтъ, Мишика. Это прошло. Теперь спрашивай меня о чемъ хочешь, я отвѣчу откровенно. Я вѣрю твоей деликатности. Я тебѣ сейчасъ скажу, откуда Ингридъ, а ты самъ разсуди, удобно ли мнѣ открывать чужую тайну?

— Тогда не надо, Марія... не надо...

— Все равно. Я вытащила ее изъ публичнаго дома въ Аргентинѣ.

Я не зналъ что сказать. Замолчалъ. А вошедшая Ингридъ, точно зная, что разговоръ шельъ о ней, пронзила меня отравленнымъ взглядомъ василиска...

А все таки нашъ завтракъ кончился весело. Ингридъ разлила шампанское. Марія вдругъ спросила меня:

— Ты очень любишь это вино?

Я отвѣтилъ, что не особенно. Выпью съ удовольствіемъ бокаль—два, когда жажда, но уваженія къ этому вину у меня нѣтъ.

— Послушай же, Мишика, я должна тебѣ сдѣлать маленькое признаніе. Мнѣ до сихъ поръ бываетъ стыдно, когда я вспоминаю о томъ, какъ я фамиллярно напросилась на знакомство съ тобою въ ресторанѣ этой доброй толстухи испанки (и она въ самомъ дѣлѣ покраснѣла; вообще она краснѣла не рѣдко). Но я, пожалуй, здѣсь не такъ виновата, какъ кажусь. Видишь ли у насъ въ Марсели былъ одинъ русскій ресторанъ. Теперь его уже больше нѣтъ, онъ разорился и исчезъ. Я однажды пошла въ него съ однимъ моимъ знакомымъ, который много лѣтъ прожилъ въ Россіи, очень ее любить, и отлично говорить по-русски. Я не учла того, что онъ, хотя и умный и добрый

человѣкъ, но великій шутникъ и мистификаторъ. А я, — признаюсь, — плохо понимаю шутку.

Въ этомъ ресторанѣ онъ былъ моимъ гидомъ. Я замѣтила, что всѣ служащія женщины были дородны и важны, почти величественны. Иногда, съ видомъ милостиваго снисхожденія, онѣ присаживались то къ одному, то къ другому столику, и пригубливали вино. „Кто эти великолѣпныя дамы?“ спросила я моего спутника? И онъ объяснилъ мнѣ: эти дамы — всѣ изъ высшей русской аристократіи. Самая незамѣтная среди нихъ, по крайней мѣрѣ баронесса, остальные — графини и княгини. Потомъ плясали и пѣли какіе то маленькіе курчавые люди съ золотыми тубиками, нашитыми на груди камзола. Одну изъ ихъ пѣсенъ мой гидъ перевелъ по-французски. Въ ней говорилось о томъ, что русскіе бояры не могутъ жить безъ шампанскаго вина, и умираютъ отъ ностальгіи, если не слышатъ цыганскаго пѣнія. Вѣдь это неправда, Мишика?

— Конечно, неправда.

— А я довѣрчива до глупости. Я думала, тамъ, у Аллегріа, показать тебѣ и почетъ, и тонкое знаніе аристократической русской жизни. Ну, не глупа ли я была, мой добрый Мишика? А теперь, выпьемъ этого вина за наше новоселье!

Я сказалъ шутя.

— За нашъ бракъ!

Она отпила глотокъ вина и отвѣтила:

— Только не это.

Глава IX.

Ф Л А М И Н Г О

Послѣ завтрака, Марія показала мнѣ свой домъ. Есть на свѣтѣ старая-престарая пословица: „Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я скажу, кто ты таковъ“. Съ меньшимъ смысломъ можно, пожалуй, было бы сказать: „покажи мнѣ твое жильё, а я опредѣлю твои привычки и твой характеръ“. Комнаты Маріи носили отпечатокъ ея простоты, скромнаго изящества и свободнаго вкуса. Сразу было видно, что въ

устройствѣ комнатъ она, до крайней мѣры избѣгала всякихъ тряпокъ, бумаги и бездѣлушекъ.

Первое, что она мнѣ показала — была ея спальня, — небольшая комната, вся бѣлая: бѣлыя, крашенныя стѣны, бѣлая соломенная штора на окнѣ, бѣлая, узенькая, какъ у дѣвочки, или монахини, постель. Надъ изголовьемъ висѣло небольшое черное Распятіе, за которое была заткнута вѣтка остролистника. На ночномъ столикѣ, у кровати, стоялъ бурый плюшевый медвѣдь, растопыря лапы.

— Мишика, ты узнаешь, кто это такой? — спросила Марія лукаво.

— Вѣроятно, я?

— Конечно, ты. Не правда ли, большое сходство? Но пойдемъ дальше. Вотъ въ этомъ прогѣвикѣ моя маленькая библіотека. Ты въ ней найдешь кое что интересное. А здѣсь наша ванная комната. Посмотри.

Она открыла дверь, и я съ восхищеніемъ увидѣлъ не ванную, а скорѣе просторный бассейнъ, съ кафельными блестящими стѣнами и поломъ съ четырьмя ступеньками, ведущими внизъ, въ воду. Легкій запахъ вербены улавливался въ воздухѣ. Я сказалъ, что все это великолѣпно.

— Повѣрь мнѣ, мой Мишика, — отвѣтила Марія, — единственная роскошь, которую я себѣ позволяю — это вода. Я не могу, физически не могу мыться въ тяжелыхъ фаянсовыхъ чашкахъ, или въ раковинахъ подъ кранами, или въ этихъ противныхъ ваннахъ, крашенныхъ подъ мраморъ. Вотъ, почему, въ путешествіяхъ, я всегда скучаю по моей ванной комнаткѣ.

— Теперь, Мишика, я покажу тебѣ твою собственную комнату, хотя я тебѣ уже говорила, что весь этотъ домъ, съ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, принадлежитъ тебѣ.

Я засмѣялся:

— Во всякомъ случаѣ, ты можешь оставить себѣ прекрасную Ингридъ.

— Да, сказала она, — эта дѣвушка ни на кого не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. У нея дикая манія, что всѣ люди, которые бываютъ у меня — злые враги, или коварные шпіоны, всегда умышляющіе гибель ей, а глав-

ное, и мнѣ. Но она, бѣдняжка, такъ много перестрадала въ своей недолгой жизни! Я тебѣ расскажу когда нибудь, и ты поймешь ее.

— Ну, вотъ, смотри, Мишика. Твоя комната, — запахнула Марія дверь.

Это было прекрасное, очень большое помѣщеніе, меньше, чѣмъ ателье, но также обшитое ясенемъ; съ большимъ и глубокимъ диваномъ изъ замши, съ массивнымъ ясеновымъ письменнымъ столомъ. Все, въ чемъ я могъ бы нуждаться, было здѣсь подъ рукою, внимательно обдуманное и любовно устроенное, отъ прекрасныхъ письменныхъ принадлежностей до шелковой вышитой пижамы, сигаръ, папирсъ, содовой воды и виски.

Я поцѣловалъ ее.

— Какъ ты добра и мила, моя Марія.

— Твоя! — весело воскликнула она.

— Въ домѣ, кромѣ насъ двоихъ, еще три человека: кухарка — она почти невидима, но ты можешь заказывать меню по своему вкусу. Затѣмъ одинъ отставной матросъ Винцетъ; зимою онъ истопникъ, а лѣтомъ садовникъ, предобрый малый. Ты его можешь посылать съ порученіями, онъ знаетъ наизусть всю Марсель. Онъ же, когда нужно, подастъ автомобиль — гаражъ напротивъ. А на Ингридъ ты не обращай вниманія. Пусть она гримасничаетъ. Всѣ твои приказанія она исполнитъ безпрекословно. Ей, вѣроятно, тоже не особенно будетъ пріятно, если я прикажу ей взять рукою раскаленную до бѣла желѣзную полосу, однако, она схватитъ ее, ни на секунду не задумавшись... Теперь ты введенъ въ свои владѣнія. Я забыла только сказать, что къ твоимъ услугамъ всегда готовъ шофферъ. Это — я. Пойдемъ теперь ко мнѣ въ мастерскую пить кофе.

Восточная оттоманка. Низенькій японскій лакированный столикъ. Кофе съ гущей по турецки, ароматный и крѣпкій, принесенный въ кофейникѣ изъ красной мѣди; сладкій дымъ египетской папирсы. Прекрасная Марія, сидящая на коврѣ у моихъ ногъ... Я бы смѣло могъ вообразить себя восточнымъ султаномъ съ табачной этикетки,

если бы не маленькіе графинчики изъ граненаго хрустала. Павлинъ на стѣнѣ сіялъ, блисталъ и переливался при яркомъ свѣтѣ во всемъ своемъ пышномъ великолѣпіи.

Я самъ тогда не зналъ, почему такъ часто привлекалъ мой взглядъ этотъ удивительный экранъ и почему онъ возбуждалъ во мнѣ какое то безпокойное вниманіе. Позднѣе я узналъ...

Я говорилъ Маріи:

— Мнѣ кажется страннымъ, почему ни одинъ великій земной владыка не избралъ павлина эмблемой своей власти. Лучшій гербъ трудно придумать. Погляди: его корона о ста зубцахъ, по количеству завоеванныхъ государствъ. Его орифламма вся усѣяна глазами — символами неустаннаго наблюденія за покоренными народами. Въ медлительномъ и гордомъ движеніи, его мантия волочится по землѣ. Это ли не царственно?

Она слушала меня улыбаясь. Потомъ сказала.

— Я думаю, Мишика, что государи выбирали себѣ гербы не по красотѣ эмблемы, а по внутреннимъ достоинствамъ. Орелъ — царь всѣхъ птицъ, левъ — царь звѣрей, слонъ — мудръ и силенъ. Солнце освѣщаетъ землю и даритъ ей плодородіе. Лилія — непорочно-чиста, какъ и сердце государя. Пѣтухъ всегда бодръ, всегда влюбленъ, всегда готовъ сражаться и чувствителенъ къ погодѣ.

А у павлина ничего нѣтъ, кромѣ внѣшней красоты. Голосъ у него раздрающій, противный, а самъ онъ глупъ, напыщенъ, трусливъ и мнителенъ.

Я возразилъ:

— Однако, участвуетъ во всѣхъ королевскихъ церемоніяхъ горностаевая мантия? Между тѣмъ, тебѣ, конечно, извѣстно, что горностаи, этотъ маленькій хищникъ — очень злое и кровожадное животное.

— Знаю. Но зато о немъ вотъ, что говоритъ народное сказаніе. Онъ очень гордится чистотою своей бѣлой шкурки, и все время, когда не спитъ и не предается разбою, онъ непрерывно чистится. Но если на его мѣхѣ окажется несмываемое пятно, то онъ умираетъ отъ огорченія. Оттого то на старинныхъ гербовыхъ горностаевыхъ

мантіяхъ можно прочесть надпись „Лучше умереть, чѣмъ запачкаться“. Смысль тотъ-же, что и у бѣлой лиліи: — непорочность души.

А ты, знаешь, Мишика, что во многихъ южныхъ странахъ павлинь считается птицей, приносящей несчастье и печаль?

— Нѣтъ. Я не слыхалъ. Думаю, что это просто суетный вздоръ.

— И я тоже.

Такъ мы пили кофе и мило болтали. Нѣтъ, нѣтъ, а я все поглядывалъ на павлина, чувствуя все таки, что какая то странная, неуловимая связь есть у меня съ этой художественной вещью.

Марія спросила:

— Ты все любишь своимъ павлиномъ? Какъ я рада, что угодила тебѣ. Завтра я начну работать надъ новымъ экраномъ. Хочешь я тебѣ скажу, какой будетъ мотивъ? Представь себѣ: маленькое болотце, осока и кувшинки. Вдали едва встаетъ заря, а на болотѣ нѣсколько птицъ фламинго, всѣ въ разныхъ позахъ. Та стоитъ на одной ногѣ, другая опустила клювъ въ воду, третья завернула шею совсѣмъ назадъ и перебираетъ перышки на спинѣ, четвертая широко распустила крылья и перья, точно потягиваясь передъ полетомъ... Я все это вижу сейчасъ передъ глазами такъ ясно-ясно. Боюсь только, что не найду нужныхъ мнѣ оттѣнковъ шелка. У фламинго прелестная, необычайная окраска оперенія: она и не розовая и не красная, она особенная. А, кромѣ того, очень трудно прослѣдить, какъ блѣднѣетъ эта окраска, постепенно исчезая въ бѣлой... Такихъ нюансовъ не знаетъ никто: только — природа.

Я сказалъ:

— По всему видно, что ты очень любишь свое искусство. Это, должно быть, большое счастье!

— Да, большое. Но моя работа — только полуискусство, а потому не знаетъ ревности и зависти...

Тогда я спросилъ:

— Марія, ты великодушно разрѣшила мнѣ задавать

иногда тебѣ вопросы, полагаясь на мою осторожность.. Какъ много ты уже сдѣлала такихъ прекрасныхъ панно?

— Я не помню. Около пятидесяти.

— Тутъ же ты, конечно, считаешь и копии?

— Нѣтъ. Я бы не могла повторяться. Скучно. Самое пріятное — это когда находишь тему и думаешь о ней.

— А потомъ, когда картина окончена, тебѣ не жалко расставаться съ ней?

— Нѣтъ, не жалко. Хочется только, чтобы она попала въ хорошія руки. Но зато, когда я увижу спустя нѣкоторое время, у кого-нибудь мою работу, то я чувствую тихую грусть: точно мнѣ случайно показали портретъ давно уѣхавшаго, добраго друга.

Я покачалъ головой:

— Другъ — это тоже большое счастье. Я не вѣрю, чтобы у человѣка могло быть больше одного друга. Сколько же у тебя, Марія, друзей, если ты раздала на память около пятидесяти панно?

— Друзей? — У меня есть три, четыре человѣка. съ которыми я выдаюсь безъ неудовольствія и, чаще по дѣлу, чѣмъ для интимной бесѣды. Другъ у меня только одинъ — это ты. Что же касается до моихъ экрановъ, то я ихъ отсылаю въ Парижъ, въ извѣстный магазинъ рѣдкихъ вещей, и, надо сказать, мнѣ тамъ очень хорошо платятъ. Такія вещи могу и умѣю дѣлать только я. Больше никто. Есть богатая американская фирма, которая покупаетъ каждую мою вещицу. Магазинъ беретъ не очень большой процентъ. Ну, что же -- признаваться — такъ признаваться до конца.

Послѣднія слова Маріи поразили меня не такъ, чтобы очень пріятно. Я сразу даже не сообразилъ того, какъ не вяжутся эти два положенія. Съ одной стороны образъ жизни Маріи: ея прекрасный особнякъ, трое человѣкъ прислуги, рѣдкая обстановка, чудесные и очень дорогіе, не смотря на ихъ простоту, парижскіе костюмы и широкая трага денегъ... Съ другой стороны ручная работа шелкомъ по атласу, весьма медленная и кропотливая. Что она можетъ дать? Не болѣе тысячи, ну, скажемъ щедро двухъ въ мѣсяць...

Нѣтъ, эта мысль не бросилась мнѣ первой въ голову.

Самыя слова „ручная работа“, показались мнѣ какими то ужъ очень прозаичными, будничными, жалкими, годными для швей и портнихъ. И весь романъ мой какъ бы замутился, потускнѣлъ, сузился и обезцвѣтился.

Въ ту пору, когда еще не зная имени моей новой неожиданной и прекрасной любовницы, я мысленно дѣлалъ ее то международной шпионкой, то курортной сиреной, то контрабандисткой, то фантастической Мессалиной, — во мнѣ играла, щекоча мужское самолюбіе, гордость завоевателя. Тогда я выбивался изъ силъ, чтобы никогда не позволить ей платить за себя и, наоборотъ, щеголялъ щедростью и предупредительностью.

И вотъ, она оказалась всего лишь трудящейся женщиной, живущей вышивальной работой... Навѣрное ребро указательнаго пальца лѣвой руки привычно истыкано у нея иглой. Замѣчалъ я это или не замѣчалъ? Словомъ, я чувствовалъ себя разочарованнымъ. Моя связь съ женщиной загадочной, немного роковой, а главное богатой и эффектной обратилась въ обыкновенную интрижку съ швейной мастерицей. Я чувствовалъ себя обманутымъ, какъ бы обокраденнымъ. Боже мой, какъ глупъ и какъ ничтоженъ былъ я въ эти минуты. Ахъ! Мы русскіе слишкомъ много читаемъ безъ всякаго разбора, слишкомъ часто воображаемъ себя героями прочитаннаго!

Я долго и уныло молчалъ. Поняла ли Марія? Прочитала ли она мои мысли? Она взяла мои руки (и я могъ потихоньку убѣдиться, что указательный палецъ у нея гладокъ и нѣженъ) — она притянула меня близко къ себѣ и сказала слѣдующее:

— Мишика, у меня нѣтъ тайнъ отъ тебя, и ты надо мною не будешь смѣяться. — Я не вѣрю ни въ демократію, ни въ филантропію. Я знаю только одно: мнѣ стыдно ѣсть, если около себя я вижу голоднаго человѣка, или голодную собаку. Мнѣ издали стыдно и при мысли о нихъ. Дѣла мои такъ устроились, что я получаю достаточно много, нѣсколько больше, чѣмъ мнѣ нужно. Но меня всегда стѣсняла и тревожила мысль, что я получаю эти деньги ни за что.

И вотъ мнѣ однажды пришла вѣрная, по моему убѣжденію, мысль. Я должна заработать, по возможности столько же, сколько трачу на себя, и эту сумму раздавать тамъ, гдѣ мнѣ всего яснѣе, рѣзче кидается въ глаза настоящая нужда. Такъ я квитаюсь и съ обществомъ, и съ моей совѣстью. Ты понялъ меня, Мишика?

* * *

Мнѣ стало стыдно. Но о подлой причинѣ этого стыда и о низкихъ мысляхъ не сказалъ ни слова. А надо бы было, — для собственной казни..

Этотъ день мы провели чудесно. Я чувствовалъ себя, какъ большой добрый пестъ, который утромъ напроказилъ, и уже былъ за это наказанъ, даже прощенъ, но еще до вечера нѣтъ-нѣтъ, да и попросить извиненія, то печальнымъ взглядомъ, то хвостомъ... Марія — точно она видѣла эту занозу въ моей душѣ — была необыкновенно мила и нѣжна со мною.

Она пробыла въ моей новой комнатѣ до глубокой ночи. Она уже собиралась уйти, но вдругъ остановилась.

— Мишика! — сказала она почти робко. Ты не разсердишься, если я у тебя останусь до утра? Ты не прогонишь меня?

А утромъ, когда она еще спала, я увидѣлъ на ея лицѣ тотъ неописуемо-розовый нѣжный оттѣнокъ, который бываетъ на перьяхъ фламинго передъ переходомъ въ бѣлый цвѣтъ.

Глава X.

З Е Н И Т Ъ.

Въ концѣ декабря Марія получила изъ Неаполя короткое и весьма безграмотное письмо, нацарапанное ужаснымъ почеркомъ по итальянски. Оно было отъ сестры Джіованни, того самаго красавца матроса, „суперкарго“, съ которымъ мы едва не разодрались на смерть. Съ наивной и глубокой простотой писала итальянка, что братъ ея по-

гибъ въ Бискайскомъ Заливѣ, во время крушенія парохода „Гепова“. Уходя въ послѣднее плаваніе, онъ оставилъ дома адресъ госпожи Дюранъ и просилъ извѣстить ее въ случаѣ его смерти.

— „Молитесь о немъ вмѣстѣ съ нашей осиротѣвшей семьей“, — такъ кончалось это письмо. Когда Марія переводила мнѣ его, у нея на опущенныхъ рѣсницахъ дрожали слезы.

Она никогда не скрывала отъ меня своихъ дѣйствій. Я зналъ, что она послала семьѣ погибшаго Джіованни крупную сумму денегъ и заказала по немъ въ соборѣ *Nostra Dama della Guarda* заупокойную мессу.

Я не могъ понять и не допытывался: сохранился ли еще въ ея памяти любовный образъ прекраснаго моряка, или ея вниманіе къ умершему и къ его семьѣ было дружеской спокойной благодарностью за прошлое счастье.

Впрочемъ, мужчины, пожалуй, никогда не освоятся съ тѣмъ, что женщинѣ трудно разлюбить, но, если она разлюбила, то уже къ прошлой любви никогда не вернется. Мужчинъ же этотъ возвратъ часто тянетъ.

Я былъ очень сдержанъ въ эти дни, но „черная болѣзнь“ — нелѣпая ревнисть къ прошедшему — признаюсь нерѣдко охватывала меня.

„Онъ зналъ ея адресъ на Валлонъ де Л-Оріюль. Можетъ быть онъ и бывалъ здѣсь. Можетъ быть мой широкій диванъ изъ замшевой кожи...“ — думалъ я иногда, и у меня передъ глазами ходили огненные круги, и ноздри раздувались. Я сказалъ Маріи, что хочу переѣхать въ Отель дю Портъ. Она охотно согласилась со мною: тамъ пришла къ намъ наша внезапная и горячая любовь, тамъ осталось такъ много воспоминаній, необыкновенныхъ и трогательныхъ.

Но, оказалось, что нашъ отель съ корабельной каютой на чердакѣ, затѣялъ капитальный ремонтъ. Пришлось остаться въ домѣ у Маріи. Да и — нужно сказать, мое ревничее люмбаго довольно скоро прошло: такъ мила, нѣжна, предупредительна было со мною Марія.

Жизнь снова и безболѣзненно наладилась. Каждое утро

Марія отвозила меня на заводъ, а вечеромъ заѣзжала за мною. Завтракалъ я на службѣ.

Отношенія мои съ сослуживцами были попрежнему добрыя, пріятельскія, но гдѣ то въ нихъ уже таилось едва замѣтное, едва ощутительное охлажденіе.

Я уже не принималъ участія въ прежнихъ безпечныхъ эскападахъ въ теплые темные уголки Марсели съ ихъ портовыми приманками, я не сидѣлъ вмѣстѣ съ нашей ладной горластой компаніей у Бассо за пламеннымъ буйабезомъ. Я не ходилъ съ друзьями въ тѣсной гурьбѣ по театрамъ, циркамъ, музеямъ и народнымъ праздникамъ, не открывалъ съ ними новыхъ уютныхъ кабачковъ.

Конечно, они знали о связи моей съ Маріей, и это обстоятельство тоже содѣйствовало взаимному отчужденію.

Это вѣдь, постоянно такъ бываетъ: изъ дружнаго, слаженнаго кружка закадычныхъ холостяковъ, вдругъ выбываетъ одинъ перебѣжчикъ, чтобы навсегда погрузиться въ лоно семейныхъ тихихъ радостей, и весь кружокъ долго чувствуетъ себя разрозненнымъ, опустѣлымъ, пока не зарубцуетъ, не станетъ привычнымъ изъянъ. Встрѣчи съ нимъ, внѣшне, остаются попрежнему, сердечными, но въ нихъ невольно скользятъ и легкое презрѣніе, къ измѣннику, и укоръ, и сожалѣніе о добровольной утратѣ имъ холостой свободы. „Ну что? какъ? Здоровъ? веселъ? счастливъ?“ — И съ лукавой, недовѣрчивой пріязнью слушаютъ прокуренные холостяки его немного театральные восторги:

— Да вы приходите когда-нибудь ко мнѣ. Жена моя — это такой славный товарищъ! Она давно знаетъ и любитъ васъ по моимъ рассказамъ. Навѣстите же насъ, при первомъ случаѣ. Для каждаго изъ васъ всѣхъ найдется уголокъ у камина, старая сигара и стаканъ добраго вина. Вспомнимъ нашу бурную проказливую молодость.

Коренастые замшѣлые холостяки киваютъ головами, крикаютъ, благодарятъ и лукаво переглядываются: „знаемъ мы, какъ бываютъ любезны молодыя жены къ холостымъ друзьямъ мужа-новобранца“... И съ удовольствіемъ думаютъ про себя, что ни въ клубы, ни на суда, военныя,

торговья и даже пиратскія — входъ женщинѣ не допускается.

А еще болѣе дѣло осложняется, когда друзьямъ извѣстно, что ренегатъ не закрѣпилъ своего сожителства формальнымъ образомъ: ни въ церкви, ни въ меріи, ни у нотариуса. Тутъ Богъ знаетъ, изъ какихъ глубокихъ иѣдръ выльзаютъ наружу старыя, заржавленные, давно забытые предразсудки.

Все это я вспомнилъ и испыталъ въ тотъ день, когда въ моемъ баракѣ на заводѣ мои сотрудники дали пышный обѣдъ мнѣ и Маріи. Надо сказать во-первыхъ, что выпито было за столомъ несравненно больше, чѣмъ мои друзья позволили бы себѣ въ присутствіи „законной супруги“. А, во-вторыхъ, въ словахъ, обращенныхъ къ ней, въ нелѣпыхъ русскихъ тостахъ и шуточныхъ брачныхъ намекахъ были неискренность, натянутость, приподнятость, вмѣстѣ съ худо скрытой развязностью. Я какъ будто бы прозрѣвалъ ихъ настоящія, циничныя мысли: „Твое дѣло — капризный случай. Развѣ всѣ мы не видѣли, какъ на твоихъ колѣняхъ сидѣли прехорошенькія дѣвчонки и пили съ тобою изъ одного стакана? Игра судьбы, — что одна изъ нихъ не сидитъ сейчасъ на почетномъ мѣстѣ, игра судьбы, что эта досталась тебѣ, а не мнѣ“. Смѣшно сказать: всѣ мужчины въ этомъ смыслѣ самомнительны до идиотства. Каждый лакей въ аристократическомъ домѣ или во дворцѣ, если онъ только не старше пятидесяти лѣтъ — такого высокаго мнѣнія о своихъ мужскихъ достоинствахъ, что безъ особаго волненія встрѣтитъ минуту, когда его никому недоступная великолѣпная госпожа скажетъ ему, снимая одежды: „Неужели ты до сихъ поръ не замѣчалъ, что я вся твоя“. Рюи-Блазъ — героическая пьеса, однако, она оказалась написанной точно специально для лакеевъ. По крайней мѣрѣ — это ихъ излюбленная пьеса.

И не вслѣдствіи ли этой увѣренности въ женской подалливости, съ одной стороны, и въ своей собственной неотразимости съ другой — большинство мужчинъ склонно такъ хвастливо, такъ неправдоподобно, такъ грубо врать о своихъ любовныхъ успѣхахъ?

И у такого хвастуна есть свое внутреннее темное оправданіе: „Положимъ, этого никогда не случилось, но, будь у меня свободное время, благопріятныя условія, да поменьше робости, да побольше настойчивости, оно, все равно непременно случилось бы“...

Словомъ, этотъ обѣдъ еще больше расторгъ мою прежнюю близость съ сослуживцами.

Марія, въ свою очередь, отвѣтила имъ обѣдомъ, на которомъ была очень мила и обходительна, но недоступно холодна. На прощанье, когда кто-то изъ моихъ друзей намѣревался пацѣловать у нея руку, — она не позволила. Она сказала:

— Это былъ, вѣроятно, прекрасный обычай въ старину. Теперь онъ выходитъ изъ моды даже во дворцахъ.

И чтобы загладить рѣзкость, она прибавила улыбаясь:

— Впрочемъ, и дворцы выходятъ, кажется изъ моды.

Это замѣчаніе обидѣло. А вѣдь, надо сказать правду: Мы, русскіе, цѣлуемъ дамскія руки разъ по тридцати въ сутки, цѣлуемъ знакомымъ, полужнакомымъ и вовсе незнакомымъ дамамъ, и при томъ вовсе не умѣемъ цѣловать хотя бы немножко прилично. Да и поцѣлуй руки — это высшая, интимная ласка. Съ какой стати мы мусолимъ руку каждой женщины безъ смысла для нея и для себя?

И тоже: надо, наконецъ, серьезно подумать и о рукопожатіяхъ. Сколько есть на свѣтѣ мокрыхъ, грязныхъ, холодныхъ, вялыхъ, точно распаренныхъ, или сухо и жестко горячихъ, явно враждебныхъ, несомнѣнно преступныхъ и просто отвратительныхъ рукъ. И каждую изъ нихъ вы, при случайномъ знакомствѣ, должны пожать, несмотря на то, что ваша рука — этотъ тончайшій аппаратъ чувствительности, содрогается и протестуетъ всѣми своими нервами. Не лучше ли кивокъ, полупоклонъ, ну въ крайности, даже глубокій, чертъ побери, поклонъ?

Такъ мы съ Маріей и остались одни въ шумной, людной, пестрой Марсели. Отношенія мои съ сотрудниками стали вѣжливо дѣловыми, хотя порою мнѣ казалось, что я читаю въ ихъ случайныхъ взглядахъ подозрительный и

ядовитый вопросъ: „А ужъ не состоишь ли ты на содержаніи у женщины“? Страшный вопросъ для мужчины!

Вотъ почему я безконечно обрадовался, когда бельгійское общество купило мой патентъ на новый гидравлическій прессъ и я получилъ деньги, для меня въ то время довольно большія.

Быль, впрочемъ, одинъ человѣкъ, который казался мнѣ искренно привязаннымъ къ Маріи и глубоко ее уважавшій. Это — главный директоръ нашего завода, господинъ де Ремильякъ, старый, сухой гасконецъ, съ серебряной узкой бородой и пламенными черными глазами. Онъ говорилъ о мадамъ Дюранъ съ рыцарской почтительностью. Каждый разъ, когда онъ спрашивалъ меня о ея здоровьи, или посылалъ ей поклонъ, то называя ея имя, онъ неизмѣнно приподнималъ свою каскетку. Гораздо позже я узналъ, что де Ремильякъ былъ большимъ другомъ ея покойнаго отца и, что онъ велъ всѣ денежные дѣла Маріи. Между прочимъ, часть ея состоянія была въ акціяхъ нашего завода.

Въ первые мѣсяцы я совсѣмъ не чувствовалъ отсутствія мужской свободной компаніи. Видишь ли: есть у татаръ такое словечко — „хардашъ“, что значитъ товарищъ, другъ. Но у нихъ товарищи бываютъ разнаго рода: товарищъ по войнѣ, товарищъ по торговлѣ, товарищъ по пирушкѣ... Есть также и товарищъ по путешествію, спутникъ. Онъ называется киль-хардашъ, и имъ очень дорожатъ, если онъ имѣетъ всѣ добрыя качества своего званія. Такъ вотъ: Марія какъ разъ была чудеснѣйшимъ киль-хардашемъ.

Она обладала той быстротой, четкостью и понятливостью взгляда, которыя Богъ посылаетъ, какъ рѣдчайшій даръ, талантливымъ художникамъ и писателямъ, но гораздо щедрѣе, чѣмъ мы думаемъ, раздаетъ женщинамъ, умнымъ и искренне любящимъ жизнь. Ея наблюденія были вѣрны, а замѣчанія остры и забавны, но никогда не злы.

Мы любили путешествовать наудачу. Брали карту Прованса; кто-нибудь, изъ насъ, зажмуривъ глаза, тыкалъ пальцемъ куда попало, и какой городъ, или городишко

оказывался подъ пальцемъ, туда мы и ѣхали въ ближайшую субботу. Провансъ неистощимъ въ своихъ красотахъ.

Странно: чаще всего въ этомъ гаданьи выпадалъ у насъ городокъ съ весьма забавнымъ названіемъ: Cheval-Blanc — Бѣлая Лошадь! Но онъ былъ точно заколдованъ: всегда намъ что-нибудь мѣшало открыть его. Марія однажды, сказала о немъ очень мило:

— Ты знаешь какъ я себѣ рисую этотъ таинственный городъ? Тамъ давно уже нѣтъ ни одного живого существа. Плющемъ повиты развалины старыхъ римскихъ домовъ и разбитыхъ колоннъ. А на площади высится лошадь, изъ бѣлаго мрамора, разъ въ десять выше натурального конскаго роста. Крошечные жесткіе колючіе кустарнички, и кричатъ цикады... и больше ничего нѣтъ. Но я думаю, что ночью, при лунномъ свѣтѣ, тамъ, должно быть, страшно...

Удивительно: этотъ невѣдомый городокъ всегда тревожилъ мое воображеніе какимъ то смутнымъ предчувствіемъ. Не суждено-ли мнѣ умереть въ немъ? Не ждетъ ли меня радость. Или можетъ быть глубокое горе? Судьба бѣжить, бѣжить, и горе тому, кто по лѣни или по глупости отсталъ отъ ея волшебнаго бѣга. Догнать ее нельзя.

Незабвенные жаркіе дни подъ южнымъ солнцемъ; сладостныя ночи подъ чернымъ небомъ, усѣяннымъ густо, до пресыщенія, дрожащими южными звѣздами. Прохладная тихая полутьма и строгій мистическій запахъ древнихъ каменныхъ соборовъ, уютныя остеллеры и, обержи, гдѣ пицца была такъ легка и проста; незатѣйливое мѣстное винцо такъ скромно пахло розовыми лепестками, а ласковая улыбка толстой хозяйки такъ дружески поощрительна, что намъ казалось, будто мы пьемъ и ѣдимъ на голой груди матери земли, прильнувъ ртами къ ея всеблагимъ напряженнымъ сосцамъ.

Старый другъ мой, дорогой мой дружокъ! Никому я обо всемъ этомъ никогда не говорилъ и ужъ конечно больше не скажу. Прости же мнѣ мое многорѣчіе...

Есть у меня утѣшеніе — моя исключительно точная память. Но какъ сказать: не источникъ ли этотъ даръ и моихъ бесплодныхъ мученій? Когда жаждущему даютъ

морскую воду, онъ радуется ея прохладѣ, но, выпивъ терзается жаждой вдвое.

У меня въ памяти большая коллекція живыхъ картинъ. Сюжетъ всегда одинъ и тотъ же — Марія — но разныя декораціи. Стоитъ мнѣ только вытащить изъ моего запаса экзотическое названіе любого провансальскаго городишки, или станціи, связанной съ нашей любовью — какой-нибудь „Cargneiranne“, или „Pont-de-la-Clue“, или „Mont-des-Oiseaux“, или „Pas-des-Lancieres“, или „La Barque“, — вытащу, и вотъ передо мной полосатые навѣсы отъ солнца, длинное одноэтажное зданіе, крашеное въ желтую краску, запахъ розъ, лаванды, чеснока и кривой горной сосны; виноградный трельяжъ, и непременно Марія. Она видится мнѣ такъ рѣзко и красочно, точно въ камерѣ-обскурѣ. Я слѣжу за ея легкими движеніями, поворотами головы, игрой свѣта и тѣни на ея лицѣ. Я слышу ея голосъ, вспоминаю каждое ея слово.

Вотъ теперъ мнѣ вспоминается Бормъ... Такой небольшой уѣздный городишка между Тулономъ и Сень Рафаэломъ. Мы въ гостиницѣ (Hostellerie), которой насчитывается около 500 лѣтъ. Нѣсколько разъ она мѣняла свое названіе вмѣстѣ съ хозяевами. Послѣдній владѣлецъ, бретонецъ, назвалъ ее „La Corriganne“, что на его языкѣ значитъ „Морской гротъ“.

Тамъ было чистенько, уютно, прохладно, но ни одного намека на грубоватую прелесть утекшихъ вѣковъ...

Насъ проводили наверхъ, въ крытую веранду. Сквозь ея широкія арки виденъ былъ весь городъ, въ которомъ всѣ дома сверху до низу тѣсно и круто лѣпились по скаламъ, безъ малѣйшихъ промежутковъ, совсѣмъ какъ соты: едва намѣчались какіе то узенькіе проходы, винтовья лѣстницы, слѣпяя черныя дыры. Наверху, какъ на шпильѣ громоздилось неуклюжее сѣрое зданіе замка „chateau fort“, бывшее страшное разбойничье гнѣздо.

Внизу жило, дышало, рябилось, сверкало далекое море такой глубокой густой синевы, которую можно было бы скорѣе назвать черной, если бы она не была синей.

Марія стояла съ биноклемъ въ серединѣ арки, обло-

котившись обѣими локтями о подоконникъ. Вдругъ она воскликнула:

— Мишика, иди скорѣй. Посмотри на эту лодку. О, какъ красиво!

Я подошелъ, взявъ у нея бинокль поглядѣлъ и подумалъ: что же тутъ необыкновеннаго? Сидитъ на веслахъ человекъ въ бѣломъ костюмѣ съ краснымъ поясомъ и гонитъ лодку.

Но она говорила:

— Нѣтъ, ты посмотри повнимательнѣе: весла, какъ крылья стрекозы. Вотъ она мгновенно расправила ихъ, и какъ остръ, какъ прекрасенъ ихъ рисунокъ. Еще моментъ, и они исчезли, точно растаяли, точно она потушила ихъ, и опять, и опять. И что за прелестное тѣло у лодки. А теперь посмотри вдаль на этого шоколаднаго мальчика.

На скалѣ стоялъ почти черный мальчуганъ, голый. Лѣвая его, согнутая въ локтѣ рука опиралась на бедро, въ правой онъ держалъ тонкую длинную палку, должно быть, что то вродѣ остроги, потому, что иногда, легко и беззаботно перепрыгивая съ камня на камень, мальчикъ вдругъ быстрымъ движеніемъ вонзалъ свою палку въ воду и для противовѣса, округло подымалъ лѣвую руку надъ головой.

— О, Мишика, какъ это невыразимо красиво! И какъ все слилось: солнце, море, этотъ прозрачный воздухъ, этотъ полудѣтскій торсъ, эти стройныя ноги, а главное — что мальчишка вовсе не догадывается, что на него смотрятъ. Онъ самъ по себѣ, и каждое его движеніе естественно и потому великолѣпно... И какъ мало надо человеку, чтобы до краевъ испить красоту!

Странно: въ этотъ моментъ, какъ будто бы впервые раскрылись мои внутренніе душевные глаза, какъ будто я впервые понялъ, какъ много простой красоты разлито въ мірѣ.

Весь міръ на мгновеніе показался мнѣ пропитаннымъ, пронизаннымъ какой то дрожащей, колеблющейся вибрирующей, невѣдомой многимъ радостью. И мнѣ почувствовалось, что отъ Маріи ко мнѣ бѣгутъ радостныя дрожашіе

лучи. Я нарочно и незамѣтно для нея приблизилъ свою ладонь къ ея рукѣ и подержалъ ее на высотѣ вершка. Да, я почувствовалъ какіе то золотые токи. Они похожи были на теплоту, но это была совсѣмъ не теплота. Когда я вплотную прикоснулся рукою къ рукѣ Маріи — ея кожа оказалась гораздо прохладнѣе моей.

Она быстро обернулась и поцѣловала меня въ губы.
— Что ты хочешь сказать, Мишика?

Тогда я рассказалъ ей о золотыхъ лучахъ, проникающихъ вселенную.

Она обняла меня и еще разъ поцѣловала.

— Мишика, — сказала она въ самыя губы мнѣ. — Это любовь.

Въ каждомъ большомъ счастьи есть тотъ неуловимый моментъ, когда оно достигаетъ зенита. За нимъ слѣдуетъ нисхожденіе. Точка зенита!.. Я почувствовалъ, какъ моихъ глазъ тихо коснулась темная вуаль тоски.

Глава XI.

ТАНГЕНСЪ.

Ахъ, другъ мой, другъ мой. Обоимъ намъ приходилось когда-то изучать тригонометрію. Тамъ, помнишь, есть такая величина — тангенсъ, касательная къ окружности круга. Меня, видишь ли, ея загадочное, таинственное поведеніе приводило всегда въ изумленіе, почти въ мистическій страхъ. Въ извѣстный моментъ, переходя девяностый градусъ, тангенсъ, до этой поры возроставшій вверхъ, вдругъ съ непостижимой быстротой испытываетъ то, что называется разрывомъ непрерывности и, съ удивленіемъ, застаётъ самого себя ползущимъ, а потомъ летящимъ внизъ, — полетъ, недоступный человѣческому воображенію. Но еще больше меня поражало то, что моментъ этого жуткаго превращенія совершенно неуловимъ. Это ни минута, ни секунда, ни одна миллионная часть секунды: въдѣ время и пространство можно дробить сколько угодно и

всегда остаются довольно солидные куски... Гдѣ же этотъ таинственный моментъ?

Былъ у меня одинъ пріятель Колька Цыбульскій, талантливѣйшій математикъ и музыкантъ и, въ то же время, не только отчаянный эфироманъ, но и поэтъ сѣрнистаго эфира. Онъ какъ то рассказывалъ мнѣ объ ощущеніяхъ, сопровождающихъ вдыханіе этого наркотика.

— Сначала, — говорилъ онъ, — непріятный, даже противный, сладко приторный запахъ эфира. Потомъ страшное чувство недостатка воздуха, задыханія, смертельнаго удушья.

Но мысль и инстинктъ жизни ничѣмъ не усыплены, ничѣмъ не парализованы.

И вотъ, — совсѣмъ не „вдругъ“ безъ всякихъ границъ и переходовъ — я живу въ блаженной странѣ Эфира, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ радостной легкости и вѣчнаго восторга.

Часто, ложась на диванъ, — говорилъ Цыбульскій, — и закрывая ротъ и носъ ватной маской, пропитанной эфиромъ, я настоятельно приказывалъ себѣ: „сознаніе не теряется сразу, замѣть же, замѣть, непременно замѣть моментъ перехода въ Нирванну... Нѣтъ! всѣ попытки были бесполезны. Это... Это непостижимо... Это вродѣ превращенія тангенса“!

— Вотъ такъ же, мой другъ, я думаю, неуловимъ и тотъ моментъ, когда любовь собирается либо уходить, либо обратиться въ тупую, холодную, покорную привычку. И, можетъ быть, именно въ Бормѣ, въ тотъ самый мигъ, когда души наши до краевъ были налиты счастьемъ, — тогда то и пошла на убыль, незамѣтно для меня, моя любовь къ Маріи.

Она сказала ласково, почти вкрадчиво:

— Мишика! Здѣсь такъ хорошо. Оставимъ здѣсь нашъ шатеръ еще на одинъ день?

Я вспомнилъ нашу давнюю маленькую ссору, еще тамъ, въ Отель дю Портъ, въ нашей корабельной каютѣ, и вдругъ почувствовалъ себя утомленнымъ и пресыщеннымъ.

Я возразилъ:

— А моя служба на заводѣ? А долгъ чести? А вѣрность слову?

Она поглядѣла на меня печально. Бѣлки ея глазъ порозовѣли.

— Ты правъ, Мишика. Я рада, что ты сталъ благо-разумнѣе меня. Поѣдемъ.

Мнѣ стало жалко ее. Я поторопился сказать.

— Нѣтъ. Отчего же? Если ты хочешь, — я останусь съ удовольствіемъ...

— Нѣтъ, Мишика. Поѣдемъ, поѣдемъ.

Я согласился. Дорога до Марсели была длинна и скучна. Мы много молчали. Чувство неловкости впервые легло между нами. Потомъ оно конечно, разсѣялось и наши новыя встрѣчи казались попрежнему легкими и радостными.

*

Теперь то я многое обдумалъ и многое понялъ, и я убѣжденъ, что мы, мужчины, очень мало знаемъ, а чаще и совсѣмъ не знаемъ любовный строй женской души. У Маріи, такъ смѣло и красиво исповѣдовавшей свободу любви, было до меня нѣсколько любовниковъ. Я увѣренъ, ей казалось вначалѣ, что каждая изъ нихъ она любить, но вскорѣ она замѣчала, что это было только исканіе настоящей единственной всепоглащающей любви, только самообманъ, ловушка, поставленная страстнымъ и сильнымъ темпераментомъ.

Большинство женщинъ знаетъ — не умомъ, а сердцемъ — эти исканія и эти разочарованія.

Почему наиболѣе счастливые браки заключаются во вдовствѣ, или послѣ развода? Почему Шекспиръ, устами Меркуціо, сказалъ: „Сильна не первая, а вторая любовь“.

Марія, не взирая на свою женственность, обладала большой волей и большимъ самообладаніемъ. Въ любви не ее выбирали: выбирала она. И она никогда не тянула, изъ жалости или по привычкѣ вывѣтрившейся, нудной, надоѣвшей связи, какъ невольно тянуть эту канитель.

многія женщины. Она обрывала романъ, задолго до длиннаго скучнаго эпилога, и дѣлала это съ такой ласковой твердостью и съ такой магнетической нѣжностью, какую я увидѣлъ впервые на примѣрѣ покойнаго Суперкарго Джіованни. Вѣдь, позднѣе, уступая моей неумной ревности къ прошлому, она мнѣ многое, многое рассказала.

Еще я тебѣ скажу: есть неизбѣжно у женщины, нашедшей, наконецъ, свою истинную, свою инстинктивно мечтанную и желанную любовь, есть у нея одно великое счастье, и оно же величайшее несчастье: она становится неуголимой въ своей щедрости. Ей мало отдать избраннику свое тѣло, ей хочется положить къ его ногамъ и свою душу. Она радостно стремится подарить ему свои дни и ночи, свой трудъ и заботы, отдать въ его руки свое имущество и свою волю. Ей сладостно взирать на свое сокровище, какъ на божество, снизу вверхъ. Если мужчина умомъ, душою, характеромъ выше ея, она старается дотянуться, докарабкаться до него; если ниже, — она незамѣтно опускается, падаетъ до его уровня. Соединиться вплотную со своимъ идоломъ, слиться съ нимъ тѣломъ, кровью, дыханіемъ, мыслью и духомъ — вотъ ея постоянная жажда!

И невольно она начинаетъ думать его мыслями, говорить его словами, перенимать его вкусы и привычки, — болѣть его болѣзнями, любоваться его недостатками. О! Сладчайшее рабство!

Такую то любовь и принесла мнѣ моя Марія. Ты, конечно, скажешь, что этотъ божественный даръ былъ безуміе, бессмыслица, дикое недоразумѣніе, роковая ошибка? Тысячу разъ говорилъ и до сихъ поръ говорю я себѣ то же самое. Но кто же отъ начала мірозданія сумѣлъ проникнуть въ тайны любви и разобраться въ ея неисповѣдимыхъ путяхъ? Кто взялъ бы на себя смѣлость, устраивая любовныя связи, соединять достойныхъ и великодушныхъ съ великодушными, красивыхъ съ красивыми, сильныхъ съ сильными, а осѣвшую гущу выбрасывать въ помойную яму?

Впрочемъ, — это все философія. Бросимъ! Дольемъ

наше вино, и я расскажу тебѣ о себѣ самомъ. Сдѣлаю это безъ всякой пощады, со злобнымъ удовольствіемъ.

Я, — какъ бы тебѣ сказать?... Я... „заѣлся“. Такъ у насъ говорятъ ярославскіе мужики про своего же брата—мужика, который случайно разбогатѣлъ, а слѣдовательно загордился, заважничалъ и захамилъ: „чего моя лѣвая нога хочетъ!“ Вотъ про него то и говорятъ: „Ишь, заѣлся, сладкомордый!“ Видишь, другъ, я не щажу себя.

Съ первыхъ дней нашего знакомства, я очень скоро и съ восхищеніемъ убѣдился, что Марія гораздо выше меня — и интеллектомъ, и любовью къ жизни и любовью къ любви. Отъ нея исходила живыми лучами здоровья теплая, веселая доброта. Каждое ея движеніе было увѣренно, граціозно и гармонично. Она была красива своей собственной оригинальной красотой, неповторимой и единственной. Развѣ я не видѣлъ постоянно какъ пристально на нее глядѣли мужчины, и какими долгими, испытующими, ревнивыми взглядами ее провожали женщины, и какъ онѣ по многу разъ оборачивались на нее.

Я уже говорилъ тебѣ, что въ первые розовые дни нашей любви я чувствовалъ себя передъ нею — и некрасивымъ и не уклужимъ... Она для меня была богиня, или царица, полюбившая простого смертнаго. Ея свобода еще болѣе подчеркивала мою русскую стѣснительность...

Но какъ бездонно глубока область интимныхъ любовныхъ восторговъ. Ни для кого не проникаемая, альковная жизнь связываетъ двоихъ людей — мужчину и женщину — ночной эгоистической тайной; дѣлаетъ ихъ какъ бы соучастниками сокровеннаго сладостнаго грѣха, въ которомъ никому нельзя признаться, о которомъ, даже между собою, стыдно говорить днемъ и громко.

Эта сила любовной страсти побѣждаетъ всѣ неловкости, сглаживаетъ всѣ неровности, сближаетъ крайности, обезличиваетъ индивидуальности, уравниваетъ всѣ различия: пола, крови, происхожденія, породы, возраста и образованія и даже соціальнаго положенія — такъ несказанно велика ея страшная блаженная и блажная мощь!

Но въ этой стихіи всегда властвуетъ не тотъ, кото-

рый любить больше, а тотъ, который любить меньше: странный и злой парадоксъ!

* * *

Не знаю самъ, когда и какъ это случилось, но вскорѣ я почувствовалъ, что проклятая сила привычки уничтожила мое преклоненіе передъ Маріей и обезцвѣтила мое обожаніе. Пафосъ и жестъ вообще недолговѣчны. Молодой и пламенный жрецъ самъ не замѣчаетъ, какимъ образомъ, и когда обратился онъ въ холоднаго скептическаго хитреца.

Я не разлюбилъ Марію. Она оставалась для меня незамѣнимой, обольстительной, прекрасной любовницей. Сознаніе того, что я обладаю ею и могу обладать когда хочу, наполняло мою душу самолюбивой павлиньей гордостью. Но сталъ я въ любви лѣнивъ, небреженъ и часто равнодушень. Меня уже не радовали, не трогали, не умиляли, не занимали эти нѣжныя словечки, эти ласковыя, забавныя имена, эти милыя, глупыя шалости, всѣ эти маленькіе невинныя цвѣточки насыщенной любви. Я потерялъ и смыслъ и вкусъ въ нихъ, они мнѣ стали непонятны и скучны. Я позволялъ себя любить — и только. Я былъ избалованнымъ, самоувѣреннымъ владыкой.

Но такъ же, какъ Маріи не пришло бы никогда въ голову мѣрить и взвѣшивать свою щедрую, широкую, безграничную любовь, такъ и я совсѣмъ не замѣчалъ перемены въ моихъ отношеніяхъ къ ней. Мнѣ казалось, что все у насъ идетъ попрежнему, просто и ровно, какъ и въ первые дни. Да. Постепенность и привычка — жестокия обманщицы: онѣ работаютъ тайкомъ.

Но это еще не все. Та прежняя Марія, которой я еще недавно такъ любовался, Марія — другъ, Марія — собесѣдникъ, Марія — спутникъ — „киль-кордашъ“ — веселый, живой ея умъ, прекрасный характеръ, свѣтлая любовь къ жизни, милость ко всему живущему — все это потеряло въ моемъ сознаніи и плѣнительность и цѣнность. Скажу даже, что многое въ Маріи мнѣ начинало не нравиться.

Было у нея, напримѣръ, одно маленькое удовольствіе:

кормить лошадей. Для этого она всегда носила въ сумочкѣ сахаръ. Какъ увидитъ на улицѣ сѣраго, слоноподобнаго, огромнаго першерона, сейчасъ подойдетъ къ нему и безбоязненно протянетъ ему на плоско вытянутой маленькой, розовой ладони кусокъ сахара. И добрый сѣрый великанъ бережно нащупываетъ мягкими дрожащими губами бѣлый кусокъ, возьметъ, захруститъ и отвѣшиваетъ головой низкіе поклоны. Тогда Марія, не глядя на меня, протягивала мнѣ руку, и я долженъ былъ старательно вытереть ее носовымъ платкомъ.

Эта забава всегда была для меня очень пріятной. Но вотъ однажды, когда Марія, по обыкновенію, подошла къ лошади съ сахаромъ, я ни съ того ни съ сего заартачился. Видишь ли, забава эта вдругъ показалась мнѣ слишкомъ дѣтской и, пожалуй, даже неприличной. „На насъ смотрятъ!“ И я сказалъ:

— Марія, я бы на твоёмъ мѣстѣ такъ не рисковалъ. У лошадей часто бываетъ сапъ. Легко можно заразиться.

Она быстро удивлено взглянула на меня и бросила сахаръ.

— Хорошо, Мишика, ты правъ. Я не буду больше.— И съ тѣхъ поръ она никогда не подходила къ своимъ сѣрымъ любимцамъ.

Потомъ вышелъ еще случай. Надо сказать тебѣ, что она никогда не подавала профессиональнымъ нищимъ, во всякихъ уличныхъ пѣвцовъ, музыкантовъ, фокусниковъ, чревоѣцателей, акробатовъ и другихъ бродячихъ артистовъ одаривала не по заслугамъ милостиво.

И вотъ, однажды, мы увидѣли на какомъ то окраинномъ бульварѣ полуголаго атлета въ рваныхъ остаткахъ грязнаго трико. Онъ стоялъ на разостланномъ дырявомъ коврѣ, широко разставивъ ноги, растопыря опущенныя руки, склонивъ воловью шею, и тупо глядѣлъ въ землю. Желѣзныя гири, тяжелая наковальня, огромные дикіе камни и кузнечный молотъ валялись около него. Собралась небольшая толпа ротозѣевъ и безмолвно разглядывала силача и его тяжести. Щупленькій, вороватаго вида человѣчекъ въ морскомъ беретѣ съ краснымъ помпономъ, стоя посре-

динѣ, выхваливалъ атлета: „Чемпіонъ міра, король желѣза, міровые рекорды, почетныя ленты и золотые пояса; личное одобреніе принца Уэльскаго, Орденъ льва и солнца!...“.

Потомъ онъ останавливался на минуту, обходилъ кругъ зрителей съ тарелкой, въ которую скупно брякали мѣдныя и никкелевыя су, и опять принимался зазывать почтенную и великодушную публику.

— Подойдемъ поближе — сказала Марія.

Я поморщился:

— Дитя мое, что ты находишь здѣсь интереснаго? Здоровенный дѣтина, которому лѣнь работать, ломается передъ бездѣльниками. И какая тупая морда у этого ярмарочнаго силача: навѣрное прирожденный взломщикъ и убійца.

О, чортъ бы меня побралъ! Откуда вдругъ явилось во мнѣ это благоразуміе, эта брезгливость, эти гражданскія чувства. Никогда раньше я въ себѣ ихъ не находилъ. Марія сказала.

— Пожалуй, ты правъ, Мишика. Мнѣ просто его жаль. Пойдемъ отсюда.

Но прежде чѣмъ уйти, она быстро скомкала синюю кредитную бумажку и кинула ее въ середину круга на коверъ. Зазывальщикъ быстро ее подхватилъ, и, отвѣсивъ Маріи шутовски низкій поклонъ, закричалъ:

— Благодарю васъ, бесконечно благородная дама, столь же прекрасная, сколь и великодушная. Дамы и господа, слѣдуйте доброму примѣру очаровательной герцогини!...

Вдобавокъ онъ еще послалъ намъ обѣими руками воздушный летучій поцѣлуй.

Я заторопился:

— Уйдемъ, уйдемъ поскорѣе. На насъ смотрятъ.

Мнѣ показалось, что она вздохнула... Или, можетъ быть, зѣвнула?

Ахъ, милый, я надѣлалъ въ эту пору глупостей и пошлостей безъ конца.

У нея, напримѣръ, были свои „розовые старички“. Такъ она называла тѣ семьи, гдѣ осталось только двое стариковъ — мужъ и жена. А остальные перемерли или

13
разбрелись по свѣту. Такъ и доживаютъ старички свой вѣкъ: оба сѣденькіе, оба въ одинаковыхъ добрыхъ морщинахъ, оба по старчески розоватые и крѣпкіе, и трогательно похожіе одинъ на другого.

У Маріи было двѣ парочки такихъ розовыхъ старичковъ, у которыхъ и дѣды и бабки были рыбаками и рыбачьими женами. Жили они въ старомъ порту, и Марія нерѣдко ихъ навѣщала, всегда принося съ собою подарки: теплыя вязанныя вещи, табакъ, ромъ отъ застарѣлыхъ морскихъ ревматизмовъ, кофе, чай и фрукты. Часто она брала меня съ собою, и помню, съ какимъ теплымъ удовольствіемъ слушалъ я прежде ея неторопливую, умную и ласковую бесѣду со стариками, когда она сидѣла по вечерамъ у огня съ какой-нибудь ручной работой на колѣняхъ. У нея былъ рѣдкій даръ добраго вниманія, которое такъ естественно и мило располагаетъ пожилыхъ людей къ любимымъ дальнимъ воспоминаніямъ, о которыхъ память еще свѣжа, а ненужныя мелочи давно отпали.

Никогда она не уставала внимать этимъ морскимъ наивнымъ повѣстямъ — пусть уже не разъ повторяемымъ — о морской и рыбачьей жизни, о маленькихъ скудныхъ радостяхъ, о простой безыскусственной любви, о дальнихъ плаваніяхъ, о буряхъ и крушеніяхъ, о покорномъ, суровомъ пріятіи всегда близкой смерти, о грубомъ весельи на сушѣ. Отъ этихъ рассказовъ чувствовалась на губахъ соль: соль морской пѣны, соль вѣчныхъ женскихъ слезъ и соль трудового пота.

О, Марія, какъ ты любила эти безхитростные рассказы. Недаромъ въ тебѣ текла напоенная озономъ кровь морскихъ волковъ; флибустьеровъ и адмираловъ, а въ моихъ жилахъ течетъ медленная кровь сухопутнаго интеллигента!

Однажды я отказался сопровождать ее къ розовымъ старичкамъ, оправдываясь слѣшной работой. Въ другой разъ отказался уже безъ всякаго повода. Просто сказалъ, что мнѣ не хочется.

— Они тебѣ не нравятся, Мишика, мои розовые старички?

— По правдѣ сказать, не очень. Всегда одно и то же. Скучно. Да и не особенный я любитель моря и морскихъ разсказовъ, и морскихъ стариковъ.

Ея нижняя губа нервно вздрогнула. Я понялъ, что Марія обидѣлась. Не на мою грубость, не за себя, а за своихъ розовыхъ старичковъ.

— До свиданія, Мишика, — сказала она сдержанно. Сказала и ушла.

Глава XII.

БѢЛАЯ ЛОШАДЬ.

Она сказала: „до свиданія“, встала съ персидской оттоманки и ушла быстрыми легкими шагами.

Я думалъ, что она вскорѣ вернется, чтобы объяснить мнѣ причину этого внезапнаго и рѣзкаго прощанія. Я сидѣлъ и ждалъ. Она медлила, а я, молча, вспѣнивалъ, взвинчивалъ въ своей душѣ ненависть. Въ этомъ мелкомъ безпричинномъ и бессмысленномъ озлобленіи я уже готовилъ ей новыя, ядовитыя обиды. Я собирался высказать ей грубо мое мнѣніе о ея благотворительныхъ экранахъ и вообще о ея кустарной филантропіи: „въ основѣ все это ложь, фальшь и лицемѣріе. Это нѣчто въ родѣ копеечныхъ Евангелій, приносимыхъ старыми англійскими дѣвами въ тюрьмы и публичные дома; взятка Богу, свѣча, поставленная передъ иконой неумолимымъ ростовщикомъ, страховка трусливаго богача противъ будущаго народнаго гнѣва, а, въ лучшемъ случаѣ, — это всего лишь дѣтская клистирная трубка во время пожара“.

Знаю: я разсуждалъ, какъ большевикъ, хотя слава Богу, никогда имъ не былъ, но, скажи, когда же ярость бываетъ справедлива?

Я еще хотѣлъ разсказать ей объ одной жестокой сценѣ, происшедшей между Львомъ Толстымъ и Тургеневымъ и чуть не доведшей ихъ до дуэли. Во всякомъ случаѣ, послѣ нея, великіе писатели остались надолго врагами. Во время завтрака у Толстыхъ, Тургеневъ съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ говорилъ живописно о томъ, какъ

англійская гувернантка пріучаетъ его побочную дочку, Полину, къ дѣламъ благотворительности.

— Каждое воскресенье, — умиленно говорилъ Тургеневъ, — онѣ обѣ идутъ на самыя жалкія окраины города, въ хижины нищихъ, въ подвалы бѣдныхъ тружениковъ, на чердаки горькихъ неудачниковъ.... И тамъ обѣ онѣ смиренно и самоотверженно занимаются цѣлый день починкой, и штопкой ихъ убогаго бѣлья. О, какъ это трогательно, прекрасно и просто. Неправда ли?

Тогда Толстой вскочилъ изъ-за стола, стукнулъ кулакомъ и воскликнулъ:

— Какое лицемеріе! Какое ханжество! Какое издѣвательство надъ нуждой!

Тургеневъ отвѣтилъ жесткимъ словомъ и выбѣжалъ изъ дома. Дуэль едва едва удалось предотвратить.

Но это не все. Въ душѣ моей кипѣли ревность и обида. Я готовился упрекнуть Марію ея всегдашнимъ влеченіемъ къ простолюдинамъ, къ плебсу, къ морскимъ и уличнымъ бродягамъ, къ первобытной силѣ, къ грубому здоровью, къ чему всегда тянетъ пресыщенныхъ женщинъ, какъ тянуло, на примѣръ, гордыхъ римскихъ матронъ...

Но Марія не приходила... Другъ мой! Она такъ и не вернулась.... Не вернулась никогда. Послушай меня — никогда!

У меня хватило мужского самообладанія: я одолѣлъ въ себѣ страшное желаніе постучаться къ ней въ комнату. Я рѣшилъ поѣхать къ себѣ на заводъ. Завтра вечеромъ — думалъ я — она заѣдетъ за мною. Тогда мы объяснимся. Можетъ быть, я былъ неправъ передъ нею? Я могу извиниться. Женщинамъ надо прощать ихъ маленькія причуды. А не пріѣхать она не можетъ. Это сверхъ ея силъ. Любовь ея ко мнѣ — это даже не любовь, а обожаніе.

Съ такими мыслями я проходилъ въ переднюю мимо царственнаго великолѣпнѣйшаго павлина, переливавшася всѣми прелестными оттѣнками густозеленыхъ и нѣжно синихъ красокъ. Вдругъ меня качнуло мгновенное головокруженіе, и я остановился передъ экраномъ, чувствуя, по

сердцебіенію и по холоду щекъ и губъ, что блѣднѣю. Въ памяти моей вдругъ пронеслась недавнія слова Маріи:

— У павлина нѣтъ ничего, кромѣ его волшебной красоты. Это существо надменное, мнительное, глупое и трусливое, да, вдобавокъ съ пронзительнымъ и противнымъ голосомъ.

— Чортъ возьми! Не обо мнѣ ли это сказано? Хорошо еще, что красотою я не блещу.

И очень поспѣшно сбѣжалъ я съ винтовой дубовой лѣстницы.

Но на другой день моя влюбленная Марія не заѣхала и не дала ничего знать о себѣ и на третій день.

На четвертый день я, совсѣмъ унылый, робкій, покаянный, рѣшился пойти на Валлонъ д-Оріоль. Самъ себѣ я казался похожимъ на мокраго, напроказившаго пуделя, или на недооципаннаго пѣтуха.

Мнѣ отворила дверь эта проклятая змѣя Ингридъ, эта бѣшенная колдунья. Я вошелъ въ ателье и спросилъ:

— Дома ли мадаль Дюранъ?

— Мадамъ Дюранъ уѣхала три дня назадъ. Но она приказала мнѣ быть въ вашемъ распоряженіи.

Я спросилъ ехидно и сердито:

— Она мнѣ подарила васъ?

— Совершенно вѣрно. Подарила до вашего или до ея распоряженія. Итакъ, господинъ, я готова вамъ служить.

Я отвѣтилъ:

— Я нуждаюсь въ васъ, сударыня, менѣе, чѣмъ въ комъ бы то ни было на свѣтѣ. Скажите мнѣ ея адресъ.

— Если бы я и знала его — все равно я бы не сказала вамъ.

И какіе дерзкіе, какіе ослѣпительно гнѣвные глаза выпятила на меня эта бѣлокурая дьяволица, эта маленькая, никогда недоступная моему пониманію, помѣсь ангела съ чертенкомъ!

— Вы свободны! — такъ я крикнулъ ей и побѣжалъ. На бѣгу мелькнулъ мнѣ бокомъ въ глаза блистательный

павлинъ. Отъ злости и отчаянія, душившихъ меня, я невольно, но очень громко хлопнулъ дверью, и когда лѣстница вся загудѣла, я успѣлъ разслышать голосъ маленькаго чудовища:

— Imbécile!

Марія попрежнему не давала о себѣ знать. Наконецъ, недѣли черезъ двѣ, я получилъ отъ нея письмо.

— Милый Мишика, благодарю тебя за то великое счастье, которое ты мнѣ далъ. Все это время я думала о тебѣ, о себѣ и о нашей любви. Богъ знаетъ, какихъ усилій мнѣ стоило, чтобы не сорваться и не полетѣть къ тебѣ съ первымъ попавшимся поѣздомъ. Наконецъ, я поняла, что намъ нельзя жить ни вмѣстѣ, ни близко другъ отъ друга. Что то есть въ насъ такое, что постоянно разъединяетъ насъ и мѣшаетъ намъ жить въ полномъ счастіи, а всякія поправки, всякія новыя пробы и испытанія повлекли бы новую и все болѣе сильную вражду. Пишу тебѣ изъ маленькаго городка „Бѣлая Лошадь“. Я ошиблась, когда воображала его въ такомъ поэтическомъ и величественномъ видѣ. Здѣсь почти двѣ тысячи жителей, англійскіе отели, проводники, живописные виды, фотографы и даже лаунъ-теннисъ. Завтра я покидаю Европу. Мы больше не встрѣтимся и мой дружескій совѣтъ — забудь обо мнѣ совсѣмъ, и какъ можно скорѣе.

Прощай. Цѣлую тебя.

Твой другъ Марія.

И постъ-скриптумъ:

Я знаю: ты некорыстолюбивъ и гордъ, но если тебя постигнуть нужда или несчастье, обратись отъ моего имени къ директору завода, г. Ремильякъ. Онъ охотно придетъ тебѣ на помощь.

М.

Вотъ такъ то все кончилось, мой старыи дружище... Ничего... Я покоренъ велѣніямъ судьбы... Колеса времени не повернешь обратно... Живу по инерціи. Но одна, одна мысль не даетъ мнѣ покоя: почему я не умѣлъ любить

Марію такъ просто, довѣрчиво, пламенно и послушно, какъ любилъ ее матросъ Джіованни, этотъ прекрасный суперъ-карго? Да! изъ разнаго мы были тѣста съ этимъ итальянцемъ.

Или, въ самомъ дѣлѣ, меня сглазилъ проклятый павлинъ?

МЫСЬ ГУРОНЪ

I.

„СПЛЮШКА“.

Мы живемъ на скалѣ, которая утопаетъ въ морѣ. Если откроешь окно и выглянешь наружу, то море и подъ тобою, и передъ тобою. А, если смотрѣть въ даль, то и надъ тобою. А когда выйдешь за ветхую дверь, и подымешься на пять-шесть ступеней, намѣченныхъ грубо въ каменной породѣ, то ты уже находишься въ лѣсу, среди кривоствольныхъ приморскихъ сосенъ, смолистый запахъ которыхъ просто удушаетъ.

Здѣсь то мы и живемъ на мысѣ Гуронъ, въ рыбацкѣй хижинѣ (по мѣстному — „кабано“), въ условіяхъ, не особенно далекихъ отъ тѣхъ, въ которыхъ когда то проживали Робинзонъ и Пятница.

Хромой столъ, два хромыя стула, два утлыхъ топчана и все это изъ некрашеннаго гнилого дерева, керосиновая лампа — вотъ вся наша обстановка. Готовимъ пищу мы на спиртовкѣ (понятно, когда есть что готовить...). Здѣсь нѣтъ ни газа, ни электричества и не только нѣтъ уличныхъ фонарей, но и самыхъ улицъ и даже дорогъ. Нѣтъ и помина о водопроводѣ и канализациі. Нѣтъ никакого подобія лавокъ, ресторановъ или пансіоновъ. Всѣ эти культурныя удобства и соблазны имѣются лишь въ купальномъ курортѣ „Лаванду“, километрахъ въ семи отъ нашего дикаго уголка, у чорта на куличкахъ. А о неудобствахъ я не смѣю и говорить изъ боязни потерять репу-

тацію приличнаго челоуѣка. Довольно сказать, что сквозь нашъ высокій пирамидальный потолокъ, крытый разбитой марсельской черепицей, можно ночью съ удовольствіемъ любоваться ночными огромными мохнатыми звѣздами.

Разъ въ недѣлю пріѣзжаетъ къ намъ изъ „Лаванду“ мясникъ. Черезъ день послѣ него — зеленщикъ. О своемъ прибытіи они увѣдомляютъ всѣхъ обитателей гудками; почтальоны даютъ о себѣ знать какими то пискучими дудками.

Здѣсь все просто, по семейному. Никому, уходя изъ дому, не придетъ въ голову запереть дверь. Коренные жители—помѣсь провансальцевъ съ итальянцами,— добры, простодушны, вѣжливы, привѣтливы, легки на услугу, любить весело и громко посмѣяться. Слышу я иногда ихъ здоровый, какой то смугло румяный хохотъ и съ тихой завистью думаю: „а у меня на родинѣ люди уже отвыкли и улыбаться“.

А вѣдь какой былъ великій мастеръ великорусскій народъ загнуть во-время и кстаги острое слово, пусть, порою, немного и перепорченное, но такое ладное и внезапное, что отъ хохота садишься на землю.

Просыпаемся мы въ четыре часа утра. Да и мудро не проснуться. Наша скала съ пещерой, въ этой пещерѣ рыбаки какъ разъ и устроили гаражъ для своихъ моторныхъ и парусныхъ лодокъ. И каждый день ровнехонько въ четыре часа пополуночи, со свойственной морякамъ точностью, они начинаютъ вытягивать эти тяжелыя лодки въ море. Тутъ ужъ не до сна! Стукъ, трескъ, крихтенье, здоровые окрики, лязгъ желѣза, бормотаніе мотора, и наконецъ та морская заутреня, которую я по французски не понимаю, но которую по-русски я раза два-три слышалъ у балаклавскихъ рыбаковъ, въ доброе старое, наивное и прекрасное время.

Но какое утро!

Я не могу сейчасъ вспомнить, кто это сказалъ чудесныя слова: рано всталъ — не потерялъ. Вѣрнѣе всего, что это изреченіе принадлежитъ не кому то, а народу.

Изъ темноты медленно выплываютъ едва видныя очер-

танія холмовъ по этой сторонѣ залива, и много, много времени проходитъ, пока они не окрасятся нѣжными розовато-желтыми тонами, похожими на цвѣтъ здороваго человѣческаго тѣла. Но стоитъ только на минутку отвернуться и опять поглядѣть, то видишь, съ удивленіемъ, что дальніе гористые острова, сигнальная станція и чей то роскошный паркъ на сосѣдномъ мысѣ уже радостно загорѣлись нѣжнѣйшимъ розовымъ свѣтомъ, подобнымъ цвѣту шиповника, а черезъ секунду это освѣщеніе дѣлается красно-пламеннымъ. Взошло солнце. Какъ мило, какъ сладко для взора и для сердца рисуются дальнія лодки и взмахъ весель и уже на самомъ горизонтѣ неподвижный, выпуклый, очаровательный парусокъ, похожій на лепестокъ мальвы.

Еще прохладно. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Имъ дышешь и не надънешься. Въ Парижѣ ты дышешь только до горла. Здѣсь — до глубины легкихъ и какъ бы до живота и до ногъ. Но вотъ уже начали свой безумный дневной концертъ неутомимыя цикады.

Да, провансальская цикада это существо, которое, безспорно, страдаетъ эротическимъ умопомѣшательствомъ. Отъ ранняго свѣта до послѣдняго свѣта, и даже позднѣ онѣ безстыдно кричатъ о любви. Никому неизвѣстно, когда онѣ успѣваютъ покушать. Цикада-самецъ цѣлый день барабанить своими ножками по какимъ то звучащимъ перепонкамъ на брюшкѣ, призывая громко и нагло самочку. Оттого то его жизнь такъ и недолговѣчна; всего три дня. Какъ себя ведутъ въ это время самки я не знаю, да по правдѣ сказать и не интересуюсь. Это дѣло специалистовъ.

Я не берусь описать неумолчный крикъ цикадъ. По моему самое лучшее его описаніе сдѣлалъ покойный поэтъ Александръ Рославлевъ. Онъ говорилъ, что этотъ крикъ похожъ на тотъ трещащій звукъ, который мы слышимъ, заводя карманныя часы. Такъ вотъ, вообразите, что триста тысячъ опытныхъ, ловкихъ, но нетерпѣливыхъ часовщиковъ заводятъ на перегонки всѣ часы въ своемъ магазинѣ, но только крикъ цикадъ разъ въ сто громче.

Одна моя знакомая дама сказала мнѣ въ Ля Фавьерѣ:

— Однако, какія надоѣдливыя эти птицы — цикады!

А когда я поймалъ и принесъ ей эту муху, очень похожую на нашу шпанскую муху, она сказала обиженно:

— Ахъ, я думала, что это такая птичка. И наружность у нея отвратительна, и голосъ у нея препротивный!

Что подѣлаешь! На счетъ голоса я согласенъ съ дамой. Посудите сами: стоитъ тропическая жара. И люди и животныя обливаются потомъ. Морской воздухъ недвижимъ и не приноситъ ни атома прохлады. Идешь купаться, но морская вода тепла и густа, какъ кисель, какъ льняная припарка. Некуда дѣваться отъ жары, а эти гнусныя цикады своимъ непрестаннымъ яростнымъ стрекотаніемъ точно удесятеряють африканскую температуру.

Но я не отчаиваюсь. Я радостно знаю, что придетъ вечеръ, похолодѣетъ воздухъ, облегченно вздохнуть земля и виноградники, уйдутъ съ эстрады пиликальщики цикады и зажжетъ небесный ламповщикъ звѣзды, и тогда начнетъ свою прелестную пѣсенку маленькая, но настоящая птичка, совушка, которую въ Крыму такъ нѣжно называли Сплюшка. Однообразно, черезъ промежутокъ въ каждыя три секунды, говоритъ она голосомъ флейты, или вѣрнѣе, высокимъ голосомъ фагота: Сплю... Сплю... Сплю... И кажется, что она покорно сторожитъ въ ночной тишинѣ какую то печальную тайну и безсильно борется со сномъ и усталостью, и тихо, безнадежно жалуется кому то: Сплю... сплю... сплю... а заснуть, бѣдняжка, никакъ не можетъ...

Семь часовъ вечера. Пора спать. Темно. Гнусная привычка читать на сонъ грядущій давно отмѣнена. Свѣтъ керосиновой коптилки неизбѣжно привлечетъ тучи москитовъ. Но мы уже достаточно знаемъ, что такое укусъ провансальскаго комара.

II

Ю Ж Н А Я Н О Ч Ъ

Темнѣтъ начинается уже послѣ шести часовъ. Море и земля обмѣниваются воздухомъ. На минуту мнится, что стало прохладнѣе. Но, увы, — это ошибка: потянулъ слабый

береговой вѣтеръ, точно легкій вздохъ, точно дуновеніе дамскаго вѣера; потянулъ и упалъ... Жарокъ попрежнему прибрежный песокъ, черепица и камень опаляютъ руки.

Сидимъ въ коричневой полутьмѣ на нашей лѣсенкѣ. Какія то небольшія птицы летаютъ все кругами, кругами и въ одномъ направленіи надъ нашей хижинкой. Мѣстные русскіе жители увѣряютъ, что это ласточки. Но какія же ласточки? У ласточекъ хвостъ раздвоенъ на подобіе французскихъ фалдъ, а эти какія то куцыя, точно безхвостыя. Ласточка въ хорошую погоду взлетаетъ выше самой высокой колокольни и ныряетъ внизъ, почти до земли, и въ стремительномъ полетѣ своемъ радостно взвизгиваетъ отъ наслажденія, а эти молчатъ и какъ то угрюмо кружатъ и кружатъ на высотѣ нашего угла жилья. Не летучія ли мыши?

Зажглась скромно и затрепетала, задрожала нѣжнымъ изумрудомъ скромная далекая звѣзда и за нею чинно взошли на небо другія младшія разноцвѣтныя звѣзды. Мирный, торжественный, сладкій часъ. Но уже тамъ, направо, золотѣетъ небо выше горизонта. Потомъ оно краснѣетъ. Это шествуетъ пожиратель кроткихъ прекрасныхъ звѣздъ августовскій мѣсяцъ. Вотъ онъ и выкатился весь наружу. Сегодня онъ находится въ полной силѣ и власти. Ликъ его безупречно круглый и кроваво-рыжій — безстыжъ, какъ у пьянаго палача. Онъ идетъ не торопясь, но гигантскими шагами. Скоро онъ, при помощи своихъ магическихъ чаръ, овладѣетъ всѣмъ небомъ. — Робкія, кроткія звѣздочки теряются, блѣднѣютъ отъ страха и убѣгаютъ, на самый верхъ неба, гдѣ ихъ уже съ трудомъ можно замѣтить, какъ острія тончайшихъ серебряныхъ гвоздиковъ, вбитыхъ во вселенную. Ропотъ бѣжитъ между деревьями и море глубоко, печально вздыхаетъ, и безхвостыя птички мгновенно скрылись.

Идемъ въ свою будку и раздѣваемся безъ огня, проченные предыдущимъ опытомъ. Окно оставляемъ открытымъ, иначе умрешь отъ жары и духоты. А отъ москитовъ — все равно — нѣтъ никакого спасенія, кромѣ тихой покорности судьбѣ. Это все вздоръ, что говорятъ объ анти-

мустикерахъ, о кисейныхъ, тюлевыхъ и марлевыхъ занавѣскахъ, о гвоздичномъ и лавровомъ маслѣ и о патентованныхъ мазяхъ въ цинковыхъ тюбикахъ. Для провансальскаго и ниццакаго москита нѣтъ ни препятствій, ни загражденій. Онъ разъ въ двадцать меньше нашего наивнаго, глуповатаго и — главное — неорганизованнаго рязанскаго комара. Но, зато, во сто разъ свирѣпѣе его и знаетъ боевую тактику.

Еще задолго до того, какъ человѣкъ вернулся въ свою ночную комнату, могучій отрядъ москитовъ уже забрался въ нее и занялъ позиціи, искусно воспользовавшись каждой щелкой, каждой складочкой, каждымъ выступомъ, и хранить осторожную тишину.

Вотъ человѣкъ пришелъ. Онъ открылъ окно. Онъ взялъ за два конца широкую простыню и, бурно хлопая ею, выгоняетъ воображаемыхъ враговъ наружу. Потомъ онъ окропляетъ ѣдучими веществами полъ, стѣны, кровать и свое ночное бѣлье. Москиты хранятъ молчаніе, крѣпко вѣпившись въ стѣны своихъ убѣжищъ. Но человѣку еще мало этого. Быстро раздѣвшись, онъ зажигаетъ зловонную монашку-курилку и только тогда прыгаетъ въ постель и поспѣшно завертывается въ простыню, стараясь замкнуть всѣ отверстія и прозоры. Москиты все еще молчатъ. Тогда человѣкъ съ глубокимъ вздохомъ облегченія говорить самъ себѣ:

— Ну, слава Богу. Нынѣшняя ночь, кажется, пройдетъ спокойно!

Какъ легкомысленны эти странныя существа — люди, считающіе себя царями мірозданія и какъ мало чему учить ихъ опытъ прошлаго!...

Проходятъ еще три-четыре секунды той грозной тишины, которая бываетъ передъ большими сраженіями и вдругъ въ темнотѣ раздается тонкій-претонкій, но звонкій и вызывающій, нагло оскорбительный звукъ боевой трубы москитовъ. Да. Москиты, конечно, разбойники, мошенники и людоеды, но въ ихъ тысячелѣтнихъ навыкахъ нѣтъ коварности, этой дочери трусости, а есть первобытное геройство, ищущее открытаго боя. Такъ Святославъ, въ

ожиданіи смертельной битвы, посылалъ сказать врагамъ: „иду на вы!“. Такъ средневѣковый пиратъ передъ абордажемъ подымалъ свой роковой флагъ: на черномъ полѣ Адамова голова и подъ нею двѣ скрещенныя кости.

По этому грозному сигналу, москиты разсыпаются во всѣхъ направленіяхъ. Они то летаютъ зигзагами, то толкутся на мѣстѣ, то кружатся точно танцуя, и по древнему обычаю осыпаютъ врага жестокой бранью:

— Если ты не трусь, то защищайся. Эй! Ты! Гора мяса! — поютъ они. — Ты такъ же огромень въ сравненіи съ ними, какъ въ твоихъ глазахъ великъ Монбланъ! Но подожди! Сейчасъ мы будемъ пировать на твоей тушѣ и вдоволь напьемся твоей горячей, твоей соленой, твоей опьяняющей крови! И ты въ ужасѣ побѣжишь отъ насъ и погибнешь, если не спасетъ тебя случай.

Они свирѣпы и беспощадны, эти маленькіе кровопійцы. Они не вѣдаютъ ни страха, ни утомленія. Человѣкъ защищаясь, убиваетъ ихъ десятокъ за десяткомъ, но на мѣсто выбывшихъ раздавленныхъ воиновъ слетаются новые и новые воздушные эскадры. Удары ихъ шпагъ, омоченныхъ въ ядѣ, жгутъ, какъ каленое желѣзо. И вотъ человекъ — Монбланъ — совершенно теряетъ и присутствіе духа, и свое высокое достоинство. Имъ овладѣваетъ дикая паника. Онъ неистово щелкаетъ себя по лбу, по щекамъ, по носу, по шеѣ и по плечамъ. Весь въ поту, онъ яростно и громко выкрикиваетъ имена всѣхъ чертей и дьяволовъ. Онъ падаетъ духомъ и готовъ расплакаться. Онъ мечется съ боку на бокъ, и оттого его постель вскорѣ принимаетъ видъ перепутаннаго непонятнаго бугра, въ которомъ онъ самъ не умѣетъ разобраться. Онъ давно уже не можетъ дать себѣ отчета, гдѣ у него правая и гдѣ лѣвая сторона, гдѣ верхъ и гдѣ низъ. Онъ воистину жалокъ, этотъ жалкій Человѣкъ, пишуційся съ большой буквы, а теперь весь перемазавшійся въ своей крови и во внутренностяхъ раздавленныхъ имъ антропофаговъ. Онъ обезсилѣлъ. Онъ не можетъ больше защищаться. Онъ вытягивается на кровати съ покорно разбросанными руками. Слезы злобной, но безпомощной обиды текутъ по его щекамъ.

Но москитамъ незнакома жалость. Они не даютъ пощады ни раненому, ни молящему о помилованіи. Они, какъ пьяные, озвѣрѣлые солдаты, которымъ вожди отдали завоеванный городъ на потокъ и разграбленіе; они, какъ библейскіе воины, которымъ отданъ страшный приказъ: истребить все населеніе враждебнаго города, „не оставляя въ живыхъ даже мочащагося къ стѣнѣ“.

Москиты трубятъ побѣду. Тѣ изъ нихъ, которые упились хмельной кровью до того, что разбухли и не могутъ двинуться съ мѣста, кричатъ товарищамъ:

— Идите сюда! Человѣкъ сдался. Ура! Терзайте, рвите его на части, выпейте изъ него все его красное вино до послѣдней капли. Пиръ такъ пиръ, ребята!

Обезволенный, безконечно усталый человѣкъ робко думаетъ:

— Кто поможетъ мнѣ? О, если бы чудо!

И вотъ совершается чудо. (У судьбы есть все таки маленькая слабость къ человѣку). Мѣсяцъ, который до сихъ поръ катился между тучъ и изъ краснаго давно уже сдѣлался блестяще-зеркальнымъ, вдругъ останавливается противъ нашего кабано и своимъ холоднымъ, страшнымъ дискомъ загораживаетъ все окно. Въ комнатѣ становится свѣтло, какъ днемъ. Москиты отступаютъ и прячутся.

Наступаетъ прохлада.

III.

ТОРНАДО

Существуетъ морское точное опредѣленіе направленій вѣтровъ по градусамъ круга, по тридцати двумъ румбамъ съ долями. Но это для ученыхъ, профессиональных мореходовъ. А у простыхъ рыбаковъ повсюду есть вѣтрамъ свои особыя, старинныя вѣковыя названія.

Такъ, въ древней Балаклавѣ, въ этой Гомеровской странѣ кровожадныхъ Лейстриговъ, восемь главныхъ вѣтровъ называются:

Морской,
Береговой,
Леванти.

Греба-Леванти,
Широкко,
Тремонтана,
Бора
и Острія.

Кромѣ того, внезапный, Богъ знаетъ, откуда налетѣвшій, короткій воздушный водоворотъ — это „джигурина“, а настоящій, истребительный, страшный циклонъ, который, подъ небесную бомбардировку, при ослѣпительной иллюминаціи молніями, сноситъ дома, опрокидываетъ груженные вагоны и выдергиваетъ изъ земли съ корнями вѣковые деревья, называется „тарнада“.

Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ черноморскихъ названій я нашелъ у рыбаковъ на южныхъ мысахъ благословеннаго Прованса. Сѣверо-восточный вѣтеръ такъ и зовется „Бора“, южный — Сирокко, Острія — Остъ, Тарнада — Торнадо. Черное и Средиземное моря съ незапамятныхъ временъ были лакомыми приманками для рыскавшихъ по морямъ авантюристовъ, завоевателей, пиратовъ и флибустьеровъ.

Лукавые финикіяне, пронырливые греки, желѣзные римляне, и, особенно, въ послѣднія времена, предприимчивые, неутомимые генуэзцы, — оставили на побережьяхъ этихъ морей глубокія памятники своей громадной культуры, памятники, и по сіи дни неизгладимыя... Самые же рѣзкіе слѣды оставили: на сушѣ — римляне, въ моряхъ — генуэзцы.

Буря „Торнадо“ готовится въ небесной лабораторіи задолго. Кому во Франціи не останутся памятливы на всю жизнь тѣ пронзительно знойные дни и удушливыя ночи, которые стояли въ концѣ августа и началѣ сентября 1929 года, когда адское пекло доходило до 35-ти градусовъ въ тѣни, и люди падали на улицахъ, пораженные солнечными стрѣлами? Вотъ тогда то и шла слѣшнымъ ходомъ въ Великомъ пиротехническомъ Заводѣ, работа надъ изготовленіемъ Торнадо.

Намъ, скромнымъ обитателямъ робинзоновой хижинки сначала еще переносна была эта адова жарница; какъ ни

какъ, а съ моря все-таки иногда доносились до насъ свѣжія струйки морского дыханія. Но вскорѣ и намъ стало певтерпежъ. Море лежало плоско, бѣлесо, и было усталое, изморенное, снулое, бездыханное; грязныя и толстыя облака лежали надъ нимъ безъ движенія, точно приклеенныя. Сосновая хвоя такъ сильно и густо пахла, какъбудто бы весь нашъ горный лѣсокъ былъ обильно политъ скипидаромъ.

Купанье не освѣжало. Легкая прохлада чувствовалась лишь при первомъ погруженіи въ море, но это былъ самообманъ: черезъ минуту вода становилась противно теплой и, на ощупь, липкой. Когда же, выбравшись изъ моря на пляжъ, ты садился на раскаленный, ослѣпительно бѣлый песокъ, то, на секунду, ты испытывалъ такое ощущеніе, точно изъ тебя собираются приготовить филейный бифштексъ à la Chateaubriand.

И, вдобавокъ, эти ненасытныя, безумныя цикады кричали такъ яростно и такъ оглушительно, что за ними нельзя было слышать лѣтний плескъ прибоя...

Кто то когда то сказалъ: „Любовь, вино и солнце — прекрасныя вещи, если только ими не злоупотреблять“. Изреченіе, по моему, дѣльное. Но съ завистью долженъ сказать, что солнце повредить можетъ только намъ, людямъ взрослымъ; дѣти же могутъ употреблять его съ пользой и съ удовольствіемъ въ дозахъ, гораздо болѣе, чѣмъ лошадиныхъ. Здѣсь, въ Ля-Фавьерѣ, они цѣлый день копошатся на первобытномъ, еще не тронутомъ модой, на своемъ собственномъ пляжѣ, отъ ранняго розоватаго утра, до быстро падающихъ на землю бархатныхъ сумерекъ, и даже въ тѣ палящія, послѣполуденные часы, когда ихъ папы, мамы, и педантичныя тети, обвязавъ голову мокрой салфеткой, ищутъ отрады въ воображаемой тѣни, когда лошадямъ напяливаютъ на темя чепцы, когда собаки, укрывшись въ тѣни забора или бревна, лежатъ съ умильно сощуриными глазами, съ языкомъ, высунутымъ до земли, и дышатъ непостижимо быстро; и когда куры зарываются въ пыль съ разинутыми клювами...

По-истинѣ, этотъ веселый, чистенькій морской бережекъ — настоящій рай для дѣтвора, и — главное — такой

удивительный рай, который никогда не может ни надоѣсть, ни прискучить. Да, вѣдь, надо признаться въ томъ, что и я, — человекъ пожилой, видѣвшій въ жизни чрезвычайно много и почти перегруженный впечатлѣніями, которыя вбиралъ въ себя съ ненасытной жадностью, — я могу подолгу, часами, глядѣть на дѣтскую возню у моря, и всегда это зрѣлище мнѣ любо. Что за прелесть эти мальчуганы и дѣвочки, еще не перешагнувшіе за пять лѣтъ. На сгибахъ ручекъ и ножекъ у нихъ еще тѣло какъ бы перевязано ниточками; у нихъ еще выпячиваются впередъ кругленькія младенческія пузики, и оттого они кажутся коротконожками и немножко похожи на паучковъ; и очень къ нимъ идетъ наименованіе карапузиковъ. Они еще не тверды на ногахъ и постоянно шлепаются на задущку. Плачутъ они по сто разъ въ день, но не долѣе минуты, чтобы опять расхохотаться, а полуминутная ссора мгновенно переходитъ у нихъ въ поцѣлуй. И замѣтите: если гдѣ есть юморъ чистѣйшей пробы — то, конечно, только у этихъ младенцевъ. И смѣшно, и трогательно, и радостно, и забавно наблюдать ихъ жизнь.

Когда то, въ древности, теченіе каждой отдѣльной человѣческой жизни раздѣлялось на семилѣтнія ступени, называемыя „люстрами“: первый люстръ — Младенчество, второй — Дѣтство, третій — Отрочество, четвертый — Юношество и т. д...; но эти дальніе люстры не такъ ужъ интересны, особенно, самые послѣдніе... А, кромѣ того, развѣ можно примѣнять общую мѣрку къ людямъ разныхъ расъ, племенъ, климатовъ и индивидуальностей? Но я знаю одинъ возрастъ, который всегда и вездѣ прекрасенъ; прекрасенъ, во-первыхъ, потому, что онъ самъ не подозреваетъ своей красоты. Это возрастъ, когда дѣвочка только что перестала играть въ куклы, а мальчику еще далеко до первыхъ признаковъ возмужанія. Еще не наступило время, когда они обое вдругъ подурнѣютъ, станутъ рукастые, ногастые, неловкіе, разсѣянные. (Въ Сибири подростковъ такихъ съ любовной шутливостью зовутъ „щенокъ о пяти ногъ“). Теперь они еще находятся въ періодѣ первоначальнаго невиннаго и радостнаго цвѣтенія. У обоехъ

нѣтъ пола. Строеіе ихъ тѣла одинаково. Смотрю я на то, какъ они почти голышемъ, шоколадные отъ загара, носятся по упругому песку пляжа, прыгая, какъ козлята, или барахтаются въ водѣ, и право не съумѣю сказать, кто изъ нихъ дѣвочка, кто мальчикъ. Обое худощавы, потому что тянутся въ ростъ, обое нѣжно-граціозны въ движеніяхъ, и, слава Богу, что сами этого не замѣчаютъ; обое узки въ бедрахъ и плоски, какъ спереди, такъ и сзади, тѣмъ болѣе, что у нихъ обоихъ стриженные волосы и одинаковые береты.

Ахъ, какъ прекрасны ихъ гибкія тѣла. Наружныя очертанія ихъ рукъ, ногъ, плечъ и шей кажутся точно обведенными тончайшимъ серебрянымъ карандашемъ, точно освѣщенными какимъ то пушистымъ сіяніемъ. Этой красотѣ осталось немного дней, и она уже никогда не вернется.

Вотъ гляжу я на этихъ счастливыхъ красавцевъ, и мнѣ приходитъ въ голову мысль.

— Не были ли глубоко правы и мудры древніе греки, эти великіе знатоки прекраснаго и изящнаго, когда изображали Аполлона, бога красоты, въ видѣ Эфеба — отрока съ тѣломъ невиннымъ и нѣжнымъ, еще неомраченнымъ возмужаніемъ.

И еще о прелести движенія:

Какъ радостны для глаза всякія движенія, которыя не связаны съ выучкой, съ подготовкой, со школой, съ провѣркой въ зеркалѣ. Видали ли вы когда нибудь работу косцовъ? Видали ли рязанскую бабу, несущую осторожно два ведра на коромыслѣ, или мужика сѣятеля? Или продольныхъ пильщиковъ? А теперь вообразите классическій балетъ, или Чарльстонъ, или фоксъ-тrottъ. И должно быть изъ всѣхъ нашихъ человѣческихъ наслажденій — настоящія тѣ, которыя просты и естественны.

* * *

Солнце жжетъ все нестерпимѣе, все безпощаднѣе. Но, зато, и какія же чудеса оно дѣлаетъ. Недалеко отъ насъ на пляжѣ Лаванду поселилась наша хорошая знакомая, молодая дѣвица. Была она въ Парижѣ томна, скучна, блѣдно-

лица, читала до глубокой ночи французскіе романы, и руки у нея всегда были холодныя. И на Божій свѣтъ она глядѣла съ кислымъ презрѣніемъ, сквозь темныя очки.

Раздѣляло насъ пространство километровъ въ восемь, если считать дорогу моремъ. И, вотъ однажды, часовъ въ 9 утра мы видимъ, что изъ Лаванду идетъ прямо на наше кабано лодка съ однимъ гребцомъ. Черезъ нѣкоторое время мы убѣждаемся, что гребетъ женщина, а еще минутъ черезъ пятнадцать узнаемъ нашу милую мадемуазель Наташу.

Я сбѣгаю внизъ и помогаю высадиться и провожаю къ намъ наверхъ, въ хижину. И только въ комнатѣ, когда она сѣла лицомъ къ свѣту, я съ удивленіемъ и восторгомъ вижу, какую волшебную перемѣну произвели въ ней море и солнце.

Гдѣ эта прежняя вялость, гдѣ блѣдность, худоба, томность и скука? — Живое веселое круглое лицо, и сквозь загаръ здоровый яркій румянецъ, а по румянцу брызнули золотомъ и на лобъ и на щеки, и на носъ, облупившійся отъ солнца, восхитительныя веснушки; не тѣ желто-блѣдныя анемическія веснушки, какія бываютъ на макаронныхъ лицахъ англичанокъ учительницъ, а тѣ русскія милья веснушки — знакъ полноты жизни и чистоты крови — которыя обыкновенную дѣвичью саратовскую лупетку сдѣлають многократно красивѣе патентованной и премированной европейской красавицы.

Пока я сижу молча и не спускаю съ нея глазъ, она рассказываетъ удивительныя вещи:

Какой восторгъ! Она научилась плавать и теперь доплываетъ до эстокады. Она легко гребетъ на лодкѣ, но она ѣздитъ и на водяномъ велосипедѣ. И еще одна гордость: вчера ее взяли рыбаки на рыбную ловлю, и, честное слово, она, хоть и промокла вся, но храбро тянула сътъ и даже удостоилась рыбацьею похвалы:

— И вообще я убѣдилась въ томъ, что люди, чѣмъ проще, тѣмъ они лучше, добрѣе и занимательнѣе... Никуда не годятся и все лгутъ любовные романы, да и зачѣмъ терять время и портить глаза за чтеніемъ, если жизнь такъ хороша и разнообразна!

Но тутъ мадемуазель Наташа (съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) спохватывается и говоритъ о главной цѣли своего визита:

— Не знаемъ ли мы, какое лучшее средство отъ веснушекъ, и чѣмъ мазать носъ, если онъ шелушится?

Напрасно я убѣждаю ее:

— Наташа, милая Наташа, повѣрьте моей правдивости, моему вкусу и моей испытанной дружбѣ: никогда вы еще не были и никогда уже не будете столь прекрасною, какъ вы прекрасны сейчасъ.

Но она обижается и надуваетъ губы:

— Ну, да. Я такъ и знала, что у васъ ничего не найдется въ запасѣ, кромѣ злыхъ шутокъ. Гдѣ моя шляпа?

Проходятъ дни, а солнце неутомимо, съ веселой яростью, продолжаетъ свое чародѣйство. Электричество пересытило воздухъ. У кошекъ шерсть стоитъ дыбомъ. Нервные люди становятся раздражительны и придирчивы. Странная вещь: недѣли двѣ тому назадъ Тулонскій военный флотъ вышелъ на большіе маневры, съ учебной стрѣльбой, дневной и ночью. До сихъ поръ еще и днемъ и ночью продолжается раскатистая бомбардировка. Неужели это все еще продолжаютъ маневры?! Я прислушиваюсь пристальнѣй и, наконецъ, понимаю ясно, что это вовсе не маневры, а просто югъ Прованса кругомъ обложенъ грозowymi тучами, которыя вотъ-вотъ готовы разразиться бурей, но почему то не могутъ, еще не умѣютъ, не смѣютъ, или злобно накаплиютъ свои разрушительныя силы. Сколько дней. Можетъ быть пять — слышала я это угрожающее рокотаніе неба. Ночью оно было похоже на то, какъ въ звѣринцѣ рыкаетъ глухо и грозно запертый въ клѣтку левъ. И отъ этихъ тяжелыхъ звуковъ лошади въ стойлахъ перебираютъ ногами, прядутъ ушами и потѣютъ въ ужасѣ. И ждешь, ждешь, что онъ сейчасъ зареветъ страшнымъ голосомъ, ударомъ лапы разобьетъ рѣшетку и бѣшено выпрыгнетъ на свободу.

* * *

Утро встало мутное, безъ солнца. Тучи были густо, почти черно-синія, и на нихъ какіе то рваные, бѣлые со

ржавчиной ключья. Я пошелъ къ нашему другу Оннора купить винограда. Пока онъ отвѣшивалъ мнѣ его, небо потемнѣло. Семилѣтняя дѣвочка хозяина, славная, ласковая дѣвочка, со страннымъ и какъ будто русскимъ сокращеннымъ именемъ Надежь, взяла мою руку и тихо сказала:

— Мнѣ страшно.

Странно: этотъ тихій, жалобный голосокъ пробудилъ и во мнѣ мистическое предчувствіе приближающагося страха.

Пришелъ старикъ Оннора съ корзиной. Онъ взглянулъ на небо и сказалъ увѣренно:

— Пройдетъ мимо насъ, въ сторонѣ.

Закапали первыя тяжелыя и теплыя капли. Я затропился. Когда я проходилъ мимо сосѣднихъ дачъ, Н. Н. Черепнинъ крикнулъ мнѣ съ балкона:

— Возьмите-ка зонтикъ!

Но я отказался, сославшись на авторитетъ Оннора, стараго знатока мѣстныхъ погодъ и побѣжалъ дальше.

Да! Виноградарю все таки далеко до моряка, и темный инстинктъ маленькой Надежь оказался проницательнѣе мудраго старческаго опыта... Едва я затворилъ за собою дверь нашей хижины, какъ началось... Нельзя было сказать про этотъ внезапный дождь, что онъ полилъ, или что отверзлись хляби небесныя. Скорѣе я сказалъ бы, что надъ нами опрокинулась труба верстъ сорока въ діаметрѣ и съ безконечнымъ запасомъ воды въ неизмѣримомъ резервуарѣ...

Опишу ли я эту бурю? Сумѣю-ли? Нѣтъ и нѣтъ. Я не найду для нея на человѣческомъ языкѣ ни эпитетовъ, ни сравненій, ни уподобленій. Да и вообще ураганъ неопикуемъ. Всего могущественнѣе живописалъ его старикъ Диккенсъ. Помните, какъ Давидъ Копперфильдъ ѣдетъ поспѣшно въ Ярмутъ сквозь страшную бурю, между тѣмъ какъ, въ Ярмутѣ въ эти минуты происходитъ еще болѣе страшная человѣческая катастрофа?..

Ну и накопило же небо гнѣва!

Громъ и молнія падали непрерывно, и порой, казалось, молнія не предупреждала громъ, а какъ бы врѣзалась въ его грохотъ. Хижина наша тряслась. Всѣ тѣ дыры

въ потолокъ, сквозь которыя мнѣ улыбались прежде по ночамъ кроткія звѣзды, обратились въ водопроводныя краны и стали поливать нашу лачугу изъ пяти мѣстъ сразу. Я растерялся. Вода разлилась по моему рабочему деревянному столу и стала затоплять рукописи, какъ мои, такъ и чужія, и я видѣлъ, какъ чернила на нихъ расплывались грязными пятнами.

— Пропадутъ мои рукописи — думалъ я, — это еще полбѣды, ихъ можно возстановить по памяти... Но поэты и прозаики, которые дали мнѣ свои шедевры на просмотръ и помѣщенія въ какой нибудь журналъ! Они заклюютъ меня до смерти...

Слава друзьямъ нашимъ — женщинамъ. Въ минуты катастрофъ и крушеній, и серьезныхъ опасностей, онѣ и находчивѣе, и практичнѣе, и дѣловитѣе, и умнѣе насъ. Панику обыкновенно начинаютъ мужчины. Подъ командой друга мы быстро поставили подъ потолочныя течи все, что у насъ нашлось емкаго: тазы, кувшины, кастрюли. Но вода черезчуръ быстро наполняла наши сосуды: каждую минуту намъ приходилось выплескивать изъ нихъ содержимое то въ окно, то за дверь. Не могли же мы позволить этому потоку размыть нашъ шалашъ и оставить насъ подъ открытымъ небомъ?

И помню я одинъ жуткій моментъ. Нужно было опорожнить за дверь каменный боль, въ которомъ намъ обыкновенно приносили воду изъ колодца, — тяжелый сосудъ, времянь римскаго владычества. Долго мы ничего не могли подѣлать съ этою углой и, обыкновенно, до преступной слабости послушной дверью, ибо снаружи на нее напиралъ ураганъ, силою въ ужасное количество балловъ. Наконецъ, намъ, соединенными усиліями, удалось, въ подходящую минуту, преодолѣть ея упорство.

Она поддалась и вдругъ распахнулась настезь, бѣшено хлопнувшись о каменную стѣну, и мы на мгновение ослѣпли и потеряли соображеніе. Казалось, прямо къ намъ въ комнату влетѣлъ съ ураганомъ зигзагъ огромной молніи невыносимой яркости. И одновременно грянулъ громъ. Онъ не раскатился и не бухнулъ. Его ударъ былъ мгно-

вененъ и сухъ, какъ ударъ кремня о камень, но мощность его была поразительна. Мнѣ почудилось, это надъ нами расколосось небо, расколосась наша халупа, и на двѣ части расколосась моя голова.

Мы едва оправились отъ потрясенія и ужаса. Да безъ всякихъ церемоній, я признаюсь въ томъ, что пережилъ секунду дикаго стихійнаго ужаса, и мнѣ кажется, что солжетъ тотъ человѣкъ, который поэтически, и въ байроновскомъ духѣ, скажетъ, что онъ презрительно улыбнулся молніи, которая въ шести шагахъ отъ него вонзилась въ землю, оставивъ на ней круглую черную дыру.

Немедленно послѣ этого страшнаго взрыва, буря стала стихать. Она не истоцила еще своихъ дьявольскихъ силъ, но ея бушующій центръ отходилъ отъ насъ все дальше и дальше, за острова, на другую сторону залива, къ Тулону, гдѣ Торнадо разразился во всю. Впрочемъ, въ газетахъ этихъ дней подробно печаталось о томъ, какое наводненіе и какую катастрофу надѣлалъ въ Тулонѣ этотъ ирраціональный вѣтеръ.

Гроза пронеслась, глухо рыча, точно огрызаясь. Дождь лилъ попрежнему. Мы набрали въ кувшинъ дождевой воды и вскипятили чай. Изъ Лаванду въ этотъ день никто не пріѣхалъ: ни поставщики, ни почталыоны. Какая то жалкая лужица разлилась до размѣровъ Волги и перерѣзала сообщеніе. Что за пустыки: у насъ былъ картофель и головка знаменитаго провансальскаго чеснока. А когда мы открывали дверь, то съ моря вливался къ намъ въ комнату запахъ озона, самый прекрасный запахъ въ мірѣ, ибо озонъ пахнетъ немного фосфоромъ, и немного снѣгомъ, и немного резедою; комбинація же этихъ запаховъ очаровательна.

* * *

На другой день утромъ мы съ удивленіемъ увидѣли, что сдѣлалъ Торнадо съ нашимъ кокетливымъ, хорошенькимъ пляжемъ. Онъ его совсѣмъ исковеркалъ. Ему мало было нагромоздить огромныя горы песка, грязи, водорослей и дикихъ камней. Онъ врвался въ самую глубину

моря, проникалъ до дна и буравиль его, выкидывая наверхъ тяжелую первородную породу. Вся вода передъ пляжемъ стала мутной и густо желтой.

Милая моя молодежь приходила купаться, останавливалась далеко отъ берега, печально покачивала головами и уходила домой.

IV

СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Четыре часа свѣжаго розоваго утра. Я вижу изъ открытаго окна, какъ выходитъ на добычу одна изъ моторныхъ лодокъ, принадлежащихъ рыбакамъ. Слѣжу ея путь. Вижу, какъ она остановилась и какъ черезъ ея накренившійся бортъ шлепается въ море якорь, огромный камень. И тотчасъ же, медленно подвигаясь, начинаютъ рыбаки „сыпать“ сѣти. Поплавокъ за поплавкомъ ложатся ровно на воду, обозначая тонкимъ четкимъ пунктиромъ правильную линію. Потомъ другой камень-якорь и крутой поворотъ подъ безукоризненно вѣрнымъ прямымъ угломъ, и еще разъ, и еще, и вотъ я вижу удивительную трапецію изъ черныхъ точекъ на фаянсово-блестящей синевѣ моря, трапецію, отъ изящества которой придетъ въ восторгъ самый строгій геометръ. И какое мѣткое выраженіе „сыпать сѣти“.

Это искусство кажется издали совсѣмъ пустяшнымъ: однако, оно дается годами упорной, постоянной работы. Нѣтъ. Вѣрнѣе, сказать: оно наслѣдіе тысячелѣтняго опыта далекихъ предковъ.

Почти во всякой вольной работѣ на чистомъ воздухѣ есть своя точность въ простомъ свободномъ движеніи, свой ритмъ, своя красота и своя безусловная грація. Мало кто обращалъ вниманіе на то, напримѣръ, какъ потомственные огородники и садовники „пикируютъ“ молодыя растенія, т. е. пересаживаютъ изъ парника въ грунтъ. Надо поглядѣть на щегольскую аккуратность ихъ грядокъ и на математическую стройность, съ которой они, безъ помощи

линейки, или нити, втыкають осторожно въ эти гряды, рядъ за рядомъ, нѣжные хрупкіе ростки.

Видѣли ли вы, какъ зимою, въ лѣсу, распиливають на доски продольные пильщики огромныя сосновыя бревна, вершковъ двѣнадцати-шестнадцати-двадцати въ поперечникѣ? Бревно положено на высокіе козлы. Вверху на бревнѣ стоитъ старшій пильщикъ, внизу, подъ бревномъ на землѣ — младшій. По этому расчету можно судить, какъ необыкновенно велика продольная пила. Пилятъ они ритмически, то сгибаясь, то выпрямляясь, поочередно. Верхній движется впередъ, едва замѣтно, по медвѣжьи переступая ногами въ мягкихъ лаптяхъ, нижній — пятится задомъ, причемъ его голова, лицо, борода и вся одежда сплошь засыпаны желтоватыми древесными опилками. Въ этой работѣ все удивительно: и, больше чѣмъ цирковая, ловкость старшаго, безусловно балансирующаго по круглой поверхности, и терпѣніе младшаго, и сверхъестественный глазо-мѣръ обоихъ, и замѣчательная точность и гладкость ихъ распилки — куда машинѣ — и ловкость и непринужденная гибкость ихъ движеній.

Работа ихъ весьма тяжела: это правда. Минутъ черезъ десять послѣ начала, они сбрасываютъ съ себя зипуны, потомъ поддевки, потомъ жилеты, и остаются въ однѣхъ ситцевыхъ рубахахъ. Морозъ хотя и небольшой — пятнадцать градусовъ — но продольнымъ пильщикамъ жарко, они вспотѣли, и бѣлый паръ валитъ съ нихъ, какъ отъ почтовыхъ лошадей. И, какъ лошади, ржатъ сосѣднія пары, когда ктонибудь рядомъ запуститъ крутое соленое словцо. Они никогда не простуживаются, никогда не знаютъ усталости, видъ у нихъ всегда бодрый, крѣпкій и веселый, походка грузна, но легка, точно у медвѣдя, а каждый мускуль и нервъ слушаются ихъ воли мгновенно. Ихъ трудъ свободенъ — они не знаютъ надъ собою ни погонщика, ни указчика, ни совѣтчика. Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, артельный староста — суровый, но милостивый диктаторъ, долго, зубъ за зубъ, торгуется съ хозяиномъ: поскольку съ хлыста (хлысть — каждое прямое дерево) въ зависимости отъ его діаметра, и поскольку за каждую

доску такой или иной ширины и длины. А уже послѣ рукобитія и литокъ, артель вникала въ работу съ той яркой жадностью, какая была всегда свойственна бережливому скопидому, русскому мужику-собственнику.

Въ ѣдѣ себя не урѣзывали. Харчились за плату у тѣхъ же лѣсниковъ, у которыхъ и ночевали безвозмездно. Тогда бывало жутко и подумать, какое мотовство: на своихъ чаѣ-сахарѣ артель платила за обѣдъ и ужинъ, страшно подумать, по полтиннику съ ѣдока! Въ то время, въ 1897 г., полтинникъ за цѣлый рабочій день считался высокой цѣной, а въ городскихъ трактирахъ, за десять копѣекъ подавали жирныя щи съ убиной и хлѣба — сколько съѣшь, ломоть жареной печенки стоилъ двѣ копѣйки и за копѣйку на чай. „Шестерка“ низко кланялся, подметая грязной салфеткой полъ.

Ну и ѣли же продольные пильщики...

Ѣли истово, медленно, въ молчаніи (шутки полагались только въ концѣ обѣда, за пузатымъ самоваромъ). Ѣли такъ, что радостно на нихъ было глядѣть, не смотря на то, что разсудокъ опасливо безпокоился за ихъ утробы...

И все таки, я услышалъ какъ однажды днемъ въ отсутствіи артели, Марья, жена лѣсника Егора, пиввила мужа:

— Ты ужъ Егоръ, тамъ какъ хочешь, а я въ будущій годъ харчить твоихъ продольныхъ пильщиковъ не согласна. Больно емкіе. Люты на ѣду.

Вотъ вамъ и начало той свободы, того веселья и той размашистой красоты, съ которыми ходятъ и работаютъ продольные рязанскіе пильщики: первое — сыты; второе — работаютъ только на себя: больше распилятъ хлыстовъ — больше получатъ; третье: — трудъ ихъ протекаетъ весь день въ лѣсу, гдѣ только сосна и снѣгъ; и послѣднее, — но оно же и главное, — честь и репутація артели. Та артель, о которой я говорю, артель Артема Ванюшечкина, славилась не только въ Рязани, но и среди крупныхъ московскихъ лѣсопромышленниковъ. При такой лестной извѣстности, какъ же можно лицомъ въ грязь ударить? Да и зарабатывали они по три цѣлковыхъ въ день.

Я прошу у читателей прощенія въ томъ, что мой

скромный рассказ невольно выпучился далеко въ сторону, въ милую сѣверную страну, хотя, навѣрное въ ней уже давно продольные пыльщики вывелись изъ быта въ расходъ. Что подѣлаешь? Маленькіе буржуи! Кулаки!

* * *

Конечно, нигдѣ такъ ярко не проявляется естественная красота человѣческаго тѣла и его движеній, какъ въ национальныхъ танцахъ и играхъ, пока они не обездушены пародіей и модой, да еще въ дѣловомъ обиходѣ морскихъ людей.

Къ счастью, притворяться этакимъ старымъ, просоленнымъ всѣми вѣтрами мореходомъ можно только на сушѣ. Тутъ все проглотятъ довѣрчивые люди: и хриплый отъ команды голосъ, и походку раскорякой, и вѣчную короткую трубку съ крѣпчайшимъ табакомъ въ углу рта, и минутные плевки за воображаемый бортъ, и рассказы о свирѣпыхъ тайфунахъ въ Индійскомъ морѣ или о безумно отчаянномъ поворотѣ на байдевиндъ, когда шхуна чуть не налетѣла на неожиданный коралловый рифъ. Его слушаютъ, развѣся уши.

Но стоитъ такому отважному морскому волку очутиться хотя бы на палубѣ парохода, идущаго только отъ Одессы до Ялты, какъ морской волкъ быстро превращается въ мокрую курицу. Это еще не бѣда, что его начинаетъ тошнить уже въ гавани. Настоящіе моряки къ этой слабости относятся болѣе, чѣмъ снисходительно. Вѣдь извѣстно, что самого великаго, величайшаго изъ адмираловъ, Нельсона, укачивало даже при легкомъ штормѣ, и что, въ морской битвѣ при Трафальгарѣ, Нельсонъ до такой степени страдалъ морской болѣзнью, что велѣлъ привязать себя къ мачтѣ и такъ стоя командовалъ всѣмъ флотомъ и выигралъ бой. Бѣда въ томъ, что сухопутный морякъ подверженъ самой трусливой мнительности. Онъ приходитъ въ ужасъ, когда судно замедлитъ, или ускоритъ ходъ, или когда оно даетъ своимъ ревуномъ сигналъ далеко мимо проходящему кораблю, или когда винтъ, выйдя на волнѣ изъ воды, вдругъ застрекочетъ сухо. Онъ заранѣе выби-

раетъ для себя спасательный поясъ и шлюпку на случай крушенія. Онъ лѣзетъ со своими страхами, опасеніями и мрачными предположеніями рѣшительно ко всѣмъ: къ пассажирамъ, лакеямъ, горничнымъ, онъ подыметъ за софтами и утѣшеніями даже къ дежурному помощнику капитана въ священную рубку, и молодой морякъ, быстро спроваживая его внизъ, на палубу, ощупываетъ свой правый задній карманъ брюкъ и думаетъ: „Вотъ за такими надо внимательно слѣдить. Если, спаси Богъ, случилась бы катастрофа, первые они мастера возбуждать панику“.

Но пристальный взглядъ пассажира, часто и далеко плававшего, или мгновенный взглядъ опытнаго морехода всегда сумѣетъ отличить настоящаго моряка отъ самозванца. Здѣсь есть рядъ примѣтъ болѣе или менѣе объяснимыхъ. У пожилыхъ, очень многое въ жизни испытавшихъ капитановъ навсегда остаются въ лицѣ и въ фигурѣ, знаки воли и власти. Ихъ глаза подъ тяжелыми вѣками чуть прищурены: это глаза людей, привыкшихъ подолгу и напряженно вглядываться въ даль. Въ ихъ легкихъ морщинахъ на вискахъ и вокругъ глазъ, а особенно въ улыбкѣ, чувствуется не то спокойное усталое презрѣніе, не то снисходительная иронія.

Молодые высококомѣрные офицеры, старые сутулые матросы, бочкообразные боцмана и стройные юнги имѣютъ также свои особыя явныя и тайныя примѣты во взглядахъ и движеніяхъ, въ постановкѣ головы и въ походкѣ. Но уловить ихъ — дѣло навыка и инстинкта. Интереснѣе всего слѣдить за моряками во время серьезной и спѣшной работы въ морѣ. Вотъ гдѣ соединяются сила и ловкость, спокойствіе и быстрота, суровая дисциплина съ внѣшней беззаботностью, гдѣ краткій приказъ влечетъ мгновенное исполненіе и гдѣ вся кипящая жизнь переполнена суровой, простой, не сознающей себя красотой.

Подобно тому, какъ на морякахъ, такъ общій профессиональный отпечатокъ лежитъ и на рыбакахъ — не скажу всего міра, но, по крайней мѣрѣ, всей бѣлой расы. Недаромъ давнымъ давно и очень мѣтко сказано: „рыбакъ рыбака видитъ издалека“. Конечно, въ каждой странѣ есть

своеобразные обычаи и приемы, но есть и много общаго: безпечность, простодушіе, примѣты, суевѣрія, предрасудки, зоркая наблюдательность, острое чутье къ погодѣ, щедрость къ бѣднымъ, разгуль въ кутежѣ и прочее... Замѣчательно одно явленіе: всѣ рыбаки страшные ругатели и богохульники, но всѣ они одинаково почитаютъ св. Николая-Чудотворца и всѣ они убѣждены, что ихъ промыселъ самыи святой, ибо Иисусъ Христосъ избралъ своихъ первыхъ апостоловъ изъ среды рыбаковъ. Съ ними могутъ соперничать лишь плотники, по той причинѣ, что отрокъ Иисусъ учился плотничьему мастерству у Св. Іосифа, да еще паѣчники, потому что восковая свѣча горитъ передъ святыми алтарями.

* * *

Когда-то, давнымъ давно, такъ давно, что теперь мнѣ порою кажется, будто это было; по ядерной русской поговоркѣ, „въ тѣ времена, когда люди еще топоромъ не знали, а пальцемъ говядину рубили“ — полюбилось мнѣ каждую осень, до ранней зимы, болтаться съ балаклавскими рыбаками по Черному морю.

Былъ я тогда еще молодъ, достаточно силенъ и выносливъ, могъ грести безъ усталости и умѣлъ, еще по военному навыку, безпрекословно подчиняться приказанію старшаго на баркасѣ. Вскорѣ балаклавскіе рыболовы со мною освоились и какъ бы усыновили меня. Я до сихъ поръ горжусь тѣмъ, что иногда, въ полосы обильныхъ улововъ, когда не хватало рыбацкихъ рукъ, ко мнѣ приходили съ просьбой войти въ артель. Я съ удовольствіемъ входилъ. По окончаніи ловли, мнѣ за это полагался одинъ пай, а когда я завелъ трехстѣнный сѣти, такъ называемыя „дифаны“, то и два пая: одинъ за греблю, другой за снасть. Тамъ пай распределялся строго: атаману два пая: владѣльцу баркаса одинъ, владѣльцу снасти — одинъ, рядовымъ работникамъ по паю. Сообразно съ этимъ и дѣлили выручку. Я свою долю не бралъ, а если случался хорошии уловъ, то во славу его велъ всю артель въ кофейню Юры Капитанаки и угощалъ ее чернымъ кофею (2 коп. чашка),

а въ случаѣ же улова превосходнаго — даже съ сахаромъ (3 коп.).

Милые мои греки отъ удивленія передъ такимъ кутежомъ значительно почмокивали и покачивали головами, и я думаю, они считали меня за человѣка, не совсѣмъ нормальнаго. Однако же одинъ изъ участниковъ южной бѣлой арміи передалъ мнѣ недавно, что при крымской операціи довелось ему попасть въ Балаклаву, и тамъ старѣйшій, сѣдой рыбакъ, Коля Костанди, мой бывшій строгій учитель и суровый атаманъ, вспомнилъ въ разговорѣ, мою фамилію. Эта честь меня глубоко тронула.

Мы рыбачили разными способами въ юго-западномъ углу Чернаго моря, между мысами Херсонесъ, Фіолентъ Саленгосъ, Кристи, Айя, Ласпи и Форесъ. Мы ловили камбалу, глосовъ, камсу, морского пѣтуха, скумбрію, кефаль, лобана, барбуню и однажды, случайно поймали полупудоваго бѣлуженка, на переметъ для камбалы. Глубокою зимою не рѣдкость вытащить бѣлугу въ десять пудовъ вѣсомъ, а значительно рѣже попадается бѣлуга и до сорока пудовъ.

Но на эту зимнюю ловлю мнѣ ни разу не приходилось выходить.

Я думаю, теперь понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ и съ какими великими надеждами ѣхалъ я на югъ Прованса въ Ля Фавьеръ, въ милую для меня теперь, издали, рыбацью хижину на мысѣ Гуронъ. По прежнимъ воспоминаніямъ, мечталъ я, что есть у меня какое то рыбье слово для рыбаковъ и, что совсѣмъ нетрудно мнѣ будетъ освоиться съ провансальскими рыбаками, ибо души всѣхъ рыбаковъ одинаково не сложны и широко открыты.

Увы! Я не учелъ того, что кромѣ рыбацѣихъ жестовъ и пріемовъ, кромѣ магнетическаго взаимнаго тяготѣнія рыбацѣихъ сердецъ, существуютъ еще два разговорныхъ языка, совсѣмъ неизбѣжныхъ для перваго знакомства, но и совсѣмъ непохожихъ одинъ на другой: провансальскій и русскій. Да, вѣдь и надо, пожалуй съ огорченіемъ признать и то, что съ годами и съ жестокими испытаніями судьбы, вянетъ и потухаетъ въ человѣкѣ даръ того безкорыстнаго,

инстинктивнаго очарованія, которое столь легко и весело сближаетъ людей... Спрашивается: какими же путями могъ бы я наладить связь съ мѣстными рыбаками? Русскіе обитатели съ ними знакомства не водили; не интересовались. Правда, еще въ Парижѣ слыхалъ я объ одномъ русскомъ молодомъ человѣкѣ, который сумѣлъ плѣнить души ляфавьерскихъ рыбаковъ и заключить съ ними тѣсную морскую дружбу. Былъ онъ родомъ изъ Сибири и, конечно, его, какъ почти всѣхъ сибиряковъ, звали Инокентіемъ. Провансальскіе рыбаки называли его фамиліарно и ласково: Innocent. Въ этомъ названіи есть двойной смыслъ: если его употребляютъ съ большой буквы — получается почтенное христіанское имя, а если съ маленькой, то выходитъ вродѣ какъ „простякъ“, или „рубаха парень“, или еще — „малый простыня“. И правда: былъ онъ всегда добродушень, ровень, ласковъ со всѣми, радостно готовъ на товарищескую услугу и, кромѣ того, оказался настоящимъ соленымъ морякомъ, способнымъ на всѣ роды ловли, неутомимымъ, смѣлымъ, находчивымъ и со счастливою рукою. Рыбаки искренно къ нему привязались и возлюбили его. Эти люди суроваго и тяжелаго промысла, въ которомъ нѣтъ ни капли лжи, обладаютъ тонкимъ и дальнимъ чутьемъ на того двуногаго, чье имя Человѣкъ, пишется съ большой буквы и невольно тяготѣютъ къ нему.

Но, къ своему и моему огорченію, этотъ милый Инокентій или Кена, какъ звали его дома, вскорѣ былъ принужденъ оставить свои прекрасныя морскія приключенія. Причина этому была очень простая и очень настоятельная. Кому не извѣстно, какъ широко гуляютъ рыбаки всѣхъ странъ и всѣхъ морей; гуляютъ и на радостяхъ послѣ большого улова и отъ огорченія за неудачу. У Инокентія же былъ въ гульбѣ размахъ особенно широкой, сибирскаго стихійнаго размѣра. Самъ онъ совсѣмъ ничего не пилъ, но безъ счета поливалъ шампанскимъ произительные „буйабезы“, которые по ночамъ, при свѣтѣ костровъ варились на безлюдныхъ маленькихъ островкахъ. Словомъ, прожился вдребезги милый Инокентій Алексѣевичъ. Конечно, онъ могъ бы поступить въ рыбный кооперативъ, его приняли

бы охотно, но гдѣ же свобода? И такъ, простившись безъ вздоха съ друзьями-рыбаками, онъ бросилъ рыбацью увлекательную жизнь и теперь гдѣ то, въ департаментѣ Варъ, въ никому невѣдомомъ Ля Фугассѣ, рѣжетъ, поливаетъ, взрываетъ и опрыскиваетъ виноградники. Конечно, Кена когда нибудь вернется снова къ морю. Кто зналъ однажды прихоти моря, его чудеса и радости, его гнѣвъ и сладкую ласку, тотъ уже плѣнникъ моря навѣки. Оно притягиваетъ къ себѣ моряковъ, какъ луна влюбленныхъ. Недаромъ море и мѣсяцъ близкая родня другъ другу.

А я, пока что, потерялъ умнаго проводника и руководителя. Вотъ и осталось мнѣ только одно сомнительное удовольствие: глядѣть изъ окошка на рыбную ловлю.

* * *

Что говорить! Очень хорошій народъ провансальскіе рыбаки: красивы, стройны, ласковы, ловки, мужественны. Но гляжу я на нихъ изъ моего окошка, вспоминаю далекое-далекое прошлое, ревниво сравниваю славныхъ провансальскихъ рыбаковъ съ моими балаклавскими листригонами и, — что подѣлаешь, — сердце мое тянется къ благословенному Крыму, къ сине-синему Черному морю.

Пусть я — человекъ отсталый, но, вотъ, не нравятся мнѣ моторныя лодки — и конецъ. Какая прелесть были черноморскіе парусныя баркасы, или турецкія, банабакскія фелюги! Какъ изящны были плавныя изгибы ихъ линій! Какъ сладко и весело волновалъ сердце моментъ выхода въ открытое море! Полощется и трепещетъ и хлопаетъ парусъ, беспокойно отыскивая вѣтеръ. Нашелъ — и мгновенно со звукомъ лопнувшей струны, весь наполняется вѣтромъ и становится во всей своей бѣлизнѣ и благородной выпуклости, похожимъ на божественную грудь молодой прекрасной женщины.

Баркасъ накренился на бокъ. Журчитъ вода подъ килемъ. Пѣна плещетъ черезъ бортъ. Дрожитъ туго натянутый шкотъ, рвется впередъ парусъ. Баркасъ живетъ всѣмъ своимъ тѣломъ и нервами. Онъ одушевленъ.

А въ моторной лодкѣ нѣтъ души. Только воняетъ

бензиномъ и въ своемъ противномъ стрекотаніи подражаетъ цикадамъ. Море же не любитъ ни свиста, ни празднаго шума.

Во мнѣ говоритъ завистливо чувство, подобное тому, какое испытываетъ мальчишка, котораго не приняли въ игру. Замолкаю. Въ будущемъ году, осенью поѣду на мысь Гуронъ (если доживу) и свяжусь съ провансальскими рыбаками. Они милые, добрые и сильные люди.

ОЛЬГА СУРЬ.

Эту цирковую исторію рассказалъ мнѣ давнымъ давно, еще до революціи и войны, мой добрый пріятель, славный клоунъ Танти Джеретти. Я передаю ее, какъ могу и умѣю; конечно, мнѣ теперь уже не воскресить: ни забавной прелести русско-итальянской рѣчи моего покойнаго друга, ни специальныхъ цирковыхъ, техническихъ словечекъ, ни этого спокойнаго, неторопливаго тона...

* * *

Вы, конечно, знали, синьоръ Алессандро, циркъ папаши Сура? Это былъ очень извѣстный въ Россіи циркъ. Сначала онъ долго ѣздилъ изъ города въ городъ, разбивая свое полотняное шاپито на базарныхъ площадяхъ, но потомъ прочно укрѣпился въ Кіевѣ, на Васильковской улицѣ, въ постоянномъ деревянномъ зданіи. Тогда еще Крутиковъ не строилъ большого каменнаго цирка, а имѣлъ собственный частный манежъ, гдѣ и показывалъ знакомымъ своихъ прекрасно выѣзженныхъ лошадей, всѣхъ на подборъ масти Изабелла, цвѣта свѣтлаго кофе съ молокомъ, а хвосты и гривы серебряные.

Старикъ Суръ зналъ свое дѣло отлично, и рука у него была счастливая: оттого-то и циркъ у него всегда бывалъ полонъ, и артистовъ онъ умѣлъ ангажировать первоклассныхъ. Достаточно вспомнить Марію Годфруа, Джемса Кука, Антонію, Фосса, обоихъ Дуровыхъ и прочихъ. Да и все семейство Суръ было очень талантливо. Ольга — граціозная наѣздница, Марта — высшая школа ѣзды, младшій сынъ, Рудольфъ, прекрасно работалъ „малабриста“,

т. е. жонглировалъ, стоя на галопирующей лошади всевозможными предметами, вплоть до горящихъ лампъ. Старшій сынъ Альбертъ занимался исключительно дрессировкой лошадей. Раньше онъ неподражаемо работалъ „жокея“; иные знатоки ставили его рядомъ съ самимъ Кукомъ. Но случилось несчастье, неловкій каскадъ съ лошади за барьеръ, и Альбертъ сломалъ ногу. Конечно, это бѣда небольшая: нужно было бы только, чтобы его лечили свои, цирковые, по старымъ нашимъ тысячелѣтнымъ способамъ. Но мамаша Суръ оказалась женщина съ предрасудками: она обратилась къ какому-то извѣстному [городскому врачу, ну и понятно: нога срослась неправильно, Альбертъ остался на всю жизнь хромымъ. Но, подумайте, пожалуйста, синьоръ Алессандро: если великій живописецъ ослѣпъ, если великій компонистъ оглохъ, если великій пѣвецъ потерялъ голосъ, — развѣ они для самихъ себя, внутри, не остались великими артистами? Такъ и Альбертъ Суръ. Пусть онъ хромалъ, но онъ былъ настоящей душой цирка. Когда на репетиціяхъ или на представленіи онъ, прихрамывая, ходилъ съ шамбарьеромъ въ центрѣ манежа, то и артисты, и лошади чувствовали, какъ легко работать, если темпъ находится въ твердой рукѣ Альберта. Онъ однимъ быстрымъ взглядомъ замѣчалъ, что проволока натянута косо, что трапеція подвѣшена криво. И, кромѣ того, онъ такъ великолѣпно ставилъ большія пантомимы, какъ уже теперь никому не поставить. Впрочемъ, выходитъ теперь изъ моды прекрасное зрѣлище — пантомима.

У него былъ ангельскій характеръ. Его всѣ любили въ циркѣ: лошади, артисты, конюхи, ламповщики и всѣ цирковыя животныя. Онъ былъ всегда вѣрнымъ товарищемъ, добрымъ помощникомъ, и какъ часто заступался онъ за маленькихъ людей передъ папашей Суромъ, который, надо сказать, былъ старикъ скуповатый и прижимистый. Все это я такъ подробно разсказываю потому, что дальше разскажу о томъ, какъ я однажды рѣшилъ зарѣзать Альберта перочиннымъ ножомъ...

Если Альбертъ считался сердцемъ цирка, то, по совѣсти, его главной красой и очарованіемъ была младшая

сестра Ольга. Старшая — Марта — была, пожалуй, красивѣе — высокая, стройная, божественно сложенная и первоклассная артистка. Но отъ работы ея вѣяло холодомъ и математикой, а поклонниковъ своихъ она держала на разстояніи 19-ти шаговъ на длину манежнаго діаметра: такъ она была суха, горда, величественна и неразговорчива. Ольга же вся, отъ волосъ, цвѣта лѣснаго орѣха, до носочка манежной туфельки, была сама прелесть. Впрочемъ, вы видѣли Ольгу, а кто ее видѣлъ, тотъ навѣрное, никогда не позабудетъ ея нѣжнаго лица, ея ласковаго взгляда, ея веселой невинной улыбки, и милой граціи всѣхъ ея движеній. Мы же, цирковые, знали и о ея природной простодушной добротѣ.

Что же удивительнаго въ томъ, что въ Ольгу были влюблены мы всѣ поголовно, въ томъ числѣ и я, тогда тринадцатилѣтній мальчишка, работавшій на пяти инструментахъ въ семьѣ музыкальныхъ клоуновъ Джеретти.

Я хорошо помню это утро. Въ пустомъ циркѣ было полутемно. Свѣтъ падалъ только сверху изъ стекляннаго кумпола. Ольга въ простой камлотовой юбочкѣ, въ сѣрыхъ чулочкахъ, репетировала съ Альбертомъ. Мы, шестеро Джеретти, сидѣли, дожидаясь своей очереди, въ первомъ ряду паркета.

Ольгѣ все не задавался одинъ номеръ. Она должна была, стоя на панно, сдѣлать подрядъ два пируэта, а затѣмъ прыжокъ въ обручъ. Всего четыре темпа короткаго лошадинаго галопа: пируэтъ, пируэтъ, выдержка, прыжокъ. Но вотъ бывають же такіе несчастные дни, когда самая пустяшная работа не ладится и не ладится. Ольгѣ никакъ не удавалось найти темпъ для прыжка, все она собиралась сдѣлать его то немножко раньше, то немножко позже, а вѣдь скокъ лошади — это непреложный законъ. И вотъ только она соберетъ свое тѣло для прыжка и даже согнетъ ноги въ колѣняхъ, какъ чувствуетъ, что не то, не выходитъ, и дѣлаетъ рукою знакъ штальмейстеру: отведи обручъ!

И такъ нѣсколько круговъ. Альбертъ не волнуется и не сердится. Онъ знаетъ, что оставить номеръ недоделан-

нымъ, никакъ нельзя. Это тоже законъ цирка: въ слѣдующій разъ будетъ втрое труднѣе сдѣлать. Альбертъ только звончѣ шелкаетъ шамбарьернымъ бичемъ и настойчивѣ посылаетъ Ольгу отрывистымъ; *Allez!* и еще и еще кругъ за кругомъ дѣлаетъ лошадь, а Ольга все больше теряетъ увѣренность и спокойствіе... Мнѣ становится ее жалко до слезъ. Альбертъ кажется мнѣ мучителемъ.

И вотъ, одинъ быстрый моментъ. Я слышу повелительное, толкающее, точно ударъ, *allez!* — и одновременно вижу, какъ тонкій конецъ шамбарьера обвился вокругъ стройной Ольгиной икры и дернулся назадъ. Ольга громко и коротко закричала: Вотъ такъ: а! — и въ ту же секунду легко прыгнула въ обручъ и опять стала на панно. Вотъ въ этотъ-то моментъ я вытащилъ изъ кармана мой, только что купленный, цѣною Богъ знаетъ какихъ свирѣпыхъ сбереженій, перочинный ножикъ. Но напрасно я старался открыть лезвее, обломавъ ноготь большого пальца въ узкой выемкѣ. Пружина была нова, еще не расходилась и упорно не хотѣла поддаваться моимъ усиліямъ. И, конечно, только эта заминка спасла жизнь милому, доброму Альберту Суру. Пока я возился съ ножикомъ, за это время моя тринадцатилѣтняя итальянская кровь перестала бурлить и клокотать. Ко мнѣ вернулось сознаніе. Вѣдь, надо сказать, что вкусъ, цвѣтъ и запахъ такихъ тонкихъ блюдъ, какъ шамбарьеръ или рейтпейчъ, мнѣ уже были знакомы съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ дней. Но напрасно въ публикѣ и въ цирковыхъ романахъ ходитъ ошибочное мнѣніе, что у насъ будто бы учителя истязаютъ учениковъ. Вѣдь для мальчишекъ нѣтъ болѣе соблазнительнаго занятія, чѣмъ прыгать, скакать, кувыркатся, бороться и, вообще побѣждать законъ притяженія. Однако, въ цирковыхъ номерахъ бываетъ порою и жутковато и страшновато. Надо сдѣлать то-то, или то-то. Моментъ нерѣшимости, колебанія... и вдругъ тебя ожгло по задушкѣ... Боль моментально заглушаетъ трусость. Остается только приказаніе и желаніе ему повиноваться. Номеръ сдѣланъ, такъ легко, точно ты раскусилъ орѣхъ. А учитель гладитъ всей пятерней твое мокрое лицо и говоритъ сразу на трехъ языкахъ:

— Bravo, schön, bambino!

Всю эту науку я, конечно, зналъ въ совершенствѣ, но поставьте и себя на мое мѣсто: обожаемую, недостижимую, богиню — вдругъ хлыстомъ по ногѣ? Чье юное сердце это вытерпитъ? Лучше ужъ хлестни лишній разъ меня!

А Ольга между тѣмъ дѣлала кругъ за кругомъ, пируэтъ за пируэтъ, прыжокъ за прыжкомъ, все свободнѣе, легче и веселѣе, и теперь ея быстрые, точно птичьи крики: А! — звучали радостно. Я былъ въ восторгѣ. Я не утерпѣлъ и сталъ аплодировать. Но Альбертъ, чуть-чуть скосивъ на меня глаза, показалъ мнѣ издали хлысть. На репетиціяхъ полагается присутствующимъ молчаніе. Хлопать въ ладоши — обязанность публики.

Потомъ Альбертъ скомандовалъ:

— Баста!

Большая, бѣлая, въ гречкѣ, лошадь первая схватила приказаніе и перешла въ лѣнивый казенный шагъ. Ольга вся въ поту сѣла бокомъ на панно свѣсивъ свои волшебныя ножки.

Альбертъ, быстро ковыляя, подошелъ къ ней, взялъ ее обѣими руками за талию и легко, какъ пушинку, поставилъ ее на тырсу манежа. А она, смѣясь и радуясь, взяла его руку и поцѣловала. Это — благодарность ученицы учителю.

* * *

Я уже рассказывалъ, синьоръ Алессандро, о томъ, какая замѣчательная артистка Ольга Суръ. Но у меня не хватило бы силъ описать, какъ она была мила, добра и прекрасна. Теперь-то я понимаю, что въ нее были влюблены всѣ: и весь составъ цирка, и всѣ его посѣтители, и весь городъ Кіевъ, словомъ, всѣ, всѣ, не исключая и меня, тринадцатилѣтняго поросенка. Однако, влюбленность такого мальчишки ничего въ себѣ дурного не таитъ. Такъ любитъ братъ старшую сестру, сынъ молодую и красивую мать, ученикъ самаго мелкаго класса ученика выпускнаго класса, который безбоязненно куритъ и щиплетъ на верхней губѣ вырастающій пухъ перваго уса.

Но какъ же я могъ догадаться, что въ Ольгу влюбленъ — и влюбленъ на вѣки м-сье Пьеръ, незамѣтный артистъ изъ униформы. Въ цирковомъ порядкѣ онъ былъ почти ничто. Имъ, напримѣръ, затыкали конецъ вечера: оркестъ играетъ галопъ въ бѣшенномъ темпѣ, а артистъ вольтижируетъ. Но вы понимаете сами: послѣдній номеръ, публика уже встаетъ, надѣваетъ шубы и шляпы, торопится выйти до толкотни... Гдѣ же ей глядѣть на заключительный вольтижъ? Мы то, цирковые, понимали, какъ отчетлива и смѣла была работа Пьера, но, извините, публика никогда и ничего не понимаетъ въ нашемъ искусствѣ.

Также, иногда, въ понедѣльникъ, въ среду, или въ пятницу, въ такъ называемые „пустые“ дни, выпускали Пьера работать на туго натянутомъ корабельномъ канатѣ; старый номеръ, никого не удивляющій даже въ Итали, въ этой родинѣ цирка, гдѣ цирковую работу любятъ и понимаютъ. Но мы, цирковые, стоя за униформой, этого номера никогда не пропускали. Десять сальто-мортале на канатѣ съ балансиромъ въ рукахъ, это не шутка. Этого, пожалуй, кромѣ Пьера, никто бы не могъ сдѣлать въ мірѣ.

Устраивался иногда въ циркѣ, чаще всего въ рождественскіе и масляничные дни, такъ, для потѣхи градена, общій конкурсъ прыганья. Принимали въ немъ участіе почти всѣ артисты: униформы, клоуны и шталмейстеры, — всѣ, кто умѣлъ, — крутить въ воздухѣ сальто-мортале. Укрѣплялась на высотѣ второго яруса, около входа, гибкая длинная доска, въ видѣ трамплина, а на серединѣ манежа постилался большой матрасъ. Вотъ мы и прыгали всѣ по очереди, а съ каждымъ туромъ матрасъ отодвигался все дальше отъ трамплина, и съ каждымъ разомъ выходили изъ игры одинъ за другимъ соперники, у которыхъ не хватало мужества, или просто мускуловъ. Такъ представьте себѣ: Пьеръ всегда, побѣждалъ и оставался одинъ для послѣдняго прыжка, который онъ дѣлалъ чуть не во всю длину манежнаго діаметра!

Теперь вы видите, что былъ онъ артистомъ первокласснымъ, а для цирка очень цѣннымъ и полезнымъ. Однако, судьба осудила его на полную безвѣстность. Вѣдь

слава часто приходитъ не отъ труда, а отъ счастливаго случая. Прибавлю еще, что Пьеръ былъ очень добрѣ, скромнѣ, услужливѣ и всегда веселѣ. Его въ циркѣ любили, но какѣ то всегда затирали на третье мѣсто.

Повторяю, былъ я тогда совсѣмъ желторотый птенецъ. Мнѣ и въ голову не могло придти, что этотъ безцвѣтный старый Пьеръ (ему тогда было лѣтъ тридцать, но по моему клопинуму масштабу, онъ казался мнѣ чрезвычайно пожилымъ), что нашъ незамѣтный Пьеръ смѣетъ любить, да еще кого, саму Ольгу Суръ, первую артистку цирка, мировую знаменитость, дочь грознаго и всесильнаго директора, страшнѣе и богаче котораго не было никого на свѣтѣ. Я только съ удивленіемъ замѣтилъ его восторженные взгляды, когда онъ устремлялъ ихъ на Ольгу во время репетицій и спектаклей.

Но наши, цирковые, давно уже поняли Пьерову болѣзнь. Случалось, что они добродушно подтрунивали надъ Пьеромъ. Острили, что послѣ вечера, на которомъ Пьеру удавалось держать обручъ для Ольги, или помочь ей вскочить на панно, или подать ей руку, когда она, убѣгая, по окончаніи номера, съ манежа, перепрыгивала черезъ воображаемый барьеръ, Пьеръ шелъ на другой день въ костель и тамъ, полный благодарности, распластывался крестомъ передъ статуей Мадонны.

Тогда мнѣ Пьеръ былъ и смѣшонъ и жалокъ. Теперь то, въ моемъ очень зрѣломъ возрастѣ, я понимаю, что Пьеръ былъ безконечно смѣлымъ человѣкомъ. Однажды утромъ, во время репетиціи, онъ наскоро перекрестился, да взялъ и пошелъ къ самому Суру въ его директорскій кабинетъ: „Господинъ директоръ, я имѣю честь просить у васъ руку и сердце вашей младшей дочери, мадемуазель Ольги“.

Старый Суръ отъ великаго изумленія выронилъ одновременно и перо, которымъ только что подводилъ счеты, и длинную вонючую австрійскую сигару, которую только что держалъ во рту. Онъ позвалъ свою старую жену и сказалъ:

— Послушай, Марихенъ, нѣтъ ты послушай только, Колесо Времени. 8

что говоритъ этотъ молодой человѣкъ, м-сье Пьеръ... Повторите-ка, молодой человѣкъ, повторите.

Старый Суръ говорилъ ничтожному Пьеру на вы! Это былъ зловѣщій признакъ. Никому во всей вселенной онъ не говорилъ „вы“, за исключеніемъ мѣстнаго пристава. Душа у Пьера дрогнула, но все-таки, прижавъ руку къ серединѣ груди, онъ сказалъ негромко:

— Мадамъ Суръ, я сейчасъ имѣлъ честь и счастье просить у господина директора руку и сердце вашей прекрасной...

Мамаша Суръ мгновенно вскипѣла:

— Какъ онъ осмѣлился, этотъ нищій конюхъ? Выброси сію же минуту, этого негодяя изъ труппы и изъ цирка, чтобы имъ и не пахло больше!

Но старый Суръ однимъ короткимъ поднятіемъ ладони заставилъ ее успокоиться.

— Штиль!

Мадамъ Суръ сразу поняла, что директоръ намѣренъ немного позабавиться и замолчала.

Старый Суръ, не торопясь, досталъ съ пола свою черную сигару, и старательно вновь раскурилъ ее. Утопая въ клубахъ крѣпкаго дыма, началъ онъ пробирать Пьера ѣдкими злыми словами. Такъ сытый и опытный котъ подолгу играетъ съ мышью, полумертвой отъ ужаса.

Какъ это Пьеръ могъ додуматься до идеи жениться на дочери директора одного изъ первоклассныхъ цирковъ? Или онъ не понимаетъ, что разстояніе отъ него до семьи Суровъ будетъ побольше, чѣмъ отъ земли до неба? Или можетъ быть Пьеръ замаскированный баронъ, графъ или прищъ, у котораго есть свои замки? Или онъ переодѣтый Гагенбекъ? Или у него въ Америкѣ есть свой собственный циркъ, вмѣстимостью въ 20000 человѣкъ, но только мы всѣ объ этомъ раньше не знали?

А, впрочемъ, не свихнулись ли у Пьера на бокъ мозги при неудачномъ паденіи и не надлежитъ ли ему обратиться къ психіатру? Только сумасшедшій человѣкъ, или круглый идіотъ можетъ забыть до такой степени свое ничтожное мѣсто. Кто онъ? безымянный служитель изъ униформы,

котораго обязанность подметать манежъ и убирать за лошадьми ихъ кроттъ. Дѣйствительно: вотъ приходитъ молодой человѣкъ, у котораго въ одномъ карманѣ дыра, а въ другомъ фальшивый гривенникъ, и это вся стоимость молодого человѣка. Онъ приходитъ и говоритъ: господинъ Суръ, я желаю жениться на вашей дочери, потому что я ее люблю, и потому что вы дадите за нею хорошенькое приданое, и потому что я, благодаря женѣ займу въ циркѣ выдающееся положеніе. Нечего сказать — блестящая афера. Не хватало бы еще того, чтобы старый Суръ передалъ этому бланбеку главное управленіе циркомъ!

Такъ, очень долго, півилъ, язвилъ и терзалъ бѣднаго Пьера раздраженный Суръ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Ну, я понимаю, если бы у тебя было громкое цирковое имя, или если бы ты изобрѣлъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ номеровъ, которые артисту даютъ сразу и славу и деньги. Но у тебя для этого слишкомъ глупая голова. Поэтому — вонъ!

И ото вонъ! старый Суръ выкрикнулъ такимъ повелительнымъ громовымъ голосомъ, что рядомъ, въ конюшнѣ, лошади, услышавъ знакомый директорскій окрикъ, испуганно заметались въ стойлахъ и затопотали ногами.

Бѣдный Пьеръ съ похолодѣвшимъ сердцемъ выскочилъ изъ директорскаго кабинета. Но тутъ въ темнотѣ циркового корридора, нѣжная женская рука легла ласково на его руку.

— Я все слышала, — сказала ему на ухо Ольга. — Не отчаивайтесь, Пьеръ. Говорятъ, что любовь дѣлаетъ чудеса. Вотъ, на зло папѣ, возьмите и выдумайте совсѣмъ новый номеръ, самый блестящій номеръ, и тогда съ вами будутъ говорить иначе. Прощайте, Пьеръ.

Послѣ этого происшествія Пьеръ внезапно пропалъ изъ цирка. Никому изъ товарищей онъ не писалъ. Начали его по немногу забывать. Все рѣже и рѣже вспоминали его имя, но надо сказать — каждый разъ съ теплотой.

А черезъ годъ, въ разгарѣ зимняго сезона, онъ опять пріѣхалъ въ Кіевъ и предложилъ старому Суру ангажировать его на новый номеръ, который назывался довольно

странно „Легче воздуха“. Только теперь онъ не звался блѣднымъ именемъ Пьера; его имя стало Никаноро Нанни, и оно красовалось на всѣхъ заграничныхъ афишахъ большими буквами и мелкой печатью въ альбомахъ съ иностранными газетными вырѣзками. Отзывы были такъ восторженны, что хитрый Суръ не устоялъ: подписалъ контрактъ съ Никаноро Нанни. Да какъ же было устоять, когда и въ Италиі, и въ Испаніи, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, извѣстнѣйшіе знатоки циркового дѣла писали, что такіе цирковые номера появляются лишь разъ въ столѣтіе и говорятъ объ усердной, долгой, почти невозможной тренировкѣ.

Мы видѣли результаты этой дьявольской работы на пробной репетиціи. Необычайное зрѣлище! Самъ старый Суръ не удержался и сказалъ:

— Это чудо! Если бы не видѣлъ своими глазами — я никому бы не повѣрилъ.

А номеръ былъ на неопытный взглядъ какъ будто простой. На высотѣ двухъ хорошихъ человѣческихъ ростовъ строилась неширокая площадка для разбѣга; она оканчивалась на серединѣ манежа американскимъ ясеневымъ трамплиномъ, а на другой сторонѣ манежа укрѣплялся обыкновенный бархатный тамбуръ, такой величины, чтобы можно было только поставить ноги, окончивъ прыжокъ. И что же дѣлаетъ Никаноро Нанни? Онъ беретъ въ каждую изъ рукъ по двадцати пяти фунтовой гирѣ, затѣмъ онъ дѣлаетъ короткій, но быстрый разбѣгъ, отталкивается со страшной силой отъ трамплина и летитъ прямо на тамбуръ...

Но во время этого полета, въ какой то необходимый, но неуловимый моментъ, онъ бросаетъ обѣ гири и тутъ то, преодолевъ законъ тяжести, ставши внезапно легче на пятьдесятъ фунтовъ, онъ неожиданно взвивается кверху и потомъ ужъ кончаетъ полетъ, упавъ на тамбуръ. И этотъ то невообразимый полетъ, клянусь вамъ, синьоръ Аллесандро, производилъ каждый разъ на насъ, всего навидавшихся въ циркѣ, ощущение какой то внезапной свѣтлой радости. Такое же чувство я испыталъ гораздо позже, когда

увидаль впервые, какъ ползъ, ползъ по землѣ аэропланъ, и вдругъ отдѣлился отъ нея и пошелъ вверхъ.

Да, мы многого ждали отъ этого номера, но мы про считались, забывъ о публикѣ. На первомъ представленіи публика, хоть и не поняла ничего, но немного апплодировала, а ужъ на пятомъ — старый Суръ прервалъ ангажементъ, согласно условіямъ контракта. Спустя много времени, мы узнали, что и за границей бывало то же самое. Знатоки вопили отъ восторга. Публика оставалась холодна и скучна.

Такъ же какъ и Пьеръ годъ назадъ, такъ же теперь Никаноро Нанни исчезъ безслѣдно и беззвучно изъ Кіева, и больше о немъ не было вѣстей.

А Ольга Суръ вышла замужъ за грека Лапіади, который былъ вовсе не королемъ желѣза и не атлетомъ, и не борцомъ, а просто греческимъ арапомъ, наводившимъ ма рафетъ.

ДУРНОЙ КАЛАМБУРЪ.

* * *

Я написалъ въ журналахъ нѣсколько рассказовъ изъ цирковой жизни. Они были многими читателями приняты съ милой теплотою. Эту отзывчивость я отнюдь не склоненъ приписывать достоинствамъ моихъ сочиненій: писалъ я, попросту, о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Причина читательскаго одобренія совсѣмъ другая. Всѣхъ насъ, въ ранней юности, циркъ восхищаль, волноваль и радовалъ. Кто изъ насъ избѣжалъ его чудесной, здоровой, кипящей магіи? Кто изъ насъ забылъ этотъ яркій свѣтъ, этотъ пріятный запахъ конюшни, духовъ, пудры и лайковыхъ перчатокъ, этого шелка и атласа блестящихъ цирковыхъ костюмовъ, щелканье бича, холеныхъ, рослыхъ, прекрасныхъ лошадей, выпуклые мускулы артистовъ? Тогда, вѣдь, видали мы гораздо зорче и совсѣмъ другими глазами, чѣмъ теперь. И возвращались мы изъ цирка домой широкими и упругими шагами, круто выпятивъ грудь, напрягая всѣ мускулы. Легкія бывали у насъ расширены отъ беззаботнаго, громкаго, добраго хохота, и какъ ловко мы перепрыгивали черезъ лужи!

Много драгоценныхъ и, по совѣсти скажу, полезныхъ минутъ давалъ намъ циркъ... И теперешніе знаки вниманія къ моимъ рассказамъ, это, всего лишь благодарность пожилыхъ людей цирку ихъ прежнихъ лѣтъ, трогательное вниманіе дѣтства.

Недавно я получилъ изъ Болгаріи отъ неизвѣстнаго мнѣ человѣка небольшое, очень порадовавшее меня письмо. Оно является какъ бы продолженіемъ, послѣсловіемъ къ моей „Ольгѣ Суръ“.

Я его привожу почти цѣликомъ, съ малыми поправками. Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня. Это письмо — правда. Вотъ оно:

М. Г. и т. д., отбрасывая часть официальную.

— Читалъ и вспомнилъ себя 17-лѣтнимъ гимназистомъ Кіево-Печерской гамназіи, однимъ изъ многихъ, влюбленныхъ въ Ольгу Суръ. Впрочемъ это не совсѣмъ такъ. Влюблены мы были въ другихъ, въ барышень, съ которыми мы встрѣчались на гимназическихъ чайныхъ балахъ, или на каткѣ въ саду Меринга. А къ Ольгѣ Суръ мы относились съ какой то особой лаской, теплотой и бережливостью. Иногда мы, что грѣха таить, — возвращаясь съ вечеринки, говорили довольно таки развязно о знакомыхъ дамахъ и барышняхъ, но никто никогда не позволялъ ни себѣ, ни другимъ, выразиться объ Ольгѣ Суръ фривольно.

Насъ было шестеро знатоковъ и любителей цирка, шесть пріятелей, и въ нашъ кружокъ входилъ окончившій съ нами гимназическій курсъ, сынъ кіевскаго генераль-губернатора гр. П. Игнатьева, въ будущемъ полковникъ генеральнаго штаба, нынѣ живущій у васъ, въ Парижѣ.

Такъ какъ семья графа Игнатьева почти никогда въ циркѣ не бывала, то губернаторской ложей пользовалась наша компанія.

Помню, разъ мы поднесли Ольгѣ Суръ букетъ. Поднесли за кулисами. Милая дѣвочка покраснѣла не меньше насъ, но протянула лодочкой, каждому изъ насъ худенькую ручку. Въ это время мимо насъ проходилъ кто-то изъ униформы и съ большимъ аппетитомъ ѣлъ апельсинъ,

даже не очистивъ его, а прямо съ кожей. Ольга взглянула на него и вдругъ сказала.

— Счастливецъ! Онъ ѣсть апельсинъ!

На другой день каждый изъ насъ принесъ въ циркъ по десятку апельсиновъ.

— Тогда апельсины стоили по 3 коп. за штуку — и, послѣ номера Ольги (джигитовка) всѣ шестьдесятъ апельсиновъ полетѣли на арену къ ногамъ очаровательной. Въ награду двѣ милыя ручки послали намъ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуетъ. Много ли надо тогда было 17-ти лѣтнему гимназисту?

Нѣсколько дней спустя, во время того же номера Ольги, когда съ лошади снимали сѣдло и уздечку для вольнаго галопа, одинъ изъ клоуновъ, кто — не помню*) — обратился къ публикѣ со слѣдующей репризой:

— А, скажите господинъ капельклейстеръ, если бы у Олечки, когда ея папашъ уже за шестьдесятъ лѣтъ, да вдругъ родился бы братецъ — что надо было бы сказать про такой фактъ?

И такъ какъ публика молчала, то клоунъ объяснилъ

— Надо было бы сказать:

— Сур-рогать.

Очень немногіе изъ публики засмѣялись. Повидимому, не всѣ поняли игру словъ, но мы замѣтили, что Ольга круто повернула лошадь къ клоуну и слабо вскрикнула,

Лошадь ея опять пошла свободнымъ галопомъ. Нужно было брать барьеры. Держалъ одинъ изъ барьеровъ несчастный клоунъ. Когда Ольга взяла предыдущій барьеръ, то вдругъ сбросила наземь свою бѣлую папаху, подняла надъ головой кавказскую нагайку съ серебряной рукояткой и, поравнявшись съ клоуномъ, уже на прыжкѣ, со всего размаха ударила его по лицу. Сквозь его гримъ сразу сталъ виденъ сначала мгновенно бѣлый, а потомъ багровый рубецъ.

Клоунъ выпустилъ барьеръ и, закрывъ лицо обѣими

*) Козловъ. Отличный дрессировщикъ, добрый, смѣлый человекъ и хорошій товарищъ. На эту дурацкую выходку онъ, не понявъ каламбура, былъ подстрекнуть Г., тогдашнимъ кievскимъ львомъ. А. К.

руками, мелкими шагами побѣжалъ съ манежа. Но тутъ публика уже поняла смыслъ дерзкаго каламбура и наградила Ольгу бѣшенными аплодисментами.

Не знаю, извѣстенъ ли вамъ этотъ случай? Если нѣтъ, то онъ будетъ лишней черточкой въ вашихъ воспомина-
ніяхъ о циркѣ и о милой, маленькой Ольгѣ, восхититель-
ницѣ нашихъ гимназическихъ сердець.

Изъ нашей кіевской шестерки насъ въ Болгаріи ока-
залось двое: я и мой пріятель-инженеръ. Онъ живетъ на
границѣ Греціи, я въ Софіи. Встрѣчаемся лишь разъ въ
годъ. Вспоминаемъ милое далекое... Непремѣнно вспоми-
немъ Ольгу Суръ въ черкескѣ и наши апельсины.

КРАЖА

Съ не совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ свела меня судьба, здѣсь, въ Парижѣ, года три назадъ. Звали его Петромъ Николаевичемъ Бровцынымъ.

На всемірную войну Петръ Николаевичъ пошелъ въ 14-мъ году, будучи уже немолодымъ врачомъ. Послѣдовательно онъ прошелъ довольно значительный служебный стажъ. Былъ сначала младшимъ полковымъ врачомъ, потомъ старшимъ, потомъ дивизионнымъ и, наконецъ, корпуснымъ врачомъ. Въ эту ужасную войну, бои и тифъ косили докторовъ не менѣ чѣмъ солдатъ и офицеровъ.

Но вотъ, высыпали по здоровому тѣлу Россіи красные, гнойные прыщи большевизма, началось дезертирство, пошли митинги, раздался нелѣпый девизъ: „попили нашей кровушки — будя“. Заключенъ былъ въ Брестѣ похабный договоръ: „воевать не будемъ, а мира не признаемъ“... Вся въ стыдѣ, позорѣ и крови — русская армія торопливо разлагалась, и сама Россія потеряла ликъ и имя.

Тогда возникло бѣлое движеніе...

Докторъ Бровцынъ — очень хорошій врачъ, но, вѣроятно, въ ту пору, воинъ и патриотъ превозмогли въ его душѣ цѣлителя, костоправа и составителя растерзанныхъ членовъ человѣческихъ. Бровцынъ записался рядовымъ стрѣлкомъ въ тотъ отрядъ, который тогда формировался вблизи Пскова, на Талабскихъ островахъ и который потомъ развернулся въ славный Талабскій полкъ. Въ этомъ полку Бровцынъ и прослужилъ стрѣлкомъ, отъ его возникновения до его разоруженія въ Эстоніи...

Петръ Николаевичъ обладалъ рѣдкимъ даромъ —

зорко видѣть и внимательно слышать, а видѣлъ и слышалъ онъ очень многое и передавалъ свои впечатлѣнія съ той рѣзкой простотой, которая дѣлаетъ рассказъ достовѣрнымъ и выпуклымъ.

Въ то время, въ 19-мъ году, послѣ неудачи у Красной Горки, Юденичъ, потерявъ надежду на выступленіе Финляндіи, пріѣхалъ со своимъ штабомъ въ Нарву, чтобы лично руководить дѣйствіями Сѣверо-Западной арміи. Положеніе ея было и тяжелое, и запутанное. Съ одной стороны, Юденичъ находился въ полной зависимости отъ союзниковъ, которые, при малѣйшемъ расхожденіи съ нимъ во взглядахъ, грозили прекратить снабженіе; съ другой стороны, онъ, какъ и армія, всецѣло зависѣлъ отъ эстонцевъ, озлобленныхъ тѣмъ, что русское правительство, имени Колчака, не желало признавать ихъ независимости. Наконецъ, въ самой арміи Юденичъ, какъ совсѣмъ ей чужой, не пользовался никакимъ авторитетомъ, а извѣстно, что психологическое, привычное вліяніе играетъ въ добровольческой арміи гораздо болѣе рѣшающую роль, чѣмъ въ войскахъ регулярной арміи. Юденичъ же принялъ заочное благословеніе Колчака на дистанціи въ двѣ тысячи верстъ.

Снабженіе арміи было самое плачевное. О теплой пищѣ давно не было помина. Единственно, что выдавалось, это—два фунта американскаго бѣлаго хлѣба и полфунта американскаго сала. Жалованье не было выдано за два или три мѣсяца. Можно ли удивляться тому, что при такихъ обстоятельствахъ, армія, перешедшая къ позиціонной войнѣ, начала добывать себѣ необходимое на мѣстахъ, чѣмъ, понятно, возбудила противъ себя непріязненные чувства населенія, еще недавно встрѣчавшаго бѣлую армію восторженно, какъ избавительницу отъ большевиковъ.

Снабженіе, обѣщанное давнымъ давно англичанами, все не прибывало, и настроеніе падало. Англійскій генераль Марчъ передаетъ въ ультимативной формѣ приказаніе Юденичу о сформированіи въ Ревелѣ сѣверо-западнаго русскаго правительства, причемъ былъ данъ списокъ лицъ, обязанныхъ войти въ составъ этого правительства, и, кстати, между ними имя Николая Иванова, большевицкаго агента.

Была въ этомъ приказаніи и угроза: „Если это правительство не будетъ сформировано въ теченіе сорока минутъ, то всякая поддержка русской арміи будетъ немедленно прекращена“.

Ахъ! попадала ли когда-нибудь дружественная армія въ такіе жестокие, злые и оскорбительные тиски?

Переломнымъ событіемъ можно считать появленіе въ Нарвѣ первыхъ эшелонѣвъ ливенцевъ, принадлежавшихъ къ той добровольческой дивизіи, которую сформировалъ въ Либавѣ свѣтлѣйшій князь А. П. Ливень.

Необычна и, пожалуй, даже трогательна была исторія созданія Ливенской дивизіи.

Послѣ Бреста, генералъ фонъ деръ Гольцъ рѣшилъ снять оккупацию Прибалтики: не такъ для него была опасна борьба съ большевиками, какъ моральное развращеніе его нѣмецкихъ солдатъ — слѣдствіе пресловутыхъ братаній, проигранной войны и долгаго бездѣлія въ чужомъ краѣ. Онъ былъ не изъ тѣхъ истерическихъ германскихъ политиковъ, которые готовы были бы впустить въ свою страну большевиковъ, чтобы заразить ее, заразить всю Европу, и послѣ того овладѣть ею. Фонъ деръ Гольцъ зналъ, что побѣда надъ большевиками возвратитъ жизнь Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, расчиститъ путь къ примиренію державъ. Потому то онъ не только не препятствовалъ князю Ливену формировать и обучать бѣлые отряды, но даже оказывалъ ему всевозможную помощь, и далъ русскимъ солдатамъ самое отличное снабженіе.

Появленіе первыхъ ливенцевъ въ Нарвѣ произвело удивленіе, восторгъ, переполохъ: въ чьихъ то запискахъ я читалъ, что даже — зависть. Я думаю, что у солдата это чувство было совсѣмъ другого цвѣта, вродѣ того, что: „а вотъ нашимъ не удалось!“ Удивительно рѣзко сказалаь эта разница между нарвскими и ливенскими солдатами на другой день послѣ прихода ливенцевъ. Въ этотъ день надлежало произойти какому то очередному официальному сборищу: обѣду? рауту? засѣданію? — я не знаю, и не знаю также, чей острый и смѣлый умъ изобрѣлъ къ этому дню великолѣпную инсценировку. Не тотъ ли полковникъ Пруссингъ, котораго, какъ знающаго прекрасно англійскій

языкъ, посылали для рискованныхъ объясненій къ ужаснымъ Гогу и Магогу, къ страшнымъ генераламъ Марчу и Гоффу, и который — когда надменные англичане позволяли себѣ возвысить голосъ въ разговорѣ съ русскимъ штабъ-офицеромъ, начиналъ на нихъ кричать такъ, какъ англичанинъ не отважится кричать даже на негра? Не тотъ ли Пруссингъ, требованіямъ котораго всегда уступали, ворча, оба британскихъ самодура; уступали и говорили погомъ на ушко русскимъ полководцамъ: вотъ полковникъ Пруссингъ у васъ — это настоящій офицеръ.

Рѣшено было поставить у крыльца того дома, гдѣ предполагались торжества, двойной почетный караулъ. Слева отъ ливенцевъ, справа — отъ любой нарвской роты.

И вотъ стали подъѣзжать кареты съ англичанами, американцами, французами и русскимъ генералитетомъ въ орденахъ. Впечатлѣніе — дикое. Слева стоитъ взводъ выровненныхъ, точно по ниточкѣ, красавцевъ. Темно-синіе мундиры, высокіе блестящіе сапоги, каски-шлемы, взоры ясные и смѣлые, морды толстыя. А справа — одно недоумѣніе. Откуда взяли, изъ какого Мейнингскаго театра, изъ какого дворца чудесъ, изъ какой вяземской лавры, этихъ жалкихъ михрютокъ, какъ будто только что выловленныхъ изъ помойной ямы; грязныхъ, босыхъ, или полу-босыхъ, кто въ лаптяхъ, кто въ дамскихъ разорванныхъ ботинкахъ, со рванными рукавами и со штанами, махровыми, какъ у пуделя. И всѣ — блѣдные, испытые, слабые отъ недоѣданія.

Дипломатія прежде всего рекомендуетъ ничему не удивляться, и во всѣхъ внезапныхъ случаяхъ прежде всего хранить спасительное молчаніе. Но вѣдь бываютъ же иногда настолько потрясающія явленія и событія, что передъ ними не устоитъ ни желѣзное сердце, ни пробковая голова присяжнаго дипломата.

Кто то изъ знатныхъ гостей иностранцевъ спросилъ неувѣренно:

— Но почему же вотъ эти такіе, а вотъ эти такіе? Тогда чей то твердый голосъ громко произнесъ, сна-

чала по французки, а потомъ по англійски, ясно отчеканивая каждое слово, каждую букву:

— Это обмундированіе, что вы видите налѣво, намъ дали наши вчерашніе враги — нѣмцы. А то отрепье — наши старые друзья и союзники.

Словомъ: „воцарилось неловкое молчаніе“, какъ писалось въ давнишнихъ романахъ. Знатные иностранцы такъ торопились поскорѣе уйти отъ этого разительно-контрастного зрѣлища, что на каменныхъ ступеняхъ лѣстницы образовался заторъ.

Видите ли: бывало иногда въ дѣтствѣ, что тебѣ толкуютъ, толкуютъ цѣлый день какую-нибудь математическую истину, а ты, хоть убей тебя, все меньше и меньше ее понимаешь, хотя уже давно у тебя паръ вьется надъ головой. И вдругъ учитель озлобится, плюнетъ и укажетъ тебѣ въ двухъ грубыхъ словахъ правильный подходъ. Не знаю, вслѣдствіе ли урока съ почетнымъ карауломъ, или просто въ силу естественнаго теченія обстоятельствъ, но все таки черезъ десять дней прибылъ первый пароходъ съ вооруженіемъ и снаряженіемъ. Но одно я знаю: на французскихъ и американскихъ представителей этотъ показательный фильмъ произвелъ густое впечатлѣніе, всю мощность котораго они показали позднѣе...

Сказано давно: породистый котъ особенно хорошо ловить мышей, когда овъ сытъ. Про солдата можно тоже сказать: онъ гораздо лучше дерется, когда сытъ, обутъ и одѣтъ. Глупъ былъ тотъ сказочный полководецъ, который говорилъ: „а я своимъ солдатамъ четыре дня ѣсть не дамъ, такъ они тебя, распротакого то сына, живьемъ съ костями сожрутъ и назадъ не вернутъ“. Плохая игра, когда солдатъ живетъ между голодомъ и палкой...

И вотъ, послѣ волшебнаго парохода, пріодѣлись, помылись, наѣлись давешніе растрепанные Михрютки, стали въ стройные ряды, и куда же ихъ прежнихъ узнать было! Вмѣсто бездѣлья, ясно передъ ними была начерчена прямая линія. Идемъ на Петербургъ. Долой большевиковъ. Пусть Россія оправится, передохнетъ, и не торопясь подумаетъ, какъ ей управиться.

Колоннами, почти безъ связи, но прямо на сѣверную звѣзду, поперли вчерашніе Михрютки — теперешніе герои — сквозь междуозерныя пространства, а передъ ними въ ужасѣ бѣжала красная армія. И не то ее пугало, что бѣлый врагъ неутомимъ, а то, о чемъ съ горечью въ донесеніи писалъ комиссаръ: „идутъ, чортъ бы ихъ побралъ, съ пѣснями“.

Первымъ же выступилъ 1-й батальонъ ливенцевъ.

Мнѣ пришлось, два года назадъ, написать и помѣстить въ журналѣ, въ видѣ фельетона, почти все, чему я былъ свидѣтель и что я слышалъ отъ лицъ достойныхъ о самоотверженномъ стремительномъ наступленіи сѣверо-западной арміи въ 1919 году на Петербургъ, и объ ея упорномъ геройскомъ и трагическомъ отступленіи. Позднѣе, я собралъ эти статьи въ отдѣльную книгу, которую выпустилъ въ свѣтъ подъ общимъ заглавіемъ „Куполь Св. Исаакія Далматскаго“. Поэтому не желая повторяться и боясь наскучить, я не буду говорить ни о подвигахъ сѣверо-западной арміи, ни о ея великодушіи.

Но признаюсь, меня всегда волновала и раздражала своей несправедливостью почти всеобщая привычка эмигрантовъ говорить огуломъ и непримѣнно лишь дурное и злое о всѣхъ бѣлыхъ арміяхъ. А не онѣ ли, эти многострадальныя арміи вынесли на своихъ плечахъ этихъ брюзгливыхъ бѣженцевъ изъ большевицкаго ада?... Да, и не видѣли ли брюзги всего на всего одинъ тылъ, изнанку войны, которая всегда и вездѣ не безъ крови и грязи?

Я помню суровый морозный конецъ ноября 1919 года. Отдѣльныя воинскія части сѣверо-западной арміи сильно порѣдѣвшія отъ непрестанныхъ боевъ, отъ повальнаго тифа и свирѣпыхъ морозовъ, еще дрались вмѣстѣ съ эстонцами противъ большевиковъ на подступахъ къ Нарвѣ, дрались съ отчаяніемъ раненаго льва, а клевета уже начинала пачкать ихъ славныя имена. Была въ Ревелѣ такая социаль-демократическая газетка на русскомъ языкѣ (не „Свобода Россіи“ ли?), ее издавалъ Дюшень, ближайшимъ сотрудникомъ былъ Кирдецовъ. Обѣ личности довольно громко и весьма печально извѣстныя въ печати, и нынѣ

нашедшія свое мѣсто у большевиковъ. Еще работалъ въ этой газетѣ какой то грязнолицый недоросль Башкировъ, весь развинченный и всегда мокроносый, съ желтыми глазами. Пока въ Эстоніи находилось много бѣлыхъ, еще не разоруженныхъ окончательно, они язвили несчастную армію потихоньку, съ придушеннымъ змѣинымъ шипѣніемъ. Но когда они убѣдились въ томъ, что жалкіе остатки этой арміи совершенно обезсилены, и что эстонцы открыто проявляютъ къ нимъ ненависть, они перестали стѣсняться, и каждый номеръ ихъ газеты былъ переполненъ клеветой, издѣвательствомъ и ложью по адресу бѣлой арміи, которую силошъ обвиняли въ грабительствѣ, насилиі, повальномъ пьянствѣ и грабежѣ населенія. А сами они, между тѣмъ, изъ спокойнаго Ревеля ни разу не высовывали носовъ. Теперь то извѣстно, ради какихъ будущихъ благъ они вели свое гнусное дѣло.

Своимъ сдобнымъ теноркомъ, къ нимъ присоединилъ голосъ нынѣ покойный Арабажинъ въ гельсингфорской газетѣ „Разсвѣтъ“. Тотъ уже совсѣмъ ровно ничего не видѣлъ и не слышалъ, ибо отъ природы былъ лишенъ этихъ способностей. Неизвѣстно почему онъ сдѣлалъ себя принципиальнымъ врагомъ бѣлаго движенія, но всѣ глумливые, позорные навѣты на сѣверо-западную армію онъ цѣликомъ перепечатывалъ изъ дюшеновской газеты, въ пользу и освѣдомленіе, какъ финскихъ, такъ и шведскихъ газетъ Гельсингфорса. Ахъ, печать обоюдо-острое оружіе! Она несетъ съ собою свѣтъ, знаніе, гласность, справедливость, но она же, подобно базарной торговкѣ, усердно разноситъ по всему міру грязь, сплетню, каверзу, клевету, раздувая горчичное сѣмя до размѣровъ цеппелина.

На меня лично вся краткая эпопея сѣверо-западной арміи произвела глубокое, неизгладимое впечатлѣніе высоты духа, святой любви къ родинѣ, крѣпкаго мужскаго покровительства людямъ измотавшимся, изстрадавшимся подъ безсмысленной, своевольной тираніей большевиковъ. Но всетаки работая надъ „Куполомъ Св. Исаакія“, я самъ для себя хотѣлъ избѣгать ошибокъ и односторонности. Вотъ почему у многихъ десятковъ людей, на чей опытъ,

знаніе и правдивость я могъ опереться, я не уставаль разспрашивать о фактахъ и впечатлѣніяхъ, касающихся сѣверо-западной арміи и всегда радовался тому, что стою на вѣрномъ пути.

По той же причинѣ, едва только мнѣ удалось познакомиться съ докторомъ Бровцынымъ, съ этимъ высокимъ хладнокровнымъ увѣреннымъ человекомъ, то сразу взялъ его въ плѣнъ и взялъ на нѣсколько вечеровъ.

Онъ говорилъ охотно, но совершенно спокойно и я чувствовалъ, что его небрежная и точная простота гораздо глубже моего пафоса.

Онъ говорилъ:

— Я согласенъ съ вами: да и зачѣмъ собирать мелочи? Возмите вы хоть такое, на примѣръ, явленіе, которое для насъ было обыденнымъ: вѣдь при отступленіи намъ волей-неволей приходилось возвращаться вспять, по тѣмъ же самымъ прежнимъ дорогамъ, черезъ тѣ же села, деревни и хутора, въ которыхъ мы останавливались при нашемъ наскокѣ на Петербургъ. Возвращались мы разбитые, усталые, обтрепанные, грязные, тѣсняемые сзади красноармейцами, и что же? Нигдѣ мы не слышали грубаго слова или попрека, не видѣли злого или насмѣшливаго лица. „Ну, Богъ дастъ въ слѣдующій разъ дойдете, всегда вѣдь до трехъ разъ ждать нужно“.

Идя туда, мы ихъ подчивали саломъ и бѣлымъ американскимъ хлѣбомъ. Теперь они насъ угощали ржанымъ караваемъ и отсыпали изъ кисетовъ махорку. Часто предлагали и, конечно, бесплатно, подводы подъ больныхъ. Когда уходили съ ночлега, бабы крестили насъ и плакали.. точно по покойникамъ. Ну, какая же здѣсь ненависть населенія, я васъ спрашиваю?

Я глядѣлъ на Петра Николаевича съ восторгомъ и благодарностью.

— А вотъ они подлецы, сказалъ я, кричали о грабежѣ и кражѣ.

— Пустое. Никакихъ кражъ не было, совсѣмъ другое было въ сердцахъ.

Докторъ помолчалъ немного, и вдругъ съ лукавой полуулыбкой протянулъ:—

— ...Впрочемъ...

— Что — впрочемъ, — Петръ Николаевичъ?

— Впрочемъ... и полная веселая улыбка освѣтила его лицо — впрочемъ, случилась разъ одна кража и даже въ моемъ присутствіи.

— Неужели?

— Да ужъ это вѣрно я вамъ говорю. И не только я былъ ея свидѣтелемъ, но, откровенно говорю, и участникомъ. Вотъ я вамъ расскажу по порядку.

— Знаю я, что вы въ свое время дослужились до подпоручика, или, пожалуй, даже до поручика, да вѣдь и я не простой рядовой стрѣлокъ, а, берите выше, ефрейторъ, командиръ отдѣленія. Жилъ со своими ребятами дружно. Держалъ ихъ на тугихъ возжахъ, но когда надобно держалъ мягко. Особенно близко почему то привязались ко мнѣ два брата Колосовы, оба талабскіе рыбаки, огромнаго роста. Они были истинные колоссы. Я, какъ видите, порядочная орясина, но имъ обоимъ только по плечо подходилъ. Всюду они за мной путались: и въ бою, и на походѣ, и на ночлегахъ, какъ два оруженосца или какъ два громадные медеяна. Услужливы были какъ няньки, а объ ихъ изобрѣтательности нечего и говорить: одно слово талабскіе рыбаки, пскапскіе скобари.

Почему я имъ ужъ такъ особенно понравился, трудно сказать. Языкъ что ли у меня такъ ладно подвѣшенъ? Или характеръ мой ровный имъ полюбился? Или отъ того, что я никогда не нылъ и не киснулъ? А можетъ быть, и то ихъ поразило, что я такъ ловко перевязывалъ случайныя раны и вправлялъ вывихи. Вѣдь никто въ полку не зналъ о томъ, что я врачъ. Когда записывался, сказалъ просто „Бровцынъ, Петръ“. А мнѣ отвѣтили „ступай во вторую роту, явись фельдфебелю“. И все. Паспортъ у насъ не пользовался большимъ уваженіемъ. Хорошій ты солдатъ — иди къ котлу, братомъ будешь; плохой — за хвостъ — и изъ компаніи вонъ. Быть одновременно врачомъ и солдатомъ мнѣ не хотѣлось и по сердцу, и по ло-

гикъ. Одно изъ двухъ, либо дырявь, либо штопай. Вотъ почему я посильную медицинскую помощь оказывалъ по секрету, какъ бы контрабандой. Позднѣе, моя тайна все-таки добѣжала до штаба, и ничего изъ этого хорошаго не вышло. Жилъ я съ солдатами прेमילו. Полагаю я, что мое знахарское искусство и прельстило такъ просторныхъ талабскихъ рыбарей.

— Вотъ какъ случилась эта кража. Отступали мы. Гатчина, Колпино и Волосово остались далеко за нами. Шли мы, конечно, не въ строевомъ порядкѣ, а вразбродъ, кучками, держа взаимную связь какимъ то привычнымъ верхнимъ чутьемъ... Ужасный былъ день. Болотный тонкій ледъ ломался подъ ногами, грязища и холодъ чертовскіе. Со вчерашняго дня ни крошки во рту не было. Идемъ втроемъ, молчимъ и отъ голода слюну глотаемъ. Вдругъ видимъ, въ сторонѣ отъ дороги маленькій отдѣльный хуторокъ. Мы туда. Смотримъ въ окно. Видимъ варистая печь пылаетъ, а передъ печью вся въ красномъ огнѣ здоровенная дебелая пскапская бабища. Засучила рукава подъ самую мышку и хлѣба печеть. Четыре хлѣба уже положила стопкой, а пятый стоитъ наклонно прислонясь къ челу: это она насъ слышала, не успѣла положить. Мы постучались. Отворила дверь. — „Чего нужно“ — голось неласковый. Мы здороваемся. „Здравствуйте и вы. Чего надоть?“ Старшій Колосовъ говорить:

— Добрая женщина, намъ бы хлѣбца немного. Со всѣмъ оголодали. Съ большевиками мы за Петербургъ... дрались... Бѣлые мы...

Она сразу взѣлась.

— Много васъ тутъ шляется по дорогамъ, — бѣлые, красные, желтые, синіе... Мнѣ на это наплевать. Сами скоро за милостыней пойдемъ.

Тутъ пришелъ мой чередъ вступиться.

— Красавица, — говорю я ей. — Вы же не думайте, что мы хотимъ бесплатно. Возьмите денегъ сколько хотите. — И протягиваю ей толстую пачку юденическихъ крылатокъ. Та едва взглянула.

— А что я съ твоими бумажками дѣлать буду. Окле-

ивать что ли избу? — или... — Тутъ она ввернула два словечка очень мѣткихъ, но совсѣмъ неупотребляемыхъ въ порядочномъ обществѣ.

— Далъ бы царскихъ, былъ бы другой разговоръ. Проходите. Не застите.

Однако, я упорствовалъ.

— Въ такомъ случаѣ, сердитая хозяйка, можетъ быть возьмете часы?

— Покажи.

Я снимаю съ запястья мои никкелевые оксидированные часы, съ которыхъ давно уже сошла чернь и проступила жестяная бѣлизна металла, а матерчатый браслетъ весь обомшѣлъ и растрепался.

— Нашелъ тоже! Если бы еще золотые? Сказала нѣтъ — и нѣтъ.

Но тутъ деликатно вмѣшался младшій Колосовъ. Учтивымъ сладкимъ теноркомъ, кокетливо изгибая шею, онъ сказалъ:

— Тетенька, а если бы мыльце мы вамъ предложили, что на это изволите сказать?

Баба умякла.

— Мыло? Это совсѣмъ другая вещь, это дѣло.

— Только тетенька, — еще нѣжнѣе запѣлъ Колосовъ — ужъ очень мнѣ неловко. У меня не цѣльный кусокъ, а, такъ себѣ, обмылочекъ.

— Ладно, ладно, показывай.

Посмотрѣла внимательно, мотнула головой.

— Невеликъ обмылочекъ, а, все таки, въ хозяйствѣ пригодится. Ну, давай что ли.

Отрѣзала она ломоть отъ каравая. Свирѣпой намъ эта баба сначала показалась, а какъ стала рѣзать хлѣбъ, то мы и увидѣли, что она предобрая. Начала рѣзать узко, а подъ конецъ все шире, да шире. Это ужъ такая вѣрная примѣта. А суровость она нарочно на себя напускала. Просто пособачиться захотѣла.

Вышли мы изъ избы. Съли на бревна, а дальше идти ужъ терпѣнія не было. Разрѣзали краюху на ровныя части. Жуемъ, а отъ наслажденія даже жмуримся. Хлѣбъ теплый,

круто замѣшанный, мягкій, пахучій. Наѣлись до сыта, воды достали изъ колодца, испили. Только вдругъ я себя хлопнулъ ладонью по лбу.

— Колосовъ, а гдѣ же ты обмылокъ-то досталъ?

А того уже въ сонъ клонитъ, отвѣчаетъ лѣнливо:

— Обмылочекъ-то? Да у ей же, на рукомойникѣ.

ДОМЪКЪ.

Петербургъ. По главной аллеѣ Лѣтняго Сада идутъ три человѣка. Одинъ изъ нихъ — актеръ, Илья Ураловъ, новый любимецъ взыскательной александринской публики. Все у него преувеличенно большое: и могучее рослое тѣло, и рыжее крупное лицо съ солидной бородавкой, и голосъ, и имя, и англійское широченное пальто балахономъ, и мягкая ковбойская шляпа, и даже карманные часы величиною съ кухонный будильникъ. Рядомъ съ нимъ, едва достигая головой его плечъ, мелкими, торопливыми шажками семенитъ милѣйшій, добродушнѣйшій Яшенька Эпштейнъ. Весь артистическій міръ Петербурга знаетъ и любитъ „нашего Яшу“. Писатели, актеры, пѣвцы, художники, музыканты — всѣ они постоянные гости, а порою и временные жильцы въ широко открытомъ Яшиномъ домѣ.

Празднуетъ Яша одинаково усердно и православные и еврейскіе праздники. Впрочемъ, иногда онъ не празднуетъ ни тѣхъ, ни другихъ. Это бываетъ въ несчастливые дни, въ невезеньевы полосы, когда въ купеческомъ клубѣ понтеры бьютъ у него банкъ за банкомъ, ибо главная спеціальность Яши — „макао“, а то, что онъ талантливый инженеръ-химикъ — это маленькая побочная профессія...

Въ домѣ у него всегда просто, свѣтло, весело и какъ то радостно. Здѣсь поютъ, импровизируютъ, декламируютъ. Здѣсь рождаются безшабашные анекдоты, ставятся экспромptomъ одноактныя оперетки и пародіи на новыя театральныя пьесы, рассказываются старинныя театральныя преданія и съ любовью воскрешаются забытыя старыя пѣсни и наивные романы... Здѣсь каждый гость хо-

зяинъ; ему все позволено. Одного только не терпитъ Яша: это когда кто-нибудь дурно говоритъ объ отсутствующемъ товарищѣ по профессіи.

Но милый ликъ Яши заставилъ меня немного уклониться. Сзади Ильи Уралова лѣниво идетъ третій компаніонъ, очень смиренный человѣкъ — это вашъ покорнѣйшій слуга, пишушій настоящія строки.

Вчера была еврейская Пасха, и Яша пригласилъ насъ, по этому случаю, въ еврейскую кухмистерскую, что на углу Невскаго и Фонтанки, и тамъ угощалъ насъ замѣчательнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ фаршированной щуки (рыба—фишъ) и курицы по еврейски — обѣдомъ, орошеннымъ 70-градусной пейсаховой водкой и сладкимъ палестинскимъ виномъ.

Но не въ этихъ кулинарныхъ прелестяхъ заключался главный смыслъ обѣда, а въ томъ, что Яша познакомилъ насъ съ великимъ еврейскимъ писателемъ и неподобнымъ юмористомъ Шоломъ Алейхемомъ. Этотъ морщинистый маленькій старикъ, съ острымъ и добродушно лукавымъ взглядомъ сквозь роговые очки, охотно прочиталъ намъ нѣсколько своихъ коротенькихъ рассказовъ. Онъ читалъ на жаргонѣ, но, обладая самымъ ничтожнымъ запасомъ нѣмецкаго языка, его легко было понимать, такъ выразительно выговаривалъ онъ каждое слово, и такъ ясны и богаты были его интонаціи.

А кромѣ того, все, что читалъ Шоломъ-Алейхемъ, тотчасъ же, невольно, какъ живая иллюстрація, отражалось на подвижномъ лицѣ Уралова, который родился и прожилъ всю молодость въ чертѣ и отлично зналъ жаргонъ. Ахъ, это было двойное наслажденіе — слушать одного и смотрѣть на другого. У Яши все лицо сіяло отъ удовольствія...

А на другой день, то-есть, сегодня, всѣ мы трое званы были къ пасхальному русскому столу у пламеннаго Павлуши Самойлова и оттуда ушли лишь послѣ того, какъ раздѣли хозяина и бережно уложили его на диванъ. Тогда и мы сами почувствовали потребность въ прогулкѣ по свѣжему воздуху.

Столѣтнія липы Лѣтняго Сада еще были голы, но на ихъ тонкихъ вѣткахъ уже краснѣли пупырышки тугихъ почекъ. Весенній воздухъ дрожалъ и щекоталъ лицо. Мраморныя богини, нимфы и музы только что освободились отъ своихъ зимнихъ дощатыхъ покрывалъ и мнѣ казалось, что ихъ бѣлымъ нагимъ тѣламъ хочется потянуться въ сладкой весенней истомѣ. По дорожкамъ ходили женщины, такія прекрасныя, какія бываютъ только въ Петербургѣ весною...

Яша вдругъ воскликнулъ:

— Укротись, Илья, сдѣлай милость. Ты бѣжишь, какъ слонъ, и я усталъ тебя догонять.

Мы остановились.

— Вотъ, что я вамъ хотѣлъ, господа, сказать — продолжалъ Яша. Въ сущности же это — свинство. Ну, да кто же изъ насъ не назначалъ свиданій на скамейкахъ Лѣтняго Сада. И всѣ мы отлично знаемъ, что въ Лѣтній Садъ водилъ гулять юнаго Женю Онѣгина его гувернеръ — Monsieur L'abbе, и что Пушкинъ называлъ Лѣтній Садъ своимъ огородомъ. Но признайтесь, друзья мои, были ли вы когда-нибудь въ домѣ Петра Великаго?

Мы переглянулись и всѣ трое сознались конфузливо, что нѣтъ, не были.

— Такъ пойдете.

Посѣтителей, кромѣ насъ не было. Въ сѣняхъ насъ встрѣтилъ древній старикъ въ старинномъ мундирѣ. Ростомъ онъ былъ съ Уралова, несмотря на то, что время слегка согнуло его спину. Лицо его было обрито, а толстые и крутые, какъ у моржа, бѣло-зеленые усы покрывали всю его верхнюю челюсть. Видъ у него былъ суровый, даже строгій. Онъ повѣсилъ наши пальто на колышки и сунулъ каждому изъ насъ по номерочку. Говоря съ нами, онъ поминутно дѣлалъ паузы и, должно быть, отъ астмы, громко отпыхивался; такъ: паф-паф-пафъ.

— Пожалуйте за мною, — сказалъ онъ и пошелъ по лѣстницѣ.

Яша ликовалъ. Потирая быстро и крѣпко свои маленькія ручки, онъ сказалъ восторженно.

— Такъ, вотъ, это, значитъ, и есть домикъ Петра Великаго? (справедливость требуетъ сказать, что Яша произнесъ не „домикъ“, а нѣжно „домику“, съ мягкимъ знакомъ на концѣ).

Старикъ вдругъ остановился и съ негодованіемъ обернулся на Яшу.

— Домику? — переспросилъ онъ съ густымъ презрѣніемъ. — Домику? Паф-паф-пафъ. Не домику, а дворецъ Его Императорскаго Величества, государя Петра Алексѣевича. Паф-Пафъ.

И онъ, ехидно передразнивая Яшу, еще разъ повторилъ блеющимъ голосомъ:

— До-о-о-о-омику. Пафъ!

Яша былъ уничтоженъ. Тщетно онъ бормоталъ извиненія. Онъ-де отлично знаетъ, что домику — это на Петербургской сторонѣ, подъ стекломъ, онъ только случайно сбился, ошибся, сбился. Старый солдатъ не удостоилъ его даже взглядомъ.

И странно: въ эту минуту мнѣ вдругъ показалось, что ветхій сторожъ служилъ солдатомъ еще при самомъ Великомъ Петрѣ, раздѣляя съ нимъ военныя тяготы подъ Нарвой, Полтавой и Азовомъ, и показалось также, что въ покояхъ вдругъ запахло крѣпкимъ табакомъ, ямайскимъ ромомъ и острымъ потомъ огромнаго плотника.

Старикъ велъ насъ дальше, тяжело ступая по дубовымъ доскамъ, натертымъ какъ паркетъ.

Яша не удержался и во второй комнатѣ.

— Что за прелестный коверъ! — сказалъ онъ, указывая на стѣну. — Изумительно!

— Коверъ? — снова огрызнулся старикъ. — Это коверъ? Паф-пафъ. Это не коверъ, а гобеленъ, французской королевской мануфактуры. Подарокъ герцогини Беррійской во время посѣщенія Парижа Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ.. Паф-паф-пафъ. Доооомику.

Тутъ Яшенька уже совсѣмъ замолкъ. Въ картинной галлерей онъ попробовалъ было сказать на ухо Уралову: „Какой великолѣпный Рембрандтъ!“, и слава Богу, что не

сказаль громко, а то бы задалъ ему перцу старый воинъ. Картина оказалась кисти Тинторетто.

Наконецъ, сподвижникъ Петра привелъ насъ въ столовую.

— Обратите вниманіе — торжественно заговорилъ онъ. — Столъ изъ простого сосноваго дерева. Деревянные чашки и ложки... Паф-пафъ... А здѣсь, извольте поглядѣть, малое окошечко прямо въ кухню. Императоръ любилъ, чтобы все подавалось самое горячее, Другіе, паф-пафъ, не выдерживали, не терпѣли, обжигались...

— Да, — продолжаетъ онъ съ глубокимъ пафосомъ. — Было время и были люди. Вѣдь государыня-то, Катерина Алексѣевна, сама, собственными ручками, изволила Императору обѣдъ стряпать... А нынѣшнія!.. развѣ онѣ могутъ? Развѣ понимаютъ? паф-пафъ. Дооомикъ.

Мы спускаемся въ сѣни. Петровскій солдатъ помогаетъ одѣться мнѣ и Уралову. Мы даемъ ему по полтиннику. Яша даетъ дрожащей рукой синюю пятирублевку. Но старикъ не притрагивается къ его пальто. Онъ равнодушно опускаетъ бумажку въ карманъ и произноситъ:

— Паф-пафъ. Дооомикъ.

ЧЕТВЕРО НИЩИХЪ.

(ЛЕГЕНДА).

Во всѣхъ кабачкахъ и ресторанахъ Парижа можно спросить на десертъ лѣсные орѣхи, миндаль, изюмъ и вяленыя фиги. Надо только сказать гарсону: дайте мнѣ „нищихъ“, и вамъ подадутъ аккуратную бумажную коробочку, въ которую заключены всѣ эти четыре сорта заѣдокъ столь любимыхъ, когда то и у насъ, въ бывшей богатой торговой тысячеглавой Москвѣ.

Парижъ, въ своей бѣготнѣ и суетливости, нетерпѣливо сокращаетъ слова и фразы: метрополитэнъ — метро, бульваръ С.-Мишель — Буль-Мишъ, бифштексъ а ля Шатобрианъ — шато, кальвадосъ — кальва. Такъ и вмѣсто стариннаго „dessert des quatre mendians“ онъ бросаетъ кратко „mendians“! Однако, лѣтъ девять назадъ, я еще заставалъ на коробочкахъ, содержащихъ это простое и вкусное лакомство, полную надпись. Теперь ея больше не увидишь.

Я уже и самъ не знаю, услышалъ ли я гдѣ нибудь, или видѣлъ во снѣ, или нечаянно самъ придумалъ милую легенду о происхожденіи этого страннаго названія.

Любимѣйшій изъ французскихъ королей и героевъ (кромѣ мифическихъ) еще не былъ тогда Генрихомъ Четвертымъ, могущественнымъ королемъ Франціи, а всего лишь Анри Бурбономъ, маленькимъ властелиномъ маленькой Наварры. Правда, при его рожденіи, знаменитый астрологъ Нострадамусъ предсказалъ ему по звѣздамъ великую будущность: славу, сіяющую во всѣхъ вѣкахъ, и неизсякаемую народную любовь.

Но во времена, о которыхъ идетъ рѣчь, молодой гасконскій король — этотъ веселый и добрый скептикъ —

еще и не думалъ о своей бестящей звѣздѣ, или, можетъ быть, по свойственной ему осторожной скрытности, дѣлалъ видъ, что не думаетъ. Онъ беззаботно бѣгалъ не только за прекрасными дамами своего крошечнаго двора, но и за всѣми хорошенькими женщинами Оша, Тарба, Мирадны, По и Ажена, не оставляя своимъ любезнымъ вниманіемъ также и женъ фермеровъ и дочерей трактирщиковъ. Цѣнилъ онъ острое слово, сказанное во время, и не напрасно его иные шутки и афоризмы стали сокровищами народной памяти. И любилъ онъ, еще, хорошее красное вино за веселой дружеской бесѣдой.

Былъ онъ бѣденъ, простъ съ народомъ, справедливъ въ своихъ приговорахъ и весьма доступенъ; поэтому искренно преданы ему были и гасконцы, и наваррцы, и беарнцы, находя въ немъ милыя черты добраго, легендарнаго короля Дагобера.

Большой его страстью и любимымъ развлеченіемъ была охота. Въ то время множество звѣря водилось въ нижнихъ и верхнихъ Пиренеяхъ: волки и медвѣди, рыси, кабаны, олени, горные козлы и зайцы. Знатокомъ былъ небогатый король Анри и въ соколиной охотѣ.

* * *

Однажды, охотясь въ окрестностяхъ По, въ густомъ сосновомъ лѣсу, простиравшемся на много десятковъ лье, король Генрихъ напалъ на слѣдъ прекрасной горной козы и, преслѣдуя ее, отдѣлился понемногу отъ своей охотничьей свиты на очень большое разстояніе. Раздраженный запахомъ звѣря, его собаки такъ увлеклись погоней, что вскорѣ не стало слышно даже ихъ лая. Между тѣмъ, незамѣтно сгущался вечеръ и пала ночь. Тутъ король понялъ, что онъ заблудился. Издали доносились призывные звуки охотничьихъ роговъ, но — странно — чѣмъ дальше онъ шелъ на нихъ, тѣмъ слабѣе звучали рога. Съ досадою вспомнилъ Генрихъ о томъ, какъ сбивчивы и капризны всѣ громкіе звуки въ горныхъ лѣсахъ и какой предательской насмѣшникъ — горное эхо. Но было уже поздно. Предстояло переночевать въ лѣсу. Однако, король, какъ

истый гасконецъ, былъ рѣшителенъ и настойчивъ. Усталость одолевала его, голодъ терзалъ его внутренности, мучила жажда; къ тому же, неловко подвернувшаяся нога испытывала острую боль въ ступнѣ при каждомъ шагѣ: король все таки, прихрамывая и спотыкаясь, съ трудомъ пробирался сквозь чащу, въ надеждѣ найти дорогу, или лѣсную избушку.

Вдругъ его ноздрей коснулся слабый-слабый запахъ дыма (король вообще отличался изумительнымъ обоняніемъ). Потомъ мелькнулъ сквозь чащу малый огонечекъ. Король Анри пошелъ прямо на него, и вскорѣ увидѣлъ, что на горной полянкѣ разложенъ небольшой костеръ, и вокругъ него сидятъ четыре черныя фигуры. Сиплый голосъ окликнулъ:

— Кто идетъ?

— Добрый человекъ и хорошій христіанинъ, — отвѣтилъ Анри. — Я заблудился и вывихнулъ правую ступню. Позвольте посидѣть у васъ до утра.

— Иди и садись.

Король такъ и сдѣлалъ. Странная компанія засѣдала среди лѣса у огня: одѣтые въ лохмотья, грязные и мрачные люди. Одинъ былъ безрукій, другой безногій, третій слѣпой, четвертый кривлялся, одержимый пляскою Святого Вита.

— Кто вы такіе? — спросилъ король.

Но слѣпецъ съ сиплымъ голосомъ возразилъ ему:

— Сначала гость представляется хозяевамъ, а потомъ уже спрашивается.

— Вѣрно, — согласился Генрихъ. Ты правъ. Я ловчій изъ королевской охоты, что, впрочемъ, можно замѣтить по моему костюму. Я случайно отбился отъ товарищей, и, какъ видите, потерялъ дорогу...

— Я то, положимъ, ничего не вижу, но все равно, будь нашимъ гостемъ. Мы рады тебѣ. Мы всѣ изъ бродячаго цѣха свободныхъ нищихъ, хотя очень жаль, что твой добрый господинъ, король Анри, — да будетъ благословенно его славное имя, — издалъ такой жестокой указъ

о преслѣдованіи нашего сословія. Чѣмъ можемъ мы служить тебѣ?

— О, кишки Святого Григорія! — вскричалъ король. Я голоденъ какъ собака и жажду какъ верблюдъ въ пустынѣ. Кромѣ того, можетъ быть, кто нибудь перевяжетъ мнѣ ногу. Вотъ вамъ маленькій золотой, все что у меня есть съ собой.

— Прекрасно, — сказалъ слѣпецъ, который, повидимому, былъ предводителемъ компаніи. — Мы предложимъ тебѣ на ужинъ хлѣба и козьего сыра. У насъ также имѣется самое отличное вино, какого нѣтъ, пожалуй, и въ королевскомъ погребѣ, да притомъ въ безграничномъ количествѣ. Эй, ты, плясунъ! Сбѣгай ка скорѣе къ роднику и нацѣди фляжку воды. А ты, охотникъ, протяни мнѣ больную ногу, я стащу съ тебя сапогъ и забинтую тебѣ подъемъ и лодыжку. Это не вывихъ: ты просто растянулъ жилу.

Вскорѣ король вдоволь напился холодной родниковой воды, которая ему, великолѣпному знатоку въ напиткахъ, показалась вкуснѣе самаго драгоцѣннаго вина. Съ необыкновеннымъ аппетитомъ съѣлъ онъ простой ужинъ, а туго и ловко перевязанная нога сразу почувствовала облегченіе. Онъ сердечно поблагодарилъ нищихъ.

— Подожди, — сказалъ слѣпой. — Неужели ты думаешь, что мы, гасконцы, обходимся безъ десерта. Ну-ка, ты, однорукій!

— Мнѣ лавочница подала мѣшечекъ съ изюмомъ.

— Ты, одноногій!

— А я, покамѣстъ онъ заговаривалъ зубы лавочницѣ, стянулъ пригоршни четыре фигъ.

— Ты, плясунъ!

— Я набралъ по дорогѣ полную запазаху лѣсныхъ орѣховъ.

— Ну, а я, — сказалъ слѣпой староста, — я присоединяю узелокъ съ миндалемъ. Это, друзья мои, изъ моего собственнаго маленькаго садика, съ моего единственнаго миндального дерева.

Покончивъ съ ужиномъ, король и четверо нищихъ

легли спать и сладко проспали до ранней зари. Утромъ нищіе указали королю дорогу до ближайшей деревни, гдѣ Анри могъ найти лошадь или осла, чтобы кратчайшимъ путемъ добраться до По.

Прощаясь съ ними и благодаря ихъ отъ души, Генрихъ сказалъ:

— Когда придете въ По, не забудьте зайти во дворецъ. Короля вамъ незачѣмъ будетъ разыскивать, вы спросите только ловчаго Анри, ловчаго съ остренькой бородкой, и васъ проведутъ ко мнѣ. Живу я небогато, но бутылка вина и кусокъ сыра, а иногда можетъ быть и курятины, у меня всегда найдется для друзей.

* * *

Король благополучно добрался до города По, встрѣтивъ по дорогѣ свиту, которая въ тревогѣ его разыскивала. О своемъ ночномъ приключеніи онъ никому не рассказалъ.

Сколько прошло дней, недѣль или мѣсяцевъ съ того времени — легенда не говорить. Но однажды остановились у воротъ скромнаго королевскаго дворца въ городѣ По четыре нищихъ и стали просить, чтобы ихъ проводили къ сыеру Анри, ловчему королевской охоты, къ тому самому Анри, у котораго остренькая барбишка. Начались пререканія и ссора. Нищіе настаивали на своемъ, привратникъ кричалъ на нихъ и все пробовалъ ихъ вытолкнуть. На шумъ сбѣжались дворцовые люди, наконецъ, и самъ король выглянулъ въ окно.

— Не трогайте этихъ людей, — крикнулъ онъ, — и ведите ихъ скорѣе ко мнѣ. Это мои друзья.

— Кто этотъ монсиньоръ? — шопотомъ спросилъ слѣпецъ.

— Неужели не знаете? Король!

Король угостилъ своихъ лѣсныхъ знакомцевъ сытнымъ обѣдомъ и добрымъ виномъ. Онъ самъ сидѣлъ съ ними за столомъ. А подъ конецъ трапезы поданъ былъ десертъ изъ четырехъ блюдъ: орѣховъ, изюма, миндаля и вяленыхъ фигъ. Нищіе ушли изъ дворца обласканные и щедро одаренные монархомъ (который, надо сказать,

былъ обычно нѣсколько скуповатъ). А десертъ четырехъ нищихъ сталъ моднымъ, сначала въ Наваррѣ и Гаскони, а потомъ, когда Анри сталъ доблестнымъ Генрихомъ IV, славнымъ королемъ Франціи, онъ сдѣлался неизбѣжнымъ въ каждомъ порядочномъ домѣ и даже во всѣхъ трактирахъ.

Очень можетъ быть, что именно въ память своихъ четырехъ друзей король Генрихъ отмѣнилъ указъ о жестокомъ преслѣдованіи нищихъ, но — человекъ великаго практическаго ума — онъ все таки обложилъ ихъ извѣстнымъ налогомъ въ пользу государства.

У ТРОИЦЕ-СЕРГІЯ.

(РАЗСКАЗЪ).

Москва, какъ и Парижъ любитъ сокращать наименованія мѣстностей. Ходынское поле у нея — Ходынка; Преснѣнская часть — Прѣсня, Трубная площадь — просто Труба. Также коренной москвичъ никогда не говоритъ „Поѣду въ Троице-Сергіевскую лавру“, а скажетъ коротко: „Поѣду къ Троице-Сергію“. А ѣздитъ онъ поклониться преподобному Сергію никакъ не менѣе раза въ годъ; обыкновенно раза три, четыре и больше. Многіе же, по данному обѣту, отправляются въ Лавру по способу пѣшаго хожденія, благо она недалече отъ Москвы, около шестидесяти верстъ; это — рукой подать. Идутъ въ день верстъ по пятнадцати — двадцати. Ночуютъ у крестьянъ, которые съ этого живутъ: у нихъ всегда наготовѣ и сѣнники, и самовары, и водочка, и курочка, и яички, и густыя щи. Кто побѣднѣе — несутъ съ собою въ узелкахъ скудную провизію, а ночуютъ лѣтомъ гдѣ нибудь, въ березовомъ лѣску, на травкѣ; тамъ и грибки можно собирать и душистую земляничку. Благодать! И воздухъ какой: на что тебѣ и дача?

Купецъ московскій Парфень Изотычъ — желѣзнымъ ломомъ торгуетъ онъ на Балчугѣ — тотъ пѣшеходное паломничество совершаетъ съ легенькой хитрецей. Идутъ всей семьей, съ услужающей дѣвченкой, а сзади ползетъ собственный экипажъ солидно нагруженный всякой домашней снѣдью, не считая винныхъ издѣлій Петра Смирнова, копченныхъ рыбныхъ продуктовъ отъ Ильи Калганова, бутылокъ съ Ланинской фруктовой водой, и всякихъ ковровъ, подушекъ, думокъ и перинъ. На ночлегахъ для

нихъ мѣстные домохозяева особыя комнаты отводятъ: такъ называемыя „бѣлыя“, или дворянскія.

Такъ они путешествуютъ, со всѣми удобствами, не торопясь, останавливаясь разъ десять на переходѣ. Да еще, нѣтъ-нѣтъ Парфень Изотычъ, вспотѣвъ и весь промокнувъ, возьметъ и присядетъ въ коляску. А какъ осудишь его? Въ мужчинѣ десять пудовъ съ походцемъ. И кромѣ того, врагъ рода человѣческаго, чѣмъ ближе къ святымъ мѣстамъ, тѣмъ онъ становится злобнѣе и предприимчивѣе.

Удивительные бываютъ этому и поучительные примѣры.

Соберется иногда небольшая купеческая компанія, такъ, человѣкъ въ пять, шесть, и все одни мужчины. Съ бабами, молъ, возни и хлопотъ не оберешься, и тащатся онѣ еле-еле, и въ святыхъ мѣстахъ отъ нихъ только суэта, помѣха и соблазнъ.

Идутъ. Конечно не пропуская ни одной остановки и скромно подкармливаясь кое гдѣ на пути. И вотъ, совсѣмъ неизвѣстно почему, вдругъ оказываются черезъ пятнадцать дней въ Москвѣ, въ трактирѣ у Яра, а у Троицы и не бывали... Какъ это могло случиться? Несомнѣнно по навожденію нечистаго.

Народъ попроще, и безъ затѣй, ѣдетъ къ Троицѣ-Сергію по желѣзной дорогѣ, въ третьемъ классѣ. Ызды всего часъ съ небольшимъ. Многіе слѣзаютъ въ Хатьковѣ, гдѣ покоятся родители Преподобнаго. Оттуда направляются въ Сергіевъ посадъ либо пѣшкомъ, либо въ вагонѣ.

На станцію „Сергіево“ поѣздъ приходитъ зимою подъ вечеръ. Еще не темно, но уже начинается темнѣть. На выходной площадкѣ трудно протолпиться, и вся она окружена санями: тутъ и простыя одноконныя извошничьи сани, и пары въ пристяжку — „голубки“, и широченныя тройки, запряженныя неправдоподобно — громадными косматыми жеребцами. Лошади гогочатъ. Отъ нихъ идутъ клубы пара. Извошники и ямщики орутъ, наперерывъ зазывая сѣдоковъ. И откуда только эти шустрые кучера узнаютъ мгновенно и безошибочно общественное положеніе всѣхъ людей, тѣ-

снящихся на платформѣ со своими чемоданами, узлами, баулами и корзинами?

— Ваше Сіятельство, лихо прокачу на пѣтушкѣ!

— Купецъ, пожа-пожжалуйте!

— Мамаша! На него не садитесь энтотъ мигомъ опрокинетъ. Въ полицію съ нимъ попадете.

— Ваше превосходительство, со мной, въ прошлый разъ, цѣлую недѣлю ѣздили!

— Эй, Володька! Ты что такую уйму насажалъ? Обвяжи веревочкой, чтобы не разсыпались!

— Баринъ! Ечкинская тройка! Доставьте удовольствіе барынѣ то!

— Тетенька! Со мной недорого и спокойно!

— Ваше преосвященство. За вами нарочно пріѣхалъ. Придворный монастырскій ямщикъ... Не угодно? — Прите— прите пѣшкомъ-съ.

— Купчиха! Садись! Отвезу почти задаромъ, за одну за красоту вашу! Эй ты! Желтоглазый! Осади, сдѣлай — милость...

И все это совсѣмъ беззлобно, скорѣе даже, ласково; такъ, отъ вѣкового шутливаго ерничества, отъ сытости, отъ здоровой игры въ кровяхъ.

* * *

Меня упрекнуть можетъ быть, въ томъ, что я все рассказываю въ настоящемъ времени: говорю есть, а не было.

Да, я хорошо знаю, что въ Россіи нынѣ и слѣда не осталось отъ прежней ладной, свободной, уключей жизни. Но, что же я могу съ собою подѣлать, если прошлое живетъ во мнѣ со всѣми чувствами, звуками, пѣснями, криками, образами, запахами и вкусами, а теперешняя жизнь тянется передо мною, какъ ежедневная, никогда не перемѣняемая, надоѣвшая истрепленная фильма. И не въ прошедшемъ ли мы живемъ острѣе, но глубже, печальнѣе, но слаще, чѣмъ въ настоящемъ?

Кто мнѣ возвратитъ очаровательный вкусъ чернаго хлѣба съ крупной солью, когда прибѣжишь домой изго-

лодавшись отъ бѣготни въ одиннадцать лѣтъ, или вкусъ свѣжаго огурца съ сахаромъ, особенно, если и огурецъ и сахаръ наскоро украдены дома, на кухнѣ. Какъ они громко хрустѣли на зубахъ! А вдругъ ктонибудь услышитъ?

Я помню, какъ мальчишкой, лѣтъ девяти, я увидѣлъ на зеленомъ газонѣ скромные милые цвѣточки полевой маргаритки, съ нѣжно розовыми лепестками, чуть-чуть окропленными росю. Это было такъ просто и такъ божественно прекрасно! Я старался не дышать, что бы не спугнуть маргаритокъ. Мнѣ хотѣлось заплакать отъ радостной полноты сердца. Слово я не могъ бы теперь найти, для того, чтобы выразить эту красоту, хотя у дѣтей, вѣроятно находятся и такія чудесныя слова... Но, вотъ, полевая маргаритка и до сихъ поръ мой любимый цвѣточекъ, а сердце уже не радуется. Однако, легкимъ усиленіемъ воображенія я могу вызвать не теперешнюю, а ту, дѣтскую маргаритку, какой я видѣлъ ее на расцвѣтѣ жизни и опять душа моя умиляется. Что же здѣсь настоящее? Та ли, дальняя, мечтаемая, но живая маргаритка, или нынѣшняя осязаемая пальцами, но бездушная для меня? Что вѣрнѣе?

* * *

Весь посадъ состоитъ изъ множества маленькихъ деревянныхъ домишекъ, похожихъ на скворечники крашеные въ коричневую краску и почти въ каждомъ домѣ можетъ богомолецъ найти ночлегъ за очень небольшую плату. Сдають эти канареечныя комнатки почему то толстыя румяныя вдовы. „Аристократы посадскаго мѣщанства“ балбешники, (это тѣ мастера, которые выгачиваютъ и вырѣзываютъ, изъ липоваго дерева игрушки и куклы) комнатъ не сдають. Впрочемъ извозчики все знаютъ: и уютныя квартирки, и развеселыя мѣста.

Есть въ посадѣ и двѣ лаврскія гостинницы: старая и новая, обѣ каменныя, двухэтажныя — снаружи — бѣлыя, а внутри крашенныя по стѣнамъ той спокойной серьезной зеленой краской, въ которую красились всѣ духовныя, благотворительныя и иныя заведенія.

Я помню только большую. Тамъ съ самыхъ раннихъ

моихъ дѣтъ останавливались мы съ матерью, когда она меня привозила къ преподобному Сергію; тамъ же я ставалъ и позднѣе, когда доросъ до самостоятельности. Не забыть мнѣ никогда этихъ сурово-зеленыхъ стѣнъ, этихъ запаховъ воска, ладана, кваса, деревяннаго масла и мятнаго куренія, этой тишины, нарушаемой важнымъ тиканьемъ огромныхъ старинныхъ часовъ и мягкими шагами гостиничныхъ послушниковъ. Храню въ памяти бережно и соборную площадь — кусокъ Москвы XVI столѣтія. Тысячи голубей. Ковровые широченные сани, огромные сѣрые, въ яблокахъ лошади, лотки съ грудями красныхъ, пунцовыхъ, малиновыхъ и оранжевыхъ яблокъ, ларьки съ деревянными игрушками: тутъ и медвѣдь съ кузнецомъ и раздвижные солдаты, и щелкунчикъ, который дробить орѣхи и еще много такихъ же прелестей. Помню даже запахъ рыхлаго зелено-желтаго снѣга, и конечно навоза и голубинаго помета и постнаго масла и блиновъ...

Въ дѣтствѣ моемъ пріѣзжали мы не одни, а всегда съ Еленой Александровной, близкой подругой матушки. Онѣ дружили еще съ Пензы, гдѣ онѣ вмѣстѣ учились и вмѣстѣ, почти дѣвочками, выѣзжали на балы въ благородное собраніе. Кавалеромъ же ихъ въ танцахъ бывалъ студентъ Вадковскій, впослѣдствіи митрополитъ Санктъ-Петербургскій и Ладожскій Антоній.

Была эта Елена Александровна — душа общества, хохотунья, проказница, выдумщица, веселая болтунья, бойбаба. Такой же жизнерадостной она осталась и до послѣднихъ своихъ дней. Уже будучи взрослымъ я увидѣлся съ нею, съ глубокой старухой. Судьба была немилостиво жестока къ ней въ послѣдніе годы ея жизни. Отъ любимой внучки Елены, Елочки, она заразилась дифтеритомъ и у нея вытекъ глазъ, а, спустя годъ, когда одноглазая бабушка вязала чулокъ, а дѣвочка возилась у нея на колѣняхъ, то неловкимъ движеніемъ Елочка толкнула вязальную спицу и проколола ей второй глазъ. И однако слѣпая, старая, почти обнищавшая женщина, умѣла внутренними глазами глядѣть по прежнему радостно на жизнь, любить острое слово и искренно смѣяться на шутку. Потомъ я

узналъ ея жизнь. Эта вертунья, егоза, пересмѣшница, кокетка провела безукоризненно чистую, святую жизнь.

Убравшись въ гостинничномъ номерѣ, мы шли приложиться къ ракъ преподобнаго, такъ часовъ семь — половина восьмого. Въ церкви уже тушили паникадила, горѣли желтоватыми огнями восковыя свѣчи. Жутковато, но и довѣрчиво было прикоснуться губами къ жесткой холодной парчѣ таинственно и сладко пахнувшей мвромъ. Воображеніе рисовало сѣдого согбеннаго старичка. Идетъ онъ сгорбившись, въ бѣленькихъ одеждахъ по лѣсу, а рядомъ съ нимъ большущій медвѣдь. И думалось: вотъ я и упрямя, и золь, и непослушень, и утянулъ чужую свинчатку, и матери грублю, но ты Дѣдушка попроси когонибудь, что бы мена Тамъ простили. А я больше никогда не буду.

Вечеромъ уже къ намъ въ гостинницу приходилъ монахъ, отецъ Леонидъ, тоже старый знакомый и тоже пензенскій. Онъ былъ ужасно высокъ, ужасно черенъ. Его синяя борода лежала широко на его крѣпкой груди и онъ все время ее важно поглаживалъ. Но — странно — когда онъ обращалъ ко мнѣ свои маленькія черныя блестящія глаза, мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ подмигнетъ мнѣ бровью и шепнетъ:

— А что братъ? хорошо бы теперь поиграть въ бабки, или въ перышки, или хоть въ чехарду.

Онъ пилъ очень много чаю съ вареньемъ, съ удовольствіемъ ѣлъ севрюжину и семгу и не отказывался отъ рюмочки дрей Мадеры, по поглощеніи которой моталъ головою и вздыхалъ:

— Грѣхи наши!

Потомъ онъ уходилъ съ долгими поклонами. Ни матушка, ни Елена Александровна никогда не цѣловали рукъ у духовенства: отпечатокъ вольнодумства шестидесятыхъ годовъ...

* * *

Утромъ слушали обѣдню. Тѣснота бывала въ соборѣ непроходимая. Слышалъ я издали слабый тонкій голосъ архіерея. Два иподіакона, оба съ длинными плоскими во-

лосами, оба худые, но жилистые, какъ крючники, одновременно рычали страшными голосами и одновременно бряцали кадилами, взвывая ихъ выше головы. Помню, — я стоялъ около клироса, гдѣ желѣзными голосами въ носъ однообразно пѣли долговязые черные монахи и отлично помню, какъ одинъ изъ нихъ толкнулъ другого локтемъ въ бокъ и произнесъ густымъ шепотомъ, упирая, по владимѣрски, на о:

Погляди, какова кормилка-те, одно слово—королева.

Послѣ обѣдни на паперти насъ уже ожидалъ отецъ Леонидъ съ подношеніемъ освященной просвирки. Онъ насъ водилъ по Лаврѣ, показывая всѣ ея достопримѣчательности. Мы стояли у гробницы Годунова, пили изъ ковша воду цѣлебнаго источника, взбирались на крѣпостныя лаврскія стѣны, выдержавшія когда-то жестокую бомбардировку ляховъ. Стѣна эта такъ широка, что внутри ея свободно разминутся двѣ и двѣ тройки; мѣстами она расширяется до широты сводчатой залы, и въ одной изъ этихъ залъ о. Леонидъ показывалъ намъ ея замѣчательную акустику. Нужно было стать по обоимъ концамъ диагонали — это выходило шагахъ въ тридцати другъ отъ друга и тогда слово, сказанное самымъ тихимъ шепотомъ въ одномъ концѣ такъ необычайно ясно отдавалось въ другомъ, что, безъ подготовки, дѣлалось страшно. Стоящій же по срединѣ ничего не слышалъ.

Ходили мы также съ о. Леонидомъ въ Лаврскую ризницу. Тамъ было много замѣчательнаго. Панагіи, посохи, митры и кресты изъ чистаго золота, осыпанные брилліантами, ризы, вышитыя руками русскихъ Государынь, мѣдныя мѣрки, до верху насыпанныя жемчугомъ, рѣдкій громадный опаль, въ мутной срединѣ котораго — рѣдкая игра природы — слабо видѣлась фигура креста.

Вся эта церковная роскошь меня совсѣмъ не забавляла. Но когда я увидѣлъ въ витринѣ подъ стекломъ деревянную, потемнѣвшую липовую чашу и вѣтхое полуистлѣвшее дырявое холщевое веретѣе; и когда Отецъ Леонидъ тихо и благоговѣйно произносилъ:

— Въ сію некрашенную ризу облачался въ години

бѣдствій преподобный учитель и отецъ нашъ Сергій. И изъ потира сего приобщалъ онъ паству, то глубокое умиленіе передъ простымъ тихимъ подвигомъ волновало всю мою душу.

А потомъ мы прощались съ нашимъ монахомъ. Намъ еще надо было, по древнему обычаю, забѣжать въ блинный рядъ, куда отцу Леониду входа не полагалось. Что-то, на прощаніе, въ руку ему, совала Елена Александровна и онъ бормоталъ:

— Что вы, что вы, матушка моя. Да развѣ затѣмъ? Я вѣдь любя и уважая васъ. Спасибо, спасибо... На свѣчи и на маслицо...

А она говорила ему ласково:

— А вы бы повоздержались отецъ отъ этого маслица-то. Возьмите себя покрѣпче въ руки. Чудный ты человекъ, а все твоя несчастная слабость...

.....
Помню я и послѣднюю мою встрѣчу съ добрымъ монахомъ.

Мы тоже какъ-то, по обыкновенію, проѣхали въ Лавру, но, хотя и предупрежденный о нашемъ пріѣздѣ, Отецъ Леонидъ вечеромъ не посѣтилъ насъ. Не встрѣтилъ онъ насъ и на другой день, послѣ обѣдни на клиросѣ. Розыскивая его, зашли мы въ маленькій зеленый скверикъ, что разбитъ у подножія высокой крѣпостной стѣны, которая кончается какимъ-то казеннымъ трехъ-этажнымъ домомъ и вдругъ мы услышали сверху дикій вопль:

— Оленушка! Сестра моя!

Мы подняли головы кверху. Это кричалъ изъ третьяго этажа, изъ окна, забраннаго рѣшеткой, нашъ злополучный инокъ. Черная борода его высунулась наружу и трепалась отъ вѣтра. А онъ кричалъ жалобно:

— Оленушка! Разноздрили насъ съ тобою, сестрица!

А проходившій мимо насъ служка сказалъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ:

— Черезъ свою слабость пропадаетъ человекъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1) Колесо Времени	3
2) Мысль Гуронъ	79
3) Ольга Суръ	107
4) Кража . . . ,	121
5) Домикъ	133
6) Четыре Нищихъ	139
7) У Троице-Сергія	145

ARHUM

BIBLIOTEKA
UNIwersytecka
Gdańsk

860099

6XX

Nie pożyczaj się do domu